ДБ
30
М82 в.5

Москва

в ея прошломъ и настоящемъ

П. Афанасьевъ.

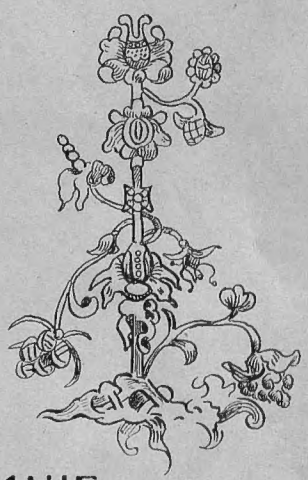
Дб
30 т
М82

Вып. 5
ДБ
30 т
М 82

Москва въ ея прошломъ и настоящемъ.

Въ изданіи принимаютъ участіе:

Проф. Д. Н. Анучинъ, С. К. Богоявленскій, проф. М. М. Богословскій, В. Я. Брюсовъ, П. Г. Васенко, С. А. Венгеровъ, акад. А. Н. Веселовскій, М. О. Гершензонъ, Ю. В. Готье, проф. И. М. Громогласовъ, И. Э. Грабарь, п.-доц. Н. В. Давыдовъ, А. К. Дживилеговъ, проф. М. В. Довнаръ-Заполь-скій, В. В. Каллашъ, проф. А. А. Кизеветтеръ, проф. Д. Г. Коноваловъ, Н. О. Лернеръ, проф. М. К. Любавскій, чл. Гос. Думы В. А. Маклаковъ, проф. А. А. Мануиловъ, С. П. Мельгуновъ, чл. Гос. Думы П. Н. Милюковъ, В. Г. Михайловскій, проф. С. А. Муромцевъ, В. В. Нечаевъ, проф. С. Ѳ. Платоновъ, В. И. Пичета, инж.-арх. В. И. Рубановъ, В. И. Семевскій, проф. М. Н. Сперанскій, кн. А. И. Сумбатовъ, пр.-доц. С. К. Шамби-наго, Акад. А. А. Шахматовъ, П. М. Шестаковъ, проф. Е. Н. Щепкинъ и м. др.

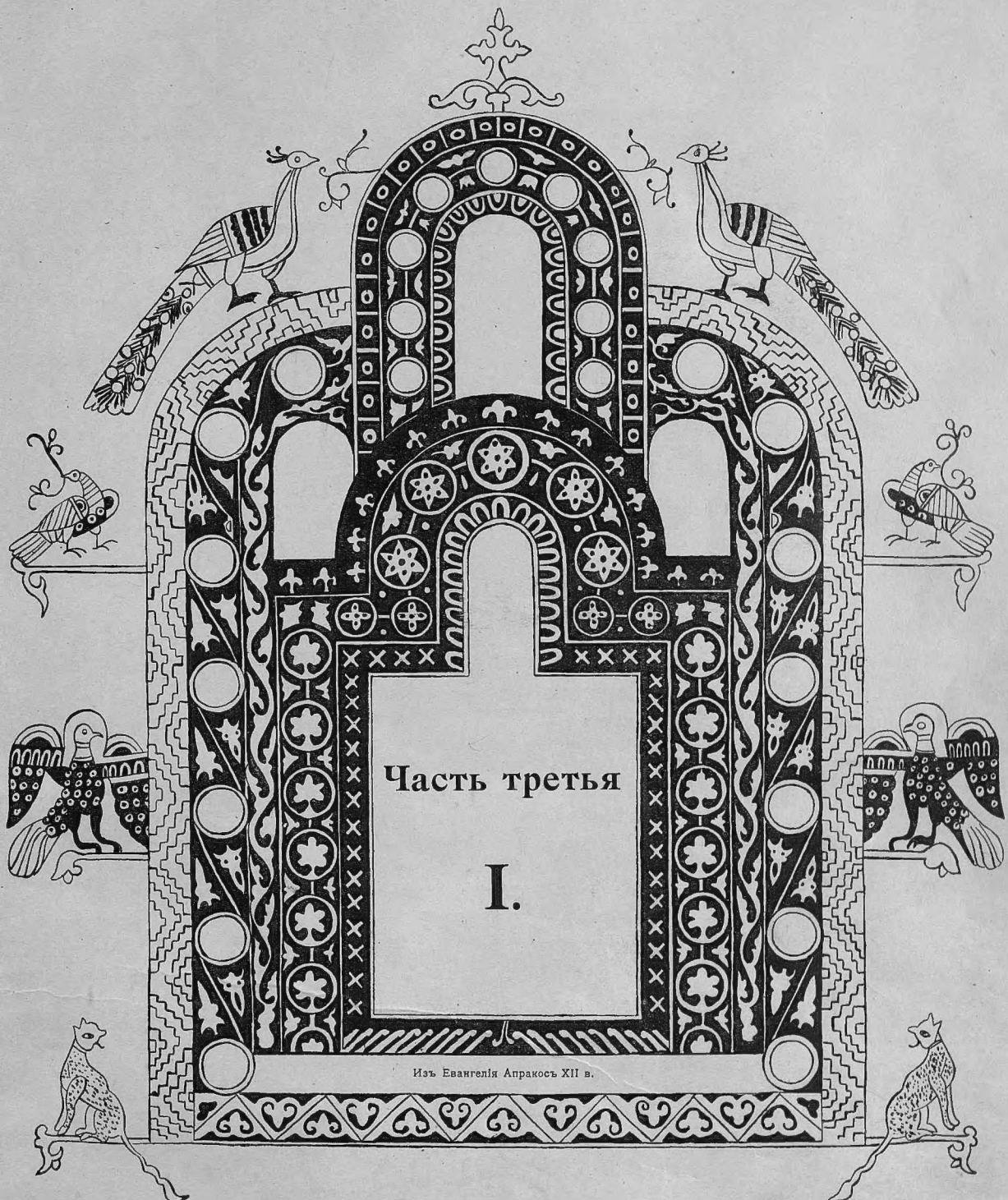


Роскошно-Иллюстрированное изданіе
Посвященное памяти историка Москвы **И. Е. Забѣлина.**

Московское Книгоиздательское Товарищество
„Образованіе."
1910

ТИПОГРАФІЯ
„Русскаго Товарищества“.
Москва, Мыльниковъ пер., с. д. Телеф. 18-35.

БИБЛИОТЕКА
Государ. Историч. Музея
№ 13962
„30“ XII 1935 г.



Часть третья

I.

Изъ Евангелія Апракосъ XII в.

Изъ Псалтыря Суздальскаго Монастыря XVI в.

Бытъ Московскихъ царей и царицъ.

В. И. Пичета.

I. Царская власть въ XVII вѣкѣ.

ъ исторіи верховной власти въ Московскомъ государствѣ XVII вѣкъ занимаетъ особое мѣсто.

Московскимъ государямъ XVI вѣка удалось сокрушить феодальный порядокъ и на его развалинахъ утвердить единодержавіе, но абсолютическія ихъ замашки и выдвинутая имъ теорія божественнаго происхожденія власти встрѣтили серьезное противодѣйствіе со стороны потомковъ бывшихъ феодаловъ, «княжатъ». Правда, власть не желала уступить безъ боя занятой позиціи, и учрежденіемъ опричнины и связанной съ ней мобилизаціей земельной собственности, благодаря которой остатки наслѣдственныхъ удѣльныхъ владѣній «княжатъ» попали въ опричнину, значительно обезсилила аристократію, заставивъ ее временно уйти съ исторической сцены, но о полномъ уничтоженіи политическихъ притязаній аристократіи—при тогдашнихъ общественныхъ отношеніяхъ — пока не могло быть и рѣчи.

Разыгравшіяся событія Смутнаго времени вызвали къ жизни аристократическую оппозицію, выступившую снова при Борисѣ Годуновѣ на арену политической борьбы.

Ей не удалось впрочемъ добиться реализаціи своей политической программы, но зато, съ помощью политическаго шантажа, она ускорила паденіе Годунова.

Но и Самозванецъ не оправдалъ ея надеждъ. Обязанный престоломъ не только одному боярству, но и народной массѣ, Лжедимитрій держалъ

себя независимо отъ него, предпочитая въ свое недолгое царствованіе обходиться безъ боярской думы и находя опору своей власти въ менѣе родовитыхъ общественныхъ элементахъ, которымъ были чужды политическіе идеалы аристократіи. Лжедимитрію не удалось удержаться на московскомъ престолѣ; аристократія сумѣла отдѣлаться отъ него, возвела на престолъ Василія Шуйскаго и могла праздновать побѣду. Отнынѣ, благодаря «записи», она снова превратилась въ правящее сословіе, связавшее власть опредѣленными условіями [1]), надѣлявшими ее политическими правами. Правда, «запись» не ограничивала сферы законодательной дѣятельности царя и ничего не говорила о способѣ собиранія налоговъ, но зато гарантировала личную и имущественную безопасность подданныхъ отъ произвола сверху и тѣмъ самымъ дѣлала невозможнымъ возвращеніе временъ Грознаго и Годунова, когда власть приговаривала къ наказанію безъ думы, отнимала имѣнія у неповинныхъ родственниковъ, и свои обвиненія основывала на показаніяхъ доносчиковъ. Но и Шуйскій не сумѣлъ удержаться на престолѣ, а вмѣстѣ съ нимъ снова сошла, и на этотъ разъ окончательно, аристократическая оппозиція. На историческую сцену выступили новые общественные элементы и приняли участіе въ политической борьбѣ.

Ихъ программа значительно шире въ сравненіи съ политическими мечтаніями аристократіи. Средніе классы хотѣли дѣйствительно превратить русскаго государя въ «правомѣрнаго» царя своихъ подданныхъ, предложивъ Владиславу престолъ на условіи раздѣленія власти съ боярской думой и земскимъ соборомъ. — Правда, этотъ договоръ отъ 4 февр. 1610 года, потомъ отчасти измѣненный московскимъ боярствомъ, не превратился въ политическій фактъ, но онъ любопытенъ, какъ отраженіе политическихъ идеаловъ средней служилой массы, въ сознаніе которой проникла опредѣленная правовая идея, навѣянная тѣмъ выдающимся значеніемъ, которое пріобрѣли за это время земскіе соборы.

Смутное время кончилось избраніемъ на престолъ царя Михаила.

Можно спорить, состоялось ли фактическое ограниченіе царской власти, или нѣтъ; несомнѣнно одно, что царь, обязанный престоломъ консервативнымъ элементамъ русскаго общества и пока не имѣвшій никакой опоры въ народѣ, въ своей правительственной дѣятельности долженъ былъ считаться со взглядами и пожеланіями тѣхъ сословій, которымъ онъ былъ обязанъ престоломъ.

Отсюда идетъ усиленная дѣятельность земскихъ соборовъ, укрѣплявшихъ своимъ авторитетомъ власть и дававшихъ ей необходимыя финансовыя средства. Этимъ же объясняется весь характеръ текущаго законодательства, направленнаго на защиту интересовъ землевладѣльческаго и торгово-промышленнаго сословій въ ущербъ крестьянскому. О времени царя Михаила можно говорить, какъ о періодѣ сословной монархіи; по существу наши земскіе соборы по своему политическому значенію и по компетенціи напоминаютъ собою соотвѣтствующія западно-европейскія со-

[1]) См. выше статью П. А. Васенка «Смутное время».

ТРОНЪ ЕЛИЗАВЕТЫ ПЕТРОВНЫ.

Находится въ Оружейной Палатѣ въ Москвѣ.

словныя учрежденія. Но во второй половинѣ XVII вѣка прежняя сословная монархія медленно перераждается въ абсолютную монархію XVIII вѣка. Правда, основой послѣдней является тотъ же сословный строй, но зато въ самой организаціи власти произошли замѣтныя, существенныя перемѣны. Въ первой половинѣ XVII вѣка правительству и земскимъ соборамъ удалось одержать полную побѣду надъ анархическими элементами общества, принимавшими столь видное участіе въ событіяхъ Смутной эпохи и не желавшими возвращаться подъ старое крѣпостное ярмо. Земскіе соборы, сотрудничая съ царемъ, укрѣпили положеніе новой династіи, такъ что первый царь новой династіи «благословилъ своего сына быть на царскомъ престолѣ» задолго до своей смерти, и, кажется, всѣми чинами тогда же была принесена присяга; и избраніе на царство земскимъ соборомъ Алексѣя, собственно, никакого реальнаго значенія не имѣло; это была не болѣе, какъ историческая формальность.

Въ царствованіе царя Алексѣя сначала значительно сократилась дѣятельность земскихъ соборовъ, а впослѣдствіи они и совсѣмъ сошли безшумно со сцены, и, такимъ образомъ, царь сталъ обладателемъ всей полноты верховной власти. Въ концѣ концовъ, верховная власть въ своей правительственной дѣятельности стала опираться на развившуюся провинціальную и центральную бюрократію съ придачей боярской думы, какъ законосовѣщательнаго учрежденія. Этотъ переходъ сословной монархіи въ абсолютную — результатъ взаимодѣйствія довольно сложныхъ условій и причинъ. Смута произвела значительныя перемѣны въ соціальныхъ отношеніяхъ: она выдвинула средніе классы и нанесла серьезный ударъ феодальной аристократіи, уменьшившейся количественно въ эпоху смуты. Съ избраніемъ на престолъ новой династіи сошла со сцены старая феодальная аристократія: ей пришлось уступить мѣсто новому правительственному классу, который сталъ проникать въ боярскую думу и на должности начальниковъ разныхъ правительственныхъ учрежденій. Скоро всѣ главныя мѣста въ центральныхъ вѣдомствахъ попали въ ихъ руки. Между верховной властью и формулировавшейся бюрократіей не замѣчалось никакихъ треній, благодаря совпаденію ихъ интересовъ. Власть стремилась отграничить себя отъ сословнаго представительства, и совмѣстная работа царя и соборовъ становилась лишнею. Правительствующій же классъ, собственно, стремится къ тому же. Пока земскіе соборы были средствомъ борьбы съ аристократіей, средніе классы крѣпко держались за нихъ. Когда аристократія сошла со сцены, и они заняли ея мѣсто, земскіе соборы могли стать орудіемъ борьбы съ ихъ властью и положеніемъ со стороны провинціальной служилой массы. Это опредѣляло солидарность дѣйствій царя и новаго правительственнаго класса.

Постепенно и провинціальное управленіе стало попадать въ руки служилой массы. Въ теченіе первой половины XVII вѣка почти всюду появилась власть воеводъ, какъ одно изъ слѣдствій Смуты, и постепенно оттѣснила земское самоуправленіе на второй планъ, превративъ его лишь въ орудіе исполненія приказаній и распоряженій мѣстной администраціи. Правительство въ воеводской власти, близкой къ населенію, нашло вѣр-

наго агента по исполненію своихъ правительственныхъ предположеній. Къ тому же, благодаря постоянной перепискѣ съ воеводами, правительство считало себя хорошо освѣдомленнымъ о мѣстныхъ дѣлахъ, а это и дѣлало для правительства совершенно лишнимъ созывъ земскихъ соборовъ, такъ какъ представителями тѣхъ же земскихъ міровъ теперь могли стать мѣстные воеводы. Да и новая бюрократія не сочувствовала дѣятельности соборовъ, которые могли явиться и на самомъ дѣлѣ иногда являлись жестокими критиками системы управленія, когда послѣднее попало въ руки верхнихъ разрядовъ служилой массы.

Самое раздѣленіе общества на общественныя группы съ особыми и часто противоположными интересами и разными повинностями по отношенію къ государству содѣйствовало усиленію центральной власти, охранявшей всѣми законными мѣрами существующія общественныя отношенія. По существу, весь служилый классъ ничего не имѣлъ противъ абсолютной монархіи, гарантировавшей ему потомственное владѣніе землей и закрѣпившей за нимъ рабочія руки. А вѣдь въ стремленіи укрѣпить за собою землю и крестьянъ, въ сущности, и заключалась главная цѣль сотрудничества служилой массы. Протестуя противъ административныхъ злоупотребленій, она всегда была понятна въ своихъ отношеніяхъ къ верховной власти.

И другой видный участникъ соборовъ — торгово-промышленный людъ — пока не имѣлъ основанія быть недовольнымъ новой формой власти. Правда, финансовыя тягости давали временами себя чувствовать, но зато вся сфера торгово-промышленной дѣятельности была исключительно предоставлена ему, и это какъ бы являлось компенсаціей за несеніе финансовой тяготы.

Растущій абсолютизмъ съ его стремленіемъ все подчинять своему вліянію встрѣтилъ только рѣшительное противодѣйствіе въ церковной средѣ, въ лицѣ патріарха Никона. Абсолютный государь и самостоятельность церкви—два понятія, несовмѣстимыя другъ съ другомъ. Церковь не можетъ вѣдать кругъ тѣхъ дѣлъ, которыя по своему характеру слѣдуетъ отнести къ функціямъ верховной власти, да и въ сферѣ религіозно-церковныхъ отношеній церковь не можетъ быть самодовлѣющей, разъ монархъ «Божіею милостью» возлагаетъ на себя обязанность руководства обществомъ въ его стремленіи къ высшей жизненной правдѣ. Конечно, съ подобной точкой зрѣнія на задачи власти и верховнаго управленія церковь не могла примириться, если желала сохранить свой прежній вѣсъ и значеніе. Новому политическому идеалу свѣтской власти слѣдовало бы противопоставить свой собственный взглядъ на церковно-государственныя отношенія. Это и было сдѣлано Никономъ съ его мечтой о теократическомъ государствѣ и ученіемъ о двухъ мечахъ.

Но политическая программа Никона не могла найти поддержки въ обществѣ, которое не такъ давно и съ большимъ трудомъ нанесло существенный ударъ экономическому положенію церкви и ея судебной юрисдикціи, сокративъ компетенцію послѣдней и поставивъ ее подъ контроль свѣтской власти. Этимъ самымъ мечты Никона о теократіи стали въ разрѣзъ съ интересами и потребностями общества и заранѣе были обречены на неудачу. Никонъ это довольно скоро почувствовалъ, рѣшившись для

Худ. Демьяновъ.

Придворный выѣздъ XVIII вѣка.

поддержанія своего престижа на самовольное оставленіе патріаршества, безъ формальнаго отказа отъ послѣдняго.

Власть удачно использовала этотъ неосторожный политическій шагъ патріарха, признавъ его неканоническимъ и добившись отъ собора 1667 года осужденія Никона за его неканоническое поведеніе, выступивъ тѣмъ самымъ въ качествѣ охранителя каноновъ и преданій церкви, какъ бы предрѣшая цезаро-папизмъ въ нашей церкви. Церковь, побѣжденная свѣтской властью въ XVII в., съ этого момента покорно склонила свою голову передъ всемогущимъ абсолютнымъ государствомъ.

Такимъ образомъ, если понимать слово «самодержецъ» въ смыслѣ неограниченнаго государя, то таковыми московскіе государи стали только со временъ царя Алексѣя. Такое новое и своеобразное положеніе верховной власти было отмѣчено кодификаторами Уложенія 1649 г., создавшими сложную систему преступленій, большинство которыхъ можно подвести подъ современный терминъ: «обвиненіе въ оскорбленіи величества», впрочемъ, расширенный до крайности, и которая казалась очень сложной и, по своимъ размѣрамъ, значительно увеличенной системой наказаній.

Такъ, историческія судьбы поставили верховную власть надъ народомъ, отдѣливъ ее отъ него тѣснымъ кольцомъ правительственнаго класса, чуждаго народу по своимъ соціальнымъ взглядамъ и своему фактическому положенію въ государствѣ.

Эта оторванность царя отъ народа въ связи съ торжествомъ абсолютизма должна была отразиться и на бытѣ московскихъ государей, окончательно отлившемся въ опредѣленныя формы только во второй половинѣ XVII вѣка. Это непремѣнно надо имѣть въ виду, иначе нѣкоторыя своеобразныя формы бытового уклада станутъ не совсѣмъ ясными и отчетливыми.

Своеобразность позиціи, занятой московскими государями XVII в., давала себя знать на каждомъ шагу. Во время торжественныхъ царскихъ выходовъ населеніе, ожидавшее царя, становилось на колѣни, склонивъ до земли голову, словно боясь ослѣпнуть отъ лицезрѣнія царскаго величія. Это восточное раболѣпство и рабская покорность, съ которой населеніе относилось къ распоряженіямъ верховной власти, рѣзко бросались въ глаза всѣмъ иностранцамъ, бывавшимъ въ Москвѣ. Олеарій находитъ даже возможнымъ примѣнить къ русскимъ людямъ XVII вѣка слова, сказанныя о робкомъ царскомъ слугѣ однимъ персидскимъ поэтомъ: «если бы ты боялся и почиталъ Бога, какъ своего государя, то, говорю тебѣ, ты былъ бы еще ангеломъ при жизни». Абсолютизмъ власти убилъ въ населеніи интересъ къ политическимъ вопросамъ, который она еще не такъ давно обнаруживала... Недаромъ, когда иностранцы спрашивали русскихъ людей о различныхъ вопросахъ внутренней и внѣшней политики, они отвѣчали обычной фразой: «про то знаетъ Богъ да великій государь». Впрочемъ, постоянное повтореніе одной и той же мысли еще не говорило о полномъ индифферентизмѣ населенія къ вопросамъ первостепенной государственной важности.

Подобнаго рода отвѣты приходится отчасти ставить въ связь съ нѣкоторыми пріемами нараждавшагося абсолютизма, устроившаго въ Москвѣ цѣлое охранное отдѣленіе, которое не брезгало ничѣмъ, чтобы выслужиться передъ властью. Недаромъ русскіе люди того времени, когда хотѣли обсудить какой-нибудь вопросъ, старательно осматривали помѣщеніе извнѣ и внутри, чтобы убѣдиться въ томъ, что ихъ никто не подслушиваетъ и никто не притянетъ къ отвѣту за мнимое оскорбленіе верховной власти...

Московское законодательство теоретически охраняло личность и неприкосновенность частной собственности, но на практикѣ бывали весьма частые случаи нарушенія ихъ правъ, и тамъ, гдѣ шла рѣчь о мнимой или реальной пользѣ государя, законъ отступалъ на задній планъ. Все это прекрасно подмѣтили иностранцы, сообщившіе въ своихъ запискахъ, что фактическимъ собственникомъ всякаго имущества является государь, хотя теоретически частная собственность охранялась законодательствомъ. Безправное положеніе населенія особенно ярко сказывалось въ челобитныхъ, подаваемыхъ государю, когда всѣ челобитчики, не исключая и бояръ, должны были подписываться уменьшительными, вѣрнѣе, унизительными именами.

Это неуваженіе къ человѣческой личности стало самымъ обыкновеннымъ пріемомъ въ административной практикѣ московскаго правительства, но особенно оно чувствовалось въ узкой сферѣ придворныхъ отношеній. Царю Алексѣю Михайловичу приходилось часто собственноручно расправляться со своими приближенными, боярами и ближними людьми. Обыкновенно такіе эксцессы склонны объяснять добродушіемъ и вспыльчивостью царя; на самомъ дѣлѣ подобное неуваженіе къ человѣческой личности — результатъ роста царской власти, ставшей внѣ общества и надъ нимъ. Мейербергъ разсказываетъ слѣдующій случай. Однажды государь чувствовалъ себя дурно и пустилъ кровь. Почувствовавъ себя лучше, онъ, не долго думая, потребовалъ, чтобы и бояре послѣдовали его примѣру. Бояре не имѣли мужества отказать царю въ его желаніи, и только родственникъ царя—Стрѣшневъ—отказался пустить кровь. Тогда царь бросился на него съ кулаками, крича: «Ахъ ты, негодный рабъ, да развѣ твоя кровь дороже моей?» и затѣмъ надавалъ ему пинковъ. Извѣстны случаи, когда царь собственноручно таскалъ за бороды бояръ и выгонялъ ихъ изъ палаты, сопровождая кулачную расправу цѣлымъ лексикономъ самыхъ отборныхъ ругательствъ. Правда, царь Алексѣй дальше брани и пинковъ пока не шелъ. Но его сынъ Ѳедоръ поджегъ бороду одного придворнаго служителя. При Петрѣ власть перейдетъ отъ поджиганій къ систематическимъ казнямъ и другимъ насиліямъ... Да и усиленныя заботы правительства, «чтобы на государевѣ дворѣ ни отъ кого никакого безчинства и брани не было»—не только естественная забота о личной безопасности царя, но также довольно отчетливое отраженіе приниженности и безправія даже высшихъ разрядовъ населенія. Никто не имѣлъ права подъѣхать близко не только къ царскому крыльцу, но и ко дворцу. Одни только бояре, окольничьи, думные и ближніе люди пользовались правомъ входа

къ царю. По словамъ знатока московской старины, Котошихина, имѣвшіе право пріѣзда во дворецъ, «не доѣзжая двора и не близко крыльца», слѣзали съ лошадей, выходили изъ кареты или саней, и затѣмъ уже шли пѣшкомъ ко дворцу. Чины младшихъ разрядовъ, столичные служилые люди, сходили съ лошадей далеко отъ царскаго дворца, обыкновенно на площади, между колокольней Ивана Великаго и Чудовымъ монастыремъ, и отсюда направлялись ко дворцу пѣшкомъ. Вообще, чѣмъ ниже стояло то или другое лицо на іерархической служебной лѣстницѣ, тѣмъ съ большимъ униженіемъ сопровождался подъѣздъ его къ самому двору; люди нечиновные не имѣли права даже въѣзжать въ Кремль.

Доступъ въ самый дворецъ былъ возможенъ далеко не для всѣхъ, за исключеніемъ думныхъ и придворныхъ чиновъ; но и для тѣхъ и другихъ существовали извѣстныя ограниченія. Такъ, думные и ближніе люди могли входить даже въ жилыя хоромы къ государю, такъ называемый Верхъ, а нѣкоторые могли изъ Передней войти въ комнату или кабинетъ царскій. Столичные служилые чины и прочіе чины собирались только на Постельномъ крыльцѣ,—это было единственное мѣсто во дворцѣ, куда они могли пріѣзжать вполнѣ свободно. Только въ случаѣ непогоды имъ разрѣшалось входить въ особо отведенную для нихъ комнату. Но и на Постельное крыльцо могли входить далеко не всѣ; по словамъ Котошихина, «инымъ чинамъ и до тѣхъ мѣстъ ходить не велѣно, гдѣ бываютъ стольники и иные нарочитые люди». Впрочемъ, царское пожалованіе, иногда по спеціальному челобитію, нарушало придворные обычаи, разрѣшая какому-нибудь столичному человѣку быть въ передней.

Внутреннія отдѣленія дворца—помѣщеніе царицы и государевыхъ дѣтей—были недоступны безусловно для всѣхъ дворовыхъ и служилыхъ чиновъ, за исключеніемъ только боярынь и другихъ знатныхъ женщинъ, имѣвшихъ право пріѣзда ко двору. Даже священники, совершавшіе службу въ покояхъ государыни, могли войти только по приглашенію. Если же государь посылалъ какого-нибудь боярина спросить царицу о здоровьѣ или для какого-либо другого дѣла, то и тогда обсылались черезъ боярынь, а сами не ходили безъ обсылки. Въ 80-хъ годахъ доступъ во дворецъ сталъ затруднительнѣе, что приходится поставить въ связь съ майскими мятежами 1682 г. Указъ правительства, опубликованный въ 1684 году, точно опредѣлялъ, кто имѣлъ право пріѣзда во дворецъ, по какимъ лѣстницамъ и переходамъ разрѣшался входъ въ то или другое дворцовое помѣщеніе. За нарушеніе указа подвергали строгому разслѣдованію, въ особенности, если не имѣющій права пріѣзда ко двору забредетъ нечаянно на царскій дворъ. Если же кто-нибудь приходилъ на царскій дворъ съ челобитіемъ, то долженъ былъ оставаться на площади передъ Краснымъ крыльцомъ, пока думный дьякъ не возьметъ у него челобитіе для внесенія въ Думу.

Правительство принимало и другія мѣры для царскаго обереганія: такъ, никто не имѣлъ права являться во дворецъ съ какимъ бы то ни было оружіемъ. Даже иностранные послы, и тѣ при входѣ на аудіэнцію должны были снять съ себя оружіе — шпагу. Если же кто попадалъ во

дворъ съ оружіемъ, то его хватали и допрашивали, не съ умысломъ ли шелъ; по большей части онъ умиралъ отъ пытки или сгнивалъ въ тюрьмѣ. Коллинсъ разсказываетъ между прочимъ такой случай: «кто то выстрѣлилъ по скворцу въ царскомъ дворѣ; пуля скользнула и упала въ царскіе покои, а стрѣлку отсѣкли лѣвую ногу и правую руку». Запрещалось также произносить на царскомъ дворѣ «непригожія слова». Это являлось «оскорбленіемъ чести государева двора», и виновнаго сажали въ тюрьму на двѣ недѣли, «чтобы, на то смотря, инымъ неповадно было впредь такъ дѣлати».

Наконецъ, ни больнымъ, ни изъ больныхъ домовъ не разрѣшали являться во дворецъ, ни на Постельное крыльцо не ходить, и въ походы и на выходахъ не являться. Если же кто дерзалъ нарушать это повелѣніе, то «за такую ихъ безстрашную дерзость и за неостерегательство его государева здоровья, по сыску, быть въ великой опалѣ, а инымъ и въ наказаніи и въ разореніи, безъ всякаго милосердія и пощады». Царскій дворецъ охраняла многочисленная придворная стража, дежурившая день и ночь у дверей лѣстницъ и по крыльцамъ и сѣнямъ. Наружная же охрана держалась отрядомъ стрѣльцовъ, разставленныхъ у кремлевскихъ воротъ «для царскаго береженья». И военная охрана, и всякія стѣсненія для входа во дворъ и дворецъ довольно ярко характеризуютъ сущность абсолютной власти московскихъ государей. Они не только отгородились стѣной отъ подданныхъ, но и постарались укрѣпить свою позицію, организовавъ строгую охрану своего двора и дворца.

II. **Царскія резиднеціи**: а) зимнія.

Каменный царскій дворецъ XVII в. имѣетъ свою довольно большую исторію. Постройка его была предпринята великимъ княземъ Иваномъ III, по мнѣнію котораго «самодержцу всея Россіи, наслѣднику Византійскихъ императоровъ», было неудобно жить въ старыхъ деревянныхъ хоромахъ. Происшедшія перемѣны въ политическомъ положеніи московскаго государя должны были отразиться и на внѣшнемъ устройствѣ жизни. Государь, въ рукахъ котораго очутились всѣ земли будущаго Россійскаго царствія, долженъ былъ жить въ помѣщеніи, которое внѣшнимъ образомъ отличалось бы отъ дворовъ другихъ князей и сразу подчеркивало бы происшедшую перемѣну въ положеніи власти. Кромѣ того, постройка новыхъ палатъ на мѣсто деревянныхъ была необходима и по другимъ, чисто практическимъ соображеніямъ: Москва часто горѣла или, вѣрнѣе, выгорала. Пожаръ неоднократно проникалъ въ самый Кремль, и государевы палаты становились жертвою стихіи. Впрочемъ, не весь дворецъ былъ каменнымъ: жилыя помѣщенія по-прежнему были деревянныя. Новыя «палаты каменныя и кирпичныя» были выстроены итальянцами, и стиль, конечно, былъ итальянскій, а не русскій.

Въ настоящее время довольно трудно представить себѣ внутреннее расположеніе новаго дворца, но своимъ фасадомъ онъ былъ обращенъ на площадь между Благовѣщенскимъ, Архангельскимъ и Успенскимъ соборами и церковью Іоанна Лѣствичника, на мѣстѣ которой былъ выстроенъ Иванъ Великій. На эту площадь выходили Большія и Среднія палаты вмѣстѣ съ

Императорская комната въ имѣніи Юсуповыхъ. С. Архангельское.

Верхнимъ крыльцомъ, которое впослѣдствіи назовется Краснымъ. Но и каменный дворецъ сталъ скоро жертвой пламени. Во время большого пожара 1547 года, когда была «буря велика, и обратися буря на градъ великъ», весь дворецъ выгорѣлъ, тѣмъ болѣе, что кровля и нѣкоторыя дворцовыя помѣщенія по-старому оставались деревянными. Правда, дворецъ былъ возобновленъ и даже расширенъ. Грозный приказалъ устроить для своихъ дѣтей «особый дворъ и хоромы позади большой набережной, на взрубѣ».

Въ эпоху опричнины царь выстроилъ себѣ дворецъ на Воздвиженкѣ, внѣ Кремля, но этотъ опричный дворецъ, какъ и кремлевскій, сталъ жертвой пламени въ 1571 году, когда, по выраженію лѣтописца, «желѣзо толстое, что кладено крѣпости для, на связки, перегорѣло и переломалось отъ жару». Конечно, дворецъ послѣ пожара былъ возобновленъ, и при Ѳедорѣ Ивановичѣ иностранцы имѣли возможность любоваться какъ архитектурой, такъ и внутреннимъ великолѣпіемъ новаго дворца. Царскій дворецъ неоднократно перестраивался въ эпоху Смуты. Борисъ Годуновъ, занимавшійся вообще строительной дѣятельностью и «богоспасаемый градъ Москву, яко нѣкую невѣсту, преизрядную лѣпотою украси», выстроилъ на мѣстѣ, гдѣ «были царя Ивана хоромы», «чтобы людямъ питаться»,— большія каменныя палаты; а при Самозванцѣ на мѣстѣ деревянныхъ покоевъ Бориса былъ построенъ для него новый дворецъ, въ польскомъ вкусѣ, недалеко отъ пристройки Ивана IV.

Каменный дворецъ уцѣлѣлъ въ эпоху Смуты; но вмѣсто прежняго великолѣпія остались только однѣ голыя стѣны, такъ какъ, по словамъ современника, «въ Кремлѣ на царскомъ дворѣ въ святыхъ Божьихъ церквахъ и палатахъ и по погребамъ — все стояху Литва и Нѣмцы и все своескоредіе творяху».

Самый видъ помѣщеній говорилъ о долгомъ хозяйничаньи въ Москвѣ поляковъ: всѣ палаты и хоромы были безъ кровель, безъ половъ и лавокъ, безъ окончинъ и дверей: все деревянное поляки сожгли для отопленія своихъ жилищъ. Новой династіи приходилось заботиться не только о внутреннемъ спокойствіи въ странѣ, но и о постройкѣ приличнаго для своего сана помѣщенія. По пріѣздѣ въ Москву царь поселился въ наскоро возобновленномъ дворцѣ Ивана IV, но приготовленныя для царя помѣщенія носили на себѣ слѣды разрушенія.

Въ теченіе всего своего царствованія царь Михаилъ много заботился объ устроеніи своего дворца. Къ старымъ уцѣлѣвшимъ помѣщеніямъ пристраивались новыя; потолки въ нихъ покрывались позолотой и расписывались «подволочнымъ письмомъ». Въ 1635 году царь рѣшился на великое новшество: онъ выстроилъ для себя и дѣтей жилыя каменныя помѣщенія.

Такимъ образомъ первый царь новой династіи успѣлъ возстановить старый полуразрушенный дворецъ и увеличить его размѣры, такъ что Алексѣю Михайловичу не приходилось уже думать объ его расширеніи.

Правда, и при немъ строительныя работы не прекращались во дворцѣ, но по большей части онѣ заключались въ передѣлкѣ стараго и украшеніи уже выстроеннаго его отцомъ. Впрочемъ, въ началѣ своего царство-

ванія онъ построилъ Потѣшныя хоромы. Перестройки, постройки новыхъ хоромъ вмѣсто сгорѣвшихъ, дальнѣйшее украшеніе старыхъ помѣщеній составляли постоянную заботу его преемниковъ, сумѣвшихъ привести дворецъ въ такое цвѣтущее состояніе, въ какомъ до того времени онъ ни разу не находился, отражая въ своей роскоши и великолѣпіи—высоту царской власти.

Исторія постройки и перестройки государева двора любопытна и въ другомъ отношеніи. Она въ извѣстномъ смыслѣ отражаетъ на себѣ проникновеніе западнаго вліянія въ Москву. Правительству приходилось неоднократно обращаться къ западнымъ ремесленникамъ, архитекторамъ и художникамъ, и уже это обращеніе являлось показателемъ отсталости Москвы въ культурномъ развитіи. Почти всѣ золотильныя, рѣзныя и живописныя работы исполнялись мастерами—поляками, спеціально приглашенными для этого въ Москву; въ то же время правительство приглашало иностранцевъ и на военную службу. Мы далѣе увидимъ, что вліяніе Запада сильно чувствовалось и во внутреннемъ убранствѣ дворца, такъ что и въ царскій дворецъ проникъ ненавистный Западъ.

Царская резиденція въ XVII в. занимала довольно большое пространство; увеличеніе ея размѣровъ зависѣло отъ увеличенія царскаго семейства. При постройкѣ о красотѣ внѣшняго вида не думали, заботясь больше объ удобствѣ. Дѣйствительно, во внѣшности царскихъ теремовъ невозможно подмѣтить единства замысла и постройки. Пестрая масса зданій самой разнообразной величины, разбросанныхъ безъ всякой симметріи и какъ бы случайно соединенныхъ другъ съ другомъ, являлась лучшимъ доказательствомъ того, что многія изъ частей дворца пристраивались къ основному помѣщенію въ минуту той или другой надобности. Въ общемъ дворецъ съ внѣшней стороны представлялъ собой массу зданій большихъ и малыхъ, въ одинъ или нѣсколько этажей, съ вышками и балконами, тѣснившихся другъ подлѣ друга, возвышавшихся одно надъ другимъ. Зданія были покрыты самыми разнообразными кровлями: простыми, двускатными, епанечными, шатровыми въ видѣ скирдъ и бочекъ съ прорѣзными золочеными гребнями и маковками наверху. Кое-гдѣ возвышались башенки съ орлами, единорогами и львами вмѣсто флюгеровъ. Кровли зданій были большею частью тесовыя, украшенныя золотомъ и серебромъ и выкрашенныя зеленой краской. Снаружи хоромы поражали вычурностью и узорочностью разнаго рода украшеній, расположенныхъ по карнизамъ, у оконъ и дверей. Украшенія расписывались красками, золотились и серебрились; на нихъ изображались листья, цвѣты и травы. Не послѣднее мѣсто занимали эмблематическіе и отчасти миѳологическіе птицы и звѣри: орелъ, левъ, грифъ, птица-сиринъ. Въ XVII в. появляется заимствованная отъ нѣмцевъ фигурная рѣзьба. Всѣ зданія дворца составляли три особыя отдѣленія: постельныя или жилыя хоромы, палаты или нарядныя зданія и, наконецъ, такъ называемые дворы, предназначенные для удовлетворенія нуждъ царскаго хозяйства. Всѣ помѣщенія были довольно помѣстительны, и каждый изъ членовъ государева семейства имѣлъ особое помѣщеніе. Были они отчасти каменныя, отчасти деревянныя, соединен-

ныя другъ съ другомъ особыми переходами. Государево жилое помѣщеніе состояло изъ нѣсколькихъ комнатъ. Чтобы попасть къ государю, надо было подняться на такъ называемое Постельное крыльцо, а затѣмъ по золотой лѣстницѣ вводили въ переднія прорѣзныя сѣни. Изъ сѣней попадали въ Переднюю, служившую пріемной. Здѣсь происходили засѣданія Боярской думы и иногда принимались запросто послы. Затѣмъ слѣдовала комната—кабинетъ государя. Обычно она служила для занятій государя, но бывали случаи собранія здѣсь чиновъ—духовныхъ и свѣтскихъ.

За комнатой слѣдовала Крестовая или моленная. Четвертой комнатой была царская спальня—опочивальня, подъ которой была устроена государева спаленка, въ которую государь ходилъ по «потайной лѣстницѣ». Вся спаленка была обложена и опаяна свинцовыми досками, чтобы вода черезъ своды не проникла въ нижній этажъ. Царицына половина и помѣщеніе царевичей и царевенъ устраивались по образцу государевыхъ покоевъ и хоромъ.

Палаты предназначались для разныхъ торжественныхъ собраній во дворцѣ. Они состояли изъ Грановитой, Золотой, Царицыной, Золотой и Столовой, Панихидной и Отвѣтной.

Въ первой, какъ наиболѣе обширной и болѣе украшенной, давались торжественныя посольскія аудіэнціи и государевы большіе церемоніальные обѣды для свѣтскихъ и духовныхъ чиновъ по разнымъ поводамъ. Черезъ особый тайникъ царица и государевы дѣти смотрѣли на все происходившее въ палатѣ.

Собственно говоря, Средняя Золотая Палата была также пріемной залой, гдѣ устраивались такіе пріемы, только съ меньшей пышностью и оффиціальностью въ сравненіи съ техникой пріемовъ въ Грановитой палатѣ. Впослѣдствіи съ выдѣленіемъ изъ боярской думы особой Расправной палаты «для слушанія и вершенія расправныхъ и спорныхъ дѣлъ» въ Золотой палатѣ происходили обыкновенно засѣданія послѣдней.

Меньшая Золотая палата была парадной пріемной комнатой царицъ. Здѣсь происходили обыкновенно семейныя торжества, когда царица устраивала парадный столъ для боярынь, какъ придворныхъ, такъ и имѣвшихъ право пріѣзда во дворецъ. Обыкновенно въ этой же палатѣ царица принимала патріарха и духовенство, приходившихъ поздравлять съ праздникомъ. Тутъ же послѣ заутрени государь христосовался съ царицей.

Столовая палата была меньшею парадной залою, предназначенной для государевыхъ чиновныхъ столовъ. Иногда цари принимали здѣсь патріарха съ прочимъ духовенствомъ, иностранныхъ посланниковъ, гонцовъ и бояръ.

Въ Панихидной палатѣ въ скорбные для царскаго семейства дни поминовенія царей и другихъ членовъ государева семейства давались панихидные столы духовенству съ патріархомъ во главѣ. Наконецъ, въ Отвѣтной палатѣ происходили переговоры съ иностранными послами.

Среди хозяйственныхъ отдѣленій царскаго дворца главное значеніе имѣли дворы Казенный, Сытенный, Кормовой, Хлѣбенный, Житенный и Конюшенный. Ими удовлетворялись всѣ дворцовыя нужды и потребности. Въ Казенномъ дворѣ сосредоточивалось завѣдываніе царской домовой каз-

ной; въ ней хранилась золотая и серебряная посуда, шелковыя и бархатныя матеріи. Завѣдывалъ всѣмъ этимъ особый казенный приказъ. Изъ царской казны выдавалось жалованье пріѣзжавшимъ греческимъ духовнымъ лицамъ, раздавалась милостыня, посылались пожертвованія въ монастыри, раздавались награды боярамъ и служилымъ людямъ, выдавалось имъ праздничное платье, въ дни торжественныхъ пріемовъ и церемоній. Сытенный дворъ заботился о храненіи и приготовленіи разнаго рода напитковъ для нуждъ царскаго дворца. Въ кругъ вѣдомства кормового дворца входила забота о приготовленіи кушаній для всего царскаго семейства и для государевыхъ столовъ. Хлѣбенный дворъ поставлялъ во дворецъ всякаго рода хлѣба и калачи, а Житенный дворъ завѣдывалъ пріемкой и храненіемъ зерна, поступавшаго изъ дворцовыхъ вотчинъ. Наконецъ, Конюшенный приказъ имѣлъ въ своемъ вѣдѣніи государевы конюшни; въ его компетенцію входили не только заботы о содержаніи лошадей, но также и приготовленіе соотвѣтствующихъ экипажей къ лѣтнимъ и зимнимъ походамъ царя и царицы.

Необходимой принадлежностью царскаго дворца были верховые и висячіе комнатные сады, расположенные на каменныхъ сводахъ, надъ палатками и погребами. Каждое дворцовое помѣщеніе имѣло свой отдѣльный садъ. Завѣдывавшіе хозяйствомъ царскаго дворца немало заботились о томъ, чтобы придать садамъ возможно больше внѣшняго изящества и красоты. Въ садахъ были разбиты цвѣтники и гряды, между которыми шли дорожки для прогулокъ, обложенныя досками, такъ что цвѣтники и гряды находились въ ящикахъ. Въ грядкахъ росли самые разнообразные цвѣты и растенія: яблони, груши, виноградъ, шиповникъ, красная и бѣлая смородина, дыни, арбузы, огурцы, тыквы, крыжовникъ. Лѣтомъ во всѣхъ садахъ висѣли клѣтки съ канарейками, перепелками, соловьями и попугаями. Въ царскомъ дворцѣ находилось нѣсколько верховыхъ церквей для удовлетворенія религіозныхъ нуждъ и потребностей царской фамиліи. Наконецъ, на всѣхъ воротахъ дворца, снаружи и съ внутренней стороны, стояли иконы, писанныя на доскахъ.

Царскій дворецъ поражалъ не только своей величиной, но и своеобразностью, отчасти роскошью внутренняго убранства такъ называемаго «хоромнаго наряда». Для приданія помѣщеніямъ большей уютности и внѣшней красоты московскіе государи неоднократно обращались за помощью къ болѣе культурному Западу, вліяніе котораго больше всего сказалось на внѣшнемъ убранствѣ. Обыкновенно внутри хоромъ стѣны и потолки обшивались хорошо выстроганнымъ тесомъ, но такая простота стѣнъ уже не удовлетворяла эстетическихъ вкусовъ людей XVII вѣка.

Большею частью стѣны покрывались сукнами разныхъ цвѣтовъ, во время траура—чернымъ. Обивка стѣнъ была двоякая: простая, когда стѣны обивались большими одноцвѣтными сукнами, и узорочная, въ видѣ квадратныхъ клѣтокъ и клиньевъ разныхъ цвѣтовъ, напр., клинъ изъ сукна «багреца» и клинъ изъ зеленаго кармазина. Иногда стѣны обивались атласомъ, по преимуществу въ женской половинѣ дворца. Во время посольскихъ пріемовъ, въ торжественные дни и царскіе праздники

Якоби.

Шуты при имп. Аннѣ Іоанновнѣ.

Москва
въ ея
прошломъ
и настоящемъ

стѣны украшали богатыми шелковыми и золотными матеріями, бархатами. При царѣ Алексѣѣ вошла въ моду обивка стѣнъ и дверей «золоченными басменными кожами», на которыхъ были вытиснены разныя травы, цвѣты и звѣри. Въ концѣ вѣка стѣны обивались полотняными и холщевыми обоями, на которыхъ были нарисованы картины свѣтскаго содержанія: такъ, на полотнахъ и холстахъ часто изображали «звѣздочетное небесное движеніе, двѣнадцать мѣсяцевъ и бѣги небесные», а то иногда и просто раскрашивали какой-нибудь яркой краской.

Съ не меньшей заботливостью украшали потолки-подволоки или рѣзьбой изъ дерева, или слюдою съ довольно затѣйливыми рѣзными украшеніями изъ жести, олова и бѣлаго желѣза. Бывали случаи, когда въ XVII в. подволоки устраивались даже изъ серебра. Конечно, и деревянные рѣзные потолки всегда покрывались позолотой и раскрашивались краской: такъ, въ деревянной комнатѣ Ивана Алексѣевича, въ іюнѣ 1686 г., позолочены сусальнымъ золотомъ въ подволокѣ «крестъ и около него звѣзды и коймы и у оконъ наличники, а у дверей дорожники и шпренгели» (что то въ родѣ современныхъ багетовъ).

Полъ или мостъ настилали досками, а иногда мостили «дубовымъ кирпичомъ», квадратными дубовыми брусками, въ 6—8 вершковъ ширины и 2—3 вершка толщины.

Такой полъ представлялъ собою своеобразный, большею частью расписанный красками «въ шахматъ» или подъ мраморъ паркетъ. Устраивались также полы гончарные изъ цвѣтныхъ изразцовъ.

Полъ покрывался сукномъ, а въ праздники и во время большихъ пріемовъ—персидскими и индѣйскими коврами. Окна во дворцѣ были слюдяныя; стекло входитъ въ употребленіе только съ Петра, а «слюдяныя оконницы» дѣлались изъ бѣлаго или краснаго желѣза, переплетеннаго сѣткой въ видѣ четыреугольниковъ и треугольниковъ, круговъ, кубовъ и косяковъ, въ которыхъ укрѣплялась слюда и отъ которыхъ оконницы получали разныя названія: такъ, встрѣчались окна кругчатыя, кубчатыя, косящатыя и пр. Въ срединѣ вѣка слюду стали раскрашивать, изображая на ней людей, звѣрей и птицъ. Слюдяныя оконницы, въ сущности, плохо защищали отъ холода; съ этой цѣлью употреблялись въ то время ставни—особые станки, глухіе или со слюдой, но обитые мѣхомъ и сукномъ, соотвѣтствующіе современнымъ зимнимъ рамамъ. Въ теплое время года окна и двери завѣшивались суконными завѣсами, а въ зимнее—стеганными на ватѣ.

Во всѣхъ жилыхъ помѣщеніяхъ были печи изъ синихъ и зеленыхъ изразцовъ, на которыхъ изображались травы, цвѣты, люди, животныя и разные узоры. Печи были разныхъ формъ: четыреугольныя и круглыя, сырчатыя; изъ особой формы кирпича, на ножкахъ съ колонками и карнизами. Верхнія помѣщенія деревянныхъ хоромъ нагрѣвались проводными трубами изъ печей нижнихъ ярусовъ. Точно такими же трубами нагрѣвались и всѣ большія дворцовыя палаты.

Для приданія хоромному наряду большаго блеска и великолѣпія въ XVII вѣкѣ украшали комнаты живописью. Первоначально комнатная жи-

вопись XVI в. почти ничѣмъ не отличалась отъ церковной; художниковъ, расписывавшихъ палаты и церкви, въ сущности, интересовали одни и тѣ же религіозные сюжеты. И въ комнатной живописи XVII вѣка по старому доминируютъ религіозные сюжеты; но рядомъ съ картинами церковно-назидательнаго и отчасти историческаго характера появляется свѣтская по сюжетамъ живопись. Въ Столовой палатѣ на потолкѣ были изображены «небесныя свѣтила ночи, блуждающія кометы и неподвижныя звѣзды». Изображеніе «звѣздочетнаго небеснаго движенія» встрѣчалось и въ царскихъ помѣщеніяхъ, въ которыхъ иногда попадались «ленчафты», а также цвѣтныя и разметныя травы. Если же стѣны комнатъ не были украшены живописью, то ее замѣняли «картины, нарсуны и фряжскіе листы» въ рамкахъ безъ стеколъ и за стеклами. Сюжеты по большей части были церковно-назидательнаго характера.

Меблировка дворца была немногочисленна и довольно однообразна. Въ сущности мебель во дворцѣ была такая же, какъ и въ богатыхъ боярскихъ хоромахъ, только болѣе роскошно убранная. У стѣнъ стояли обычныя лавки, покрытыя сукнами и золочеными матеріями; впрочемъ, съ половины XVII в. во дворцѣ появляются серебряные, золоченые стулья и кресла, большею частью обитые бархатомъ, атласомъ и золотыми тканями, иногда украшенные искусной рѣзьбой, расписанной красками. Кресла были нѣмецкой работы, или сдѣланныя придворными мастерами по готовымъ образцамъ. Если кресло дѣлалось безъ подушки, то на сѣдалище клалось «зголовье, бархатное, атласное, парчевое», которое можно было переносить съ мѣста на мѣсто.

Стулья и кресла были случайною принадлежностью царскихъ палатъ, являясь въ то же время молчаливыми показателями проникновенія западнаго вліянія и въ царскій дворецъ.

Въ переднихъ или красныхъ углахъ, подъ образами, стояли простые дубовые столы, иногда на точеныхъ ножкахъ, и липовые крашеные, покрытые въ обыкновенные дни «червчатымъ, алымъ или зеленымъ сукномъ», а въ торжественные дни—золотыми коврами и бархатными «подскатертниками».

Въ половинѣ XVII вѣка вошли въ употребленіе столы «нѣмецкіе и польскіе» на львиныхъ и кривыхъ ножкахъ. Столы полировались или расписывались разными красками по золоту и серебру. Въ большихъ палатахъ, въ переднемъ углу, стояли царскія мѣста, богато украшенныя золотомъ, серебромъ, драгоцѣнными камнями и золотыми тканями. Въ XVII вѣкѣ царскій тронъ былъ сдѣланъ нѣмецкими мастерами. Въ нѣкоторыхъ палатахъ стояли на окнахъ часы и разнаго рода музыкальные инструменты «цимбалы и органы», четыреголосные съ рычаломъ. По вечерамъ большія пріемныя палаты освѣщались паникадилами и стѣнными подсвѣчниками, иногда довольно затѣйливой иностранной работы.

Такъ, въ Столовой палатѣ было паникадило серебряное «о двухъ поясахъ съ яблоки золочеными, внизу яблокъ травы серебряныя, а въ поясахъ двѣнадцать неръ съ чашки и подсвѣчники, чашки золоченыя черезъ мѣсто. Среди того паникадила человѣкъ серебряной литой съ золоченъ; при поясѣ у него сайданъ».

Посмотримъ теперь, какова была обстановка въ постельныхъ хоромахъ. Въ передней комнатѣ, кромѣ лавокъ и царскаго трона, не было никакой другой обстановки. Собственно, она и была лишней, разъ служила пріемной для государя. Гостей приглашали садиться на лавки вокругъ стѣнъ. Меблировка кабинета была нѣсколько сложнѣе въ сравненіи съ первой комнатой. Въ кабинетѣ государь проводилъ большую часть дня, занимаясь государственными дѣлами и принимая доклады. Кромѣ обычной мебели, въ «комнатѣ» въ переднемъ углу стояло кресло, а передъ нимъ столъ, покрытый краснымъ сукномъ. На столѣ находились различнаго рода письменныя принадлежности — Уложенная книга для справокъ, клеельница съ трубкой для лебяжьихъ перьевъ. Тутъ же лежали «свистѣлка серебряна съ зуботычками да съ уховерткою». У царя Алексѣя стояли на столѣ «часы въ собачкѣ нѣмецкіе». Въ комнатѣ стояли поставцы и шкафы для храненія бумагъ и другихъ вещей; на поставцахъ ставилась дорогая посуда и другія рѣдкостныя вещи, а стѣны были украшены географическими картами съ изображеніемъ зданій, храмовъ, лѣсовъ. Наконецъ, въ комнатѣ висѣли клѣтки съ попугаями и другими пернатыми.

Крестовая комната, въ которой совершались утреннія и вечернія молитвы, а иногда и церковныя службы, была вся убрана иконами въ золотыхъ и серебряныхъ окладахъ, съ каменьями и другими украшеніями; передъ иконами стояли подсвѣчники, налои для церковныхъ книгъ и висѣли лампады. Кромѣ иконъ тутъ хранились разные священные предметы, привезенные изъ монастырей или святыхъ мѣстъ, какъ то: «змирно, ливанъ, свѣчи воску яраго...»; «свѣча цареградская, песокъ рѣки іорданской, часть отъ дуба Маврійскаго, часть клобука Кирилла Бѣлозерскаго».

Въ Постельной комнатѣ главнымъ предметомъ ея убранства была постель-кровать со всѣмъ постельнымъ уборомъ. Кровать устраивалась шатромъ или балдахиномъ. Съ половины XVII в. царскія кровати стали украшаться нѣмецкой фигурной рѣзьбой. Такъ, у царя Ѳедора была «кровать» деревянная рѣзная большая на столпахъ съ кровлею и короною. Кровати золотились и украшались живописью. На кровати клались тюфякъ и пуховая перина, покрывавшаяся бѣлыми простынями. Обычно на кровати было двѣ пуховыхъ подушки. Въ теплое время царь покрывался легкимъ одѣяломъ, а въ зимнее—ватнымъ, иногда подбитымъ мѣхомъ. Такова была обыкновенная постель. Парадныя постели, выставляемыя по случаю семейныхъ праздниковъ, свадебъ, родинъ, убирались болѣе богато. Наволоки на подушки были большею частью шелковыя или атласныя; одѣяла изъ дорогого атласа, усыпаннаго жемчугомъ и драгоцѣнными камнями. Изъ другихъ принадлежностей постельнаго обихода отмѣтимъ поклонный крестъ и икону, стоявшіе обыкновенно въ углу, какъ охранители отъ всякой нечистой силы; въ Постельной комнатѣ хранилось необходимое постельное бѣлье, на стѣнахъ висѣли круглыя или четыреугольныя зеркала.

Хранились тутъ же гребни и гребенки, которые вырѣзывались изъ слоновой кости или изъ кости рыбьяго зуба, а также изъ кипариса. На гребняхъ часто вырѣзывали звѣрей, птицъ, змѣиныя головки. Богатые

гребни сверху обкладывались золотомъ и осыпались драгоцѣнными камнями: яхонтами и изумрудами.

Наконецъ, къ постельному обиходу необходимо присоединить еще мыла или домашняго приготовленія, или привозныя, какъ русскія, такъ и иностранныя: индѣйское, грецкое, костромское, нижегородское.

Таково убранство, въ общихъ чертахъ, жилыхъ помѣщеній царскаго дворца.

III. **Царскія резиденціи:** в) лѣтнія.

Московскіе государи на лѣто покидали Москву и направлялись въ одно изъ подмосковныхъ селъ для лѣтнаго пребыванія. Большею частью таковымъ служило село Коломенское, расположенное на берегу Москвы-рѣки среди обширныхъ заливныхъ луговъ. Помимо красоты мѣстоположенія, Коломенское привлекало къ себѣ вниманіе государей и удобствами для охоты, въ особенности, соколиной. Вполнѣ понятно, что московскіе государи съ особенной любовью и вниманіемъ относились къ устроенію своей лѣтней резиденціи. Царю Михаилу пришлось выстроить новыя хоромы вмѣсто старыхъ обветшавшихъ, а царь Алексѣй привелъ Коломенскій дворецъ въ отличное состояніе, постройкой новыхъ помѣщеній и ремонтомъ старыхъ. Въ 1666 году онъ задумалъ постройку новаго дворца въ Коломенскомъ. Съ осени стали припасать лѣсъ и другіе строевые матеріалы, а въ началѣ мая была освящена и закладка самаго дворца. Къ осени дворецъ вчернѣ былъ выстроенъ.

Всю слѣдующую зиму столяры и рѣзчики занимались приготовленіемъ разныхъ деревянныхъ украшеній и орнаментовъ для всего зданія, какъ внутри, такъ и снаружи. Лѣтомъ 1668 шла усиленная работа по отдѣлкѣ новаго дворца: расписывались на хоромахъ кровли; дворцовые иконописцы и живописцы начали писать въ хоромахъ стѣнное и подволочное письмо, по грунтованнымъ полотнамъ. Всѣ эти золотарныя и другія работы продолжались около 2 лѣтъ, а въ 1781 г. царь Алексѣй счелъ возможнымъ принять въ новомъ дворцѣ иностранныхъ пословъ, которые пришли въ восторгъ при видѣ «восьмого чуда». Дворецъ блисталъ и горѣлъ золотомъ и красками, пестрѣлъ узорочной рѣзьбой, походя болѣе на только что купленную новую игрушку. Такое впечатлѣніе вынесъ отъ новаго дворца Рейтенфельсъ, бывшій въ Коломенскомъ вскорѣ послѣ окончанія дворца. Правда, при царѣ Ѳедорѣ дворецъ въ нѣкоторыхъ частяхъ перестраивался, но эти перестройки имѣли второстепенное значеніе, не измѣнивъ общей конструкціи загороднаго дворца. Въ постройкѣ Коломенскаго дворца тоже нѣтъ единаго архитектурнаго плана. Строители, кажется, хотѣли произвести впечатлѣніе не симметріей отдѣльныхъ частей, а чрезмѣрной затѣйливостью и пестротой построекъ. Деревянный Коломенскій дворецъ былъ выстроенъ на каменномъ фундаментѣ и по внѣшности представлялъ рядъ пестрыхъ зданій, разнообразнаго вида и неодинаковой величины. Зданія тѣснились другъ около друга, возвышаясь одно надъ другимъ и своею величиною иногда закрывая небольшія части дворца, быть можетъ, второстепеннаго характера. Коломенскій дворецъ — это рядъ теремовъ и башенокъ съ чешуйчатыми

Пастернакъ.

Императрица Екатерина II на охотѣ.

Москва
въ ея
прошломъ
и настоящемъ

бочкообразными кровлями зеленаго цвѣта, съ шатровыми навѣсами надъ крыльцомъ и рѣшотками, которыя были украшены разными рѣзными работами. Каждый членъ царской фамиліи имѣлъ для себя отдѣльныя помѣщенія, соединенныя другъ съ другомъ особыми переходами. Конечно, въ составъ дворца входили и хозяйственныя учрежденія, завѣдывавшія отдѣльными отраслями домашняго государева хозяйства. Расположеніе комнатъ и ихъ меблировка напоминаютъ собою Кремлевскій дворецъ; парадныя комнаты точно такъ же украшались живописью церковнаго назидательнаго и отчасти научнаго содержанія. Въ государевой половинѣ были расписаны образа Спасителя, Богородицы, Предтечи, портреты царей Давида и Соломона, Александра Македонскаго, а въ покояхъ царицы—притчи Эсфири, аллегорическія изображенія временъ года и пр. По свидѣтельству современника, описавшаго дворецъ въ стихахъ, тамъ было изображено «много исторій чудныхъ, четыре части міра, части лѣта, зодій небесный».

Дворецъ былъ окруженъ каменной оградой съ нѣсколькими воротами, надъ которыми были иконы. Въ Лѣтнемъ дворцѣ, какъ и въ зимней резиденціи, было нѣсколько домовыхъ церквей, для удовлетворенія религіозныхъ потребностей всей царской фамиліи. Къ Коломенскому дворцу примыкало 4 огромныхъ фруктовыхъ сада.

Другая лѣтняя резиденція — село Измайлово—любопытна въ иномъ отношеніи. Здѣсь велось въ довольно большомъ масштабѣ царское хозяйство, подъ непосредственнымъ наблюденіемъ самого Алексѣя Михайловича.

Хозяйство велось довольно умѣло и технически стояло довольно высоко: эксплоатировалась пашня, было довольно сильно развито промысловое хозяйство; были даже попытки культивированія техническихъ растеній; прекрасно были поставлены садоводство и скотоводство *). Все Измайлово было заполнено мельницами, каменными ригами и токами, всякаго рода амбарами. На каждомъ шагу чувствовалось усиленное біеніе пульса хозяйственной жизни. Въ работѣ были заняты не только одни свои рабочіе: въ Измайловѣ появляются болѣе образованные технически иностранцы. Изъ разныхъ частей страны вызывались и русскіе мастера. Въ Измайловѣ можно было встрѣтить псковичей, знатоковъ льняного производства, южанъ, малороссовъ, умѣвшихъ раціонально поставить скотоводство, огородничество и пчеловодство. Хозяйство велось въ такихъ размѣрахъ, что приходилось нанимать рабочихъ, общее число которыхъ доходило до 700, и сельско-хозяйственные продукты довольно скоро начали сбывать за границу. Параллельно успѣхамъ въ хозяйствѣ ухудшалось экономическое положеніе Измайловскихъ крестьянъ, искавшихъ спасенія въ бѣгствѣ: такъ, изъ 664 семей, переведенныхъ сюда на вѣчное житье, оказалось на лицо 183 двора, а остальные дворы въ бѣгахъ; впрочемъ, и тѣ наготовѣ бѣжать «мало не всѣ».

Конечно, въ Измайловѣ былъ выстроенъ царскій дворецъ. Въ общемъ ни по величинѣ, ни по архитектурѣ и внутреннему убранству онъ не представлялъ собою ничего бросавшагося сразу въ глаза. Впрочемъ, устрой-

*) Былъ даже стеклянный заводъ, правда, незначительный по размѣрамъ.

ство дворца по-иному являлось лишнимъ: царь жилъ здѣсь наѣздами, и было болѣе цѣлесообразно заботиться объ устройствѣ хозяйственныхъ зданій, тѣснымъ кольцомъ окружавшихъ царскую резиденцію. Дворецъ былъ выстроенъ на островкѣ, образовавшемся среди прудовъ Измайловскаго села. Въ его составъ входили и царскія брусяныя хоромы, и помѣщеніе царицы и всей царской фамиліи, и служебныя отдѣленія, вѣдавшія дворцовое хозяйство. Въ общемъ, дворецъ со всѣми помѣщеніями занималъ площадь около четырехъ десятинъ. Ко дворцу примыкала березовая роща, подъ которой находилось около 2 десятинъ земли. На территоріи царскаго двора было выстроено нѣсколько церквей. Царь и его семейство, видимо, усердно заботились о приличномъ состояніи церквей, иконостасы которыхъ расписывались золотомъ и серебромъ; передъ иконами горѣли мѣдныя и серебряныя лампады; церковныя облаченія были сшиты изъ атласа и бархата съ серебряными пуговицами. Церковные сосуды были большею частью серебряные и, вѣроятно, употреблялись только въ праздничные дни, такъ какъ въ инвентарѣ перечисляются и оловяные. Царь Алексѣй живалъ въ Измайловѣ наѣздомъ, пріѣзжалъ туда во время полевыхъ и другихъ работъ, въ особенности во время ярового и ржаного посѣва. Впослѣдствіи Измайловскій дворецъ сталъ собственностью Прасковьи Ѳедоровны, жены царевича Ивана Алексѣевича.

IV. Царскія одежды.

Московскіе государи были очень скромны въ своемъ домашнемъ быту, и постоянная одежда царей ничѣмъ не отличалась отъ одежды, носимой тогда всѣмъ населеніемъ. На сорочку надѣвали «зипунъ»—узкое короткое платье, иногда достигавшее до колѣнъ, что то въ родѣ камзола. Зипуны дѣлались изъ атласной и шелковой матерій; часто рукава придѣлывались къ нему изъ какой-нибудь другой матеріи, хотя носились зипуны и безъ рукавовъ. Воротники были «малые и узкіе», а иногда къ зипунамъ пристегивался шитый и разукрашенный жемчугъ воротникъ, называемый «обнизью». На зипунъ надѣвали вторую одежду, «становой кафтанъ», достигавшій до самыхъ пятъ, съ чрезмѣрно длинными рукавами, спускавшимися до земли. Разрѣзъ на кафтанѣ былъ только спереди и оторачивался тесьмою. Вдоль по кафтану, параллельно разрѣзу, по обѣимъ сторонамъ дѣлались нашивки, на которыя пришивались завязки съ кистями и снурки для застегиванія кафтана. Въ XVII в. были уже въ употребленіи и пуговицы; большею частью онѣ всѣ были на груди; нижняя часть кафтана оставалась незастегнутой. Государевы кафтаны были сшиты изъ дорогихъ матерій, большею частью яркихъ цвѣтовъ; изнанка ихъ подбивалась болѣе дешовыми матеріями; зимніе кафтаны дѣлались часто на мѣхахъ, большей частью легкихъ: собольихъ пушкахъ и др.

Необходимою принадлежностью кафтана былъ поясъ, сдѣланный изъ какой-нибудь дорогой матеріи и украшенный золотыми и серебряными бляхами, на которыхъ чеканились разныя фигуры: звѣри, птицы, всадники, травы. На ноги государи надѣвали сафьяные сапожки съ подошвами, которыя были подбиты серебряными гвоздиками, а на головѣ дома

носили маленькую шапочку, прикрывавшую только макушку, расшитую золотомъ и унизанную жемчугомъ. Таковы были комнатныя обыкновенныя одежды царя.

Лѣтомъ царь выходилъ въ особой легкой накидкѣ—шелковомъ опашнѣ и въ четыреугольной шапкѣ съ мѣховымъ околышкомъ, пристегивавшимся, въ сущности, только для красоты. Зимой опашень замѣняла шуба, сшитая изъ шелковой или суконной матеріи и подбитая дорогимъ мѣхомъ, а вмѣсто легкой лѣтней шапки государи надѣвали на голову большую горлатную на лисьемъ мѣху шапку, большею частью съ суконнымъ верхомъ. Осенью же и весной и вообще въ ненастную погоду надѣвали однорядку, обыкновенно всегда суконную, широкое и длинное платье съ длинными рукавами и нашивками вдоль разрѣза, застегивавшееся пуговками. Въ рукахъ царя всегда былъ посохъ единороговый или индѣйскій изъ чернаго дерева.

Если комнатная одежда ничѣмъ не отличалась отъ одежды знатныхъ людей, то выходныя царскія одежды, въ особенности въ дни большихъ праздниковъ и посольскихъ аудіэнцій, поражали наблюдателя своею роскошью и блескомъ. Эта парадная одежда была заимствована изъ Византіи, какъ только Москва стала третьимъ Римомъ, и московскіе государи начали считать себя наслѣдниками власти византійскихъ монарховъ, абсолютныхъ по природѣ своей власти и опиравшихся въ своей правительственной дѣятельности на сильно развитую бюрократію.

Византійскіе государи были также и верховными архіереями восточной церкви, принимавшими непосредственное участіе въ дѣлахъ по управленію церковью и охранѣ чистоты вѣры и единства церкви. Византійскіе цари, какъ состоявшіе во главѣ церкви, всегда присутствовали на всѣхъ церковныхъ праздникахъ, участвуя активно въ церковныхъ службахъ. Этимъ и объясняется, почему выходныя и парадныя одежды византійскихъ императоровъ по существу почти не отличались отъ обыкновеннаго архіерейскаго облаченія. И «большой нарядъ» московскихъ государей тоже во многомъ походилъ на архіерейское облаченіе, что вполнѣ соотвѣтствовало тогдашнему представленію о царской власти, какъ защитницѣ правовѣрія и хранительницѣ чистоты православной вѣры. Правда, московскіе государи не были активными участниками церковнаго богослуженіе, но фактически церковное управленіе русской церковью сосредоточивалось въ рукахъ царя, въ особенности въ XVII вѣкѣ, такъ что и византійская одежда не шла въ разрѣзъ съ ролью и значеніемъ московскаго государя въ русской церкви.

Большой царскій нарядъ надѣвался сверхъ зипуна и богатѣйшаго станового кафтана. Къ царскому наряду принадлежали: царское платно, изъ дорогой золотной матеріи, съ жемчужнымъ кружевомъ, усыпаннымъ драгоцѣнными камнями, въ общемъ похожее на архіерейское церковное облаченіе, такъ называемый саккосъ; царскій вѣнецъ или царская шапка съ соболиной опушкой, весь унизанный драгоцѣнными камнями: алмазами, изумрудами, яхонтами; бармы, покрывавшія плечи государя; наперстный крестъ съ кусочкомъ Животворящаго древа или золотой крестъ со Спасовою ризою; вмѣсто посоха царскій жезлъ, богато украшенный золотомъ

и каменьями. Сафьяные башмаки, которые надѣвалъ государь въ торжественные дни, были всѣ унизаны жемчугомъ и украшены каменьями.

Весь царскій нарядъ блисталъ золотомъ, серебромъ и драгоцѣнными камнями; тяжесть его была настолько значительна, что царь могъ двигаться впередъ съ большимъ трудомъ, да и то поддерживаемый подъ руки стольниками или боярами изъ ближнихъ людей.

И женскій домашній нарядъ не отличался отъ одежды богатыхъ женщинъ того времени; развѣ только царица и царевны были болѣе строги въ ношеніи одежды, чѣмъ остальныя женщины, не допуская никакихъ отклоненій отъ стариннаго костюма, на которомъ несомнѣнно сказалось Византійское вліяніе. Царица и царевны всегда жили внутри своихъ покоевъ, никогда не показываясь передъ народомъ, словно подвижницы, отказавшіяся отъ міра и его соблазна.

На тѣло женщины одѣвали длинную рубаху изъ бѣлой матеріи. Верхняя рубаха шилась изъ цвѣтныхъ тканей, большею частью шелковыхъ. Она тоже была длинна, только шире нижней рубахи, и имѣла длинныя рукава, а у царицы, по словамъ Коллинса, рукава были значительно длиннѣе, чѣмъ у сопровождавшихъ ее боярынь. Нарядныя сорочки по швамъ вынизывались мелкимъ жемчугомъ, а рукава, на плечахъ и у запястья, вышивались золотомъ и серебромъ и низались мелкимъ жемчугомъ. Такая сорочка была исключительно комнатной одеждой, носимой съ поясомъ, и показаться безъ пояса мужчинамъ считалось нарушеніемъ стыдливости и цѣломудрія.

Сверхъ рубашки надѣвался лѣтникъ. Одежда эта была короче рубахи, но рукава ея были чрезвычайно длинны и широки. Рукава вышивались золотомъ и унизывались жемчугомъ.

Подолъ обшивался другой матеріей съ золотою тесьмою, снуркомъ и бахромою. Необходимой принадлежностью лѣтника были «вошвы». Это были небольшія полотнища и дѣлались изъ болѣе тяжелой и плотной ткани, обыкновенно парчевой, или изъ гладкаго атласа, по которому онѣ богато украшались золотомъ и серебромъ и были испещрены разными фигурами въ видѣ листьевъ, звѣрей и пр. Къ воротнику лѣтника пристегивалось шейное ожерелье, вышитое золотомъ и унизанное жемчугомъ *).

Для осенняго и зимняго времени лѣтникъ опушался бобровымъ пухомъ.

Другой верхней одеждой была тѣлогрѣя—платье распашное и застегиваемое по разрѣзу пуговицами или завязками, съ длинными рукавами, которые всегда оставались ниспадающими позади рукъ до самаго пола. Для тѣлогрѣй, какъ и вообще для выходныхъ платьевъ, употреблялись ткани болѣе плотныя и тяжелыя, чѣмъ для верхней сорочки. Въ торжественныхъ случаяхъ на верхнее платье надѣвалась мантія, называвшаяся «подволокой». Такая мантія дѣлалась изъ шелковой матеріи и вся была разукрашена золотымъ шитьемъ, жемчугомъ и драгоцѣнными камнями. Къ этому же разряду одеждъ можно причислить шубку-платье, которое большею частью носили царицы въ дни великихъ выходовъ. Шубка

*) Кажется, лѣтникъ соотвѣтствовалъ зипуну и былъ домашней одеждой.

Гостиная въ имѣніи Юсуповыхъ. С. Архангельское.

Москва
ЗА ЕЯ
ПРОШЛОМЪ
И НАСТОЯЩЕМЪ

шилась покроемъ сорочки и надѣвалась съ головы. Кроилась она длиною до пятъ и рукава ея ниспадали почти до полу. Для шубки употреблялись обыкновенно тяжелыя ткани: бархатъ, атласъ, объяри, камки, которыя подкладывались тафтою. Домашнія шубки кроились изъ сукна разныхъ цвѣтовъ. На богатыхъ выходныхъ шубкахъ всегда носили накладное ожерелье—круглый воротникъ изъ боброваго мѣху.

Шубка имѣла также значеніе царственной одежды, царскаго платья, и тогда она дѣлалась распашною съ рукавами только по кисть и роскошно украшалась золотомъ и камнями. На плечи тогда надѣвалось круглое ожерелье изъ той же ткани; всегда унизывали ее жемчугомъ и алмазами.

Зимою, выходя на воздухъ, царицы одѣвали кортель, зимнюю мѣховую одежду, соболью, кунью, горностайную, обыкновенно, опушенную бобровымъ пухомъ. Для защиты рукъ отъ холода царицы надѣвали рукавъ-муфту, сдѣланную изъ атласа, бархата или золотыхъ тканей съ опушкой изъ собольихъ хвостовъ и внутри подложенной мѣхомъ. Необходимою принадлежностью выходного костюма царицъ и царевенъ были «ширинки»—родъ носового платка, роскошно вышитаго золотомъ, серебромъ и шелками, а иногда и унизаннаго жемчугомъ. Ширинки кроились изъ тонкаго арабскаго миткаля или бѣлой венецейской тафты. При выходахъ въ рукахъ царицы былъ жезлъ, украшенный золотомъ и серебромъ.

На голову царицы надѣвали «подубрусникъ», составлявшій часть головного убора «убруса», родъ тонкаго полотнянаго полотенца, которое повивалось на головѣ красивымъ узломъ. Обыкновенно оно украшалось шитьемъ — бѣлью, вышивалось золотомъ и серебромъ, по концамъ и на челѣ низалось жемчугомъ. Носились и другіе головные уборы, для прикрытія волосъ замужней женщины. Въ торжественныхъ случаяхъ царицы надѣвали на голову «коруны»—знакъ царственнаго достоинства. «Коруна» была унизана жемчугомъ, по своей формѣ напоминая дѣйствительно корону, тогда какъ «кика», которую носили вообще всѣ замужнія женщины, была шапочка съ возвышенною плоскостью на лбу, украшенная золотомъ, серебромъ и драгоцѣнными камнями. Въ лѣтнее время при всякихъ выѣздахъ царицы надѣвали шляпы — бѣлыя поярковыя съ круглою тульею и широкими полями. Поля ея подбивались атласомъ; внутри—она подкладывалась гладкимъ атласомъ. Иногда шляпы покрывались жемчужинами и драгоцѣнными каменьями. Со шляпы спадали на спину длинные снурки, атласныя ленты, вышитыя золотомъ, низанныя жемчугомъ и убранныя драгоцѣнными камнями. Въ осеннее и зимнее время носили шапки изъ шелковой или золотой ткани, круглыя или конусообразныя. Верхъ шапокъ украшался золотымъ шитьемъ, жемчугомъ и каменьями. Опушка была большею частью изъ боброваго мѣха. Надѣвали на голову по зимамъ «коптуры и треухи», напоминающіе по формѣ капоры; коптуръ дѣлался сплошь изъ мѣха, а треухъ шился изъ шелковой или золотой ткани.

Царицыну обувь составляли чулки, башмаки, чеботы. Чулки покупались у иностранцевъ (такъ, у царицы Евдокіи были «чюлки вязенные шолкъ лазоревъ съ серебромъ»); башмаки кроились изъ бархата, атласа

и сафьяна; по швамъ они обшивались золотнымъ съ шелкомъ пояскомъ; чеботы — родъ женскихъ сапогъ — также кроились изъ бархата, атласа и сафьяна.

Для украшеній царицы носили мониста, перстни и серьги, обручи— видъ браслета изъ золотой проволоки, гладкой или свитой вдвое.

Наконецъ, тогдашній обычай требовалъ ношенія фаты,—бѣлой или цвѣтной, которою закрывалось лицо. Фата была изъ батиста и унизана дорогимъ жемчугомъ.

V. Комнатный обиходъ.

Однообразно и монотонно протекала будничная жизнь въ царскихъ покояхъ. Государь вставалъ обыкновенно въ 4 часа утра. Одѣвшись и умывшись съ помощью постельничаго и стряпчихъ, царь тотчасъ изъ опочивальни шелъ въ Крестовую, гдѣ его ожидали духовникъ и крестовые дьяки съ крестомъ и образомъ святого, память котораго праздновалась въ этотъ день. Священникъ благословлялъ царя крестомъ, затѣмъ государь, помолившись около четверти часа, прикладывался къ иконѣ, а духовникъ окроплялъ его святой водой. Крестовый дьякъ читалъ соотвѣтствующее дню «духовное слово». Послѣ утренней молитвы царь посылалъ кого-либо изъ «ближнихъ» людей на царицыну половину—спросить ее о здоровьѣ и какъ почивала, а затѣмъ шелъ самъ здороваться съ нею въ ея столовую или переднюю. Поздоровавшись, царь и царица шли вмѣстѣ въ одну изъ верховыхъ церквей, гдѣ слушали заутреню, а иногда и раннюю обѣдню. Между тѣмъ въ это время стекались во дворецъ бояре, окольничьи, думные и ближніе люди «челомъ ударить государю» и присутствовать на засѣданіи Боярской думы, если они имѣли право «судить съ государемъ о дѣлахъ». Лица, имѣвшія право входить въ самый дворецъ, собирались обыкновенно въ передней, гдѣ и ожидали выхода царя. Прочая служилая масса оставалась на Постельномъ крыльцѣ и въ смежныхъ съ нимъ комнатахъ, куда входить можно было только въ зимнее время или непогоду. Нѣкоторые изъ бояръ, пользовавшіеся особенною довѣренностью царя, «улуча время», входили въ комнату, мѣсто, завѣтное для тѣхъ, кто оставался въ передней; передняя въ свою очередь являлась завѣтнымъ мѣстомъ для прочей служилой массы. Недаромъ нѣкоторые изъ ея среды, выставляя свои заслуги передъ государствомъ, били челомъ, чтобы «быть при твоей царской свѣтлости въ передней». Толпа, бывшая въ передней, вела себя довольно чинно, чего нельзя было сказать о собиравшихся на Постельномъ крыльцѣ. Здѣсь было оченъ шумно. Раздавались крики и самая отборная брань.

По разнымъ причинамъ, большею частью изъ-за мѣстническихъ споровъ, между присутствовавшими возникали споры, которые переходили въ драку. Эти ссоры разбирались впослѣдствіи постельничимъ; зачинщикъ обвинялся въ оскорбленіи «чести государева двора», за что его нещадно били батогами въ подклѣти.

Съ нетерпѣніемъ ожидала передняя выхода государя. Наконецъ, наступалъ желанный моментъ: двери отворялись, и выходилъ великій го-

сударь, привѣтствуемый земными поклонами всѣхъ присутствовавшихъ. Царь садился въ кресло и вступалъ въ бесѣду съ тѣми боярами, до которыхъ у него было дѣло, требуя отъ нихъ отчета въ исполненіи своихъ распоряженій. Если кто-нибудь не выполнялъ царскаго приказанія или перепутывалъ, то его выгоняли вонъ изъ передней или вели въ тюрьму. Случалось иногда, что какой-нибудь бояринъ запаздывалъ, а, между тѣмъ, царь его спрашивалъ. Тотчасъ посылали за опоздавшимъ, котораго ждалъ строгій выговоръ за опозданіе. Передъ царемъ всѣ служилые люди стояли. Иногда бесѣда съ боярами затягивалась; присутствовавшіе уставали, и тогда они выходили «сидѣть во дворъ» — отдохнуть, а затѣмъ опять возвращались въ переднюю. Обыкновенно въ это время присутствовавшіе обращались съ разными просьбами. Подавая челобитіе, каждый кланялся въ землю. Просьбы бояръ были разнообразны: кто хочетъ ѣхать въ деревню, кто отпрашивается въ гости крестить, на родины, на именины. Безъ царскаго отпуска было рискованно уѣхать или уйти въ гости, такъ какъ «къ вечерни» всѣ бояре снова пріѣзжали во дворецъ, и царская опала ждала неявившагося. Если случалось кому изъ служилыхъ людей быть именинникомъ, то царю подносились калачи, а государь удостаивалъ именинника вопроса о здоровьѣ и поздравлялъ со днемъ ангела. Затѣмъ именинникъ ѣхалъ съ такими же калачами къ царицѣ, царевичамъ и царевнамъ.

Послѣ пріема служилыхъ людей въ передней, царь, въ сопровожденіи всѣхъ собравшихся, шелъ въ девятомъ часу къ поздней обѣднѣ въ одну изъ придворныхъ церквей. Въ большіе же праздники выходъ государя изъ дворца устраивался обыкновенно въ Успенскій соборъ, а иногда и въ приходскіе храмы и монастыри въ день храмового праздника. Обѣдня продолжалась около двухъ часовъ. Царь и во время богослуженія продолжалъ разговаривать съ боярами о дѣлахъ, тутъ же отдавая приказанія. Въ церкви было шумно, и не всегда возможно было разслышать возгласы священника, такъ какъ бояре разговаривали и спорили другъ съ другомъ, забывая, что они не на засѣданіи Боярской думы. Послѣ обѣдни царь занимался очередными государственными вопросами, принимая докладчиковъ по каждому вѣдомству. Докладывали государю дѣла начальники приказовъ лично. Затѣмъ разсматривались челобитныя, поданныя на царское имя, и думный дьякъ «накладывалъ» рѣшеніе. Если въ это время въ комнатѣ находились бояре, то никто изъ нихъ не смѣлъ садиться и «слова разговорныя говорить». Если у государя было какое-нибудь важное дѣло, то онъ обращался за совѣтомъ къ боярамъ, окольничимъ и думнымъ дворянамъ. Такое совѣщаніе называлось «сидѣніемъ великаго государя съ боярами о дѣлахъ». Очередныя засѣданія Думы въ XVII в. бывали ежедневно*). Во время засѣданія бояре садились по лавкамъ, строго соблюдая принципы мѣстничества: бояре подъ боярами, окольничьи подъ боярами, думные дворяне подъ окольничими. Думные дьяки обыкновенно стояли и садились только въ силу послѣдовавшаго на то царскаго распоряженія. Случалось, что во время

*) По Флетчеру: по понедѣльникамъ, средамъ и пятницамъ. Но едва ли это примѣнимо къ XVII вѣку: разнообразная и сложная дѣятельность Думы требовала болѣе частыхъ засѣданій.

засѣданія бояре начинали свои мѣстническіе счеты. Тогда виновныхъ за то, что бранились, «когда государь сидѣлъ съ боярами», посылали въ тюрьму.

Боярская дума являлась высшимъ правительственнымъ учрежденіемъ, тѣсно связаннымъ съ царемъ. Ни царь, ни Боярская дума не мыслимы отдѣльно въ XVII вѣкѣ. Черезъ ея посредство царская власть проявляла себя въ различныхъ отрасляхъ государственной жизни.

Боярская дума возникла довольно рано: ея генезисъ можно видѣть еще въ удѣльное время. Но тогда она не была еще учрежденіемъ съ опредѣленнымъ составомъ и компетенціей. Это былъ только случайный совѣтъ при князѣ изъ числа дворцовыхъ приказчиковъ, такъ называемыхъ бояръ введенныхъ. Онъ собирался въ экстренныхъ случаяхъ, когда надо было рѣшать какія-нибудь важныя дѣла. Такой характеръ носила первоначальная Дума Московскаго князя. Въ наиболѣе ранній періодъ исторіи Московскаго княжества замѣчается полная солидарность дѣятельности Думы съ политикой князей, такъ какъ первоначально интересы Думы и князя представляли изъ себя одно цѣлое. Возвышеніе Московскаго княжества было вмѣстѣ съ тѣмъ ростомъ могущества и богатства московскихъ бояръ, усердно поддерживавшихъ князей въ ихъ политической дѣятельности и не желавшихъ пока ни съ кѣмъ дѣлиться ея результатами. Князь привлекалъ на свою сторону бояръ, награждая ихъ доходами, льготами, почетомъ. Поэтому и въ княженіе малоспособнаго Ивана Ивановича, и въ малолѣтство Дмитрія Донского и Василія Темнаго бояре, выступивъ на защиту интересовъ Московскаго князя, отстояли его престижъ и значеніе. Это сознавали и сами князья, повторявшіе неоднократно стереотипную фразу: «бояре своя любите, честь имъ достойную воздавайте противу служеній ихъ, безъ воли ихъ ничто же не творите».

Когда на развалинахъ удѣльнаго уклада выросло Московское государство, то и составъ Боярской думы значительно измѣнился благодаря перемѣнамъ въ самомъ составѣ боярства въ XVI вѣкѣ.

Въ Москву наѣхало много удѣльныхъ князей со своими родичами и слугами, отчего составъ московскаго боярства количественно значительно увеличился; образовалась новая правительственная аристократія, среди которой титулованное княжье стремится занять первое мѣсто. Основное московское боярство отошло на задній планъ, уступивъ старыя позиціи пришельцамъ, и только немногимъ изъ старинныхъ московскихъ родовъ удалось остаться на верхнихъ ступеняхъ служилой лѣстницы.

Составъ Боярской думы XV—XVI вв. лучше всего отражаетъ перемѣну въ составѣ московскаго боярства. Въ Думѣ пестрятъ въ званіи бояръ княжескія фамиліи, и, по подсчету В. О. Ключевскаго, княжескихъ фамилій, члены которыхъ сидѣли въ Думѣ боярами, было около 61,5%: такой составъ характеренъ для всего XVI вѣка.

Завершеніе территоріальнаго роста Московскаго государства порвало нити, связывавшія князя съ боярствомъ.

Исчезло единство интересовъ; князь очутился во главѣ огромной территоріи въ качествѣ ея собственника; слуги вольные стали невольными; князь не нуждался болѣе въ ихъ содѣйствіи для укрѣпленія власти. Но

новая аристократія не могла забыть старыхъ удѣльныхъ преданій, и въ своемъ новомъ положеніи хотѣла остаться правящимъ классомъ, настойчиво проводившимъ устами дворянскихъ публицистовъ идею сотрудничества царя «съ бояры». Московскіе князья не раздѣляли мечтаній боярства, выдвигая въ своей правительственной политикѣ принципы самодержавія. На почвѣ этого происходитъ борьба между властью и боярами, кончившаяся разгромомъ боярскаго класса въ эпоху опричнины. Правительственное значеніе Думы понизилось и сошло даже на-нѣтъ. Московскіе князья рѣшаютъ дѣла «самъ третей у постели», часто «съ ближними боярами», прекращая рѣшительными мѣрами всякое проявленіе боярской оппозиціи. Въ свое время за «непригожія рѣчи» поклоннику старыхъ устоевъ—Берсеню Беклемишеву отрѣзали языкъ, а Ряполовскому отрубили голову. Другіе отдѣлались счастливѣе—монашескимъ постриженіемъ.

Дума XV—XVI вѣковъ отличается отъ Думы удѣльнаго періода не только по своему составу. Она рѣшительно обособилась отъ дворцоваго управленія, съ которымъ раньше сливалась. Дворцовые чиновники почти всѣ вышли изъ ея состава, въ который теперь вошли начальники новыхъ правительственныхъ учрежденій—приказовъ. Только окольничій сохранилъ мѣсто въ Думѣ. Раньше всѣ члены Думы назывались боярами, хотя бы занимали различныя должности по хозяйству. Теперь появляется дѣленіе по чинамъ: на бояръ и окольничихъ. Раньше титулъ князя давалъ ему право быть совѣтникомъ Московскаго князя; теперь титулованное княжье, чтобы попасть въ Думу, должно было получить званіе боярина или окольничаго. Въ XVI вѣкѣ прибавляется третій чинъ—думный дворянинъ, появленіе котораго въ Думѣ необходимо поставить въ связь съ осложнившимися отношеніями между царемъ и боярствомъ. Пуская въ Думу неродовитыхъ людей, правительство желало, вѣроятно, опереться на нихъ въ Думѣ противъ боярскихъ притязаній. Впрочемъ, созданіе новаго чина нельзя объяснить только проявленіемъ политическаго антагонизма между царской властью и боярами. Давали себя знать и другія условія, толкавшія правительство въ томъ же направленіи: сложность правительственной дѣятельности и необходимость имѣть подъ руками, въ качествѣ ближайшихъ совѣтниковъ, лицъ, прекрасно знакомыхъ съ практикой административнаго строя, а родовитые думные чины ея то и не знали; да къ тому же въ нѣкоторые изъ приказовъ обыкновенно «великихъ по породѣ и не назначали». Кажется, чинъ думнаго дворянина появляется въ спискахъ Думы съ 1572 года. Въ Думѣ Грознаго ихъ было 8 на 10 бояръ и 1 окольничаго.

Наконецъ, въ качествѣ четвертаго чина въ Думѣ появляются думные дьяки; обыкновенно, первые дьяки важнѣйшихъ приказовъ назначались думными дьяками. Роль послѣднихъ въ теоріи очень скромная: это начальники думской канцеляріи, помѣчавшіе и записывавшіе ея приговоры или составлявшіе по порученію царя проекты граматъ и другихъ дѣловыхъ бумагъ. На практикѣ ихъ значеніе было велико. Выступая докладчиками по дѣламъ своихъ приказовъ: посольскаго, разряднаго, помѣстнаго, давая всякаго рода справки, они тѣмъ самымъ вліяли на ходъ и результаты совѣщанія. Часто приговоръ Думы былъ повтореніемъ ре-

зюмэ дьяка. Да и окончательная формулировка думскихъ приговоровъ входила въ ихъ компетенцію. Дьяки имѣли въ Думѣ только совѣщательный голосъ. Однако, бывали случаи пожалованія думному дьяку чина думнаго дворянина. Такъ, въ XVI в. окончательно опредѣлился чиновный составъ Боярской думы, ставшей высшимъ правительственнымъ учрежденіемъ.

Въ эпоху Смуты боярству не удалось опредѣлить юридическими нормами положеніе Думы; власть царя по-прежнему не была связана никакими юридическими обязательствами. Въ то же время значительно измѣнился соціальный составъ общества: крупная знать сходитъ со сцены; ея ряды постепенно рѣдѣютъ; политическая роль и вліяніе перешли въ руки среднихъ классовъ, уже издавна выдвигаемыхъ властью въ противовѣсъ боярскимъ притязаніямъ. Въ XVII в. не видно никакого антагонизма между властью и правительствующимъ классомъ: отношенія между обѣими сторонами, помимо всякихъ юридическихъ обязательствъ, установились вполнѣ нормальныя.

Въ XVII вѣкѣ бросается въ глаза солидарность дѣйствій царя и Думы, въ качествѣ вспомогательнаго органа. Происшедшія перемѣны въ соціальномъ быту отразились и на составѣ Думы. Чиновный составъ ея прежній, но качественный составъ нѣсколько иной.

Изъ Думы ушло немало знатныхъ фамилій; неродовитые люди все вытѣсняли знать. Отчасти это объясняется порѣдѣніемъ рядовъ знати, но, главнымъ образомъ, необходимостью имѣть для управленія государствомъ болѣе или менѣе опытныхъ людей, знакомыхъ съ государственными дѣлами и законами; а, между тѣмъ, знать была подчасъ и неграмотна. Къ тому же и новая династія, обязанная отчасти престоломъ среднимъ классамъ, должна была предоставить имъ въ Думѣ большее число мѣстъ. Вотъ почему при назначеніи новыхъ членовъ Думы государю не приходилось считаться съ «породою», которую такъ высоко ставило старинное боярство.

Въ связи съ перетасовкой соціальныхъ отношеній замѣчается и увеличеніе числа думныхъ чиновъ: при Ѳедорѣ было 169; осложненіе государственныхъ задачъ влечетъ за собой и увеличеніе числа думныхъ дьяковъ: ихъ къ концу XVII вѣка было уже 15.

На засѣданіяхъ Боярской думы присутствуютъ не всѣ чины. Часть не присутствуетъ за отсутствіемъ изъ Москвы, либо по личнымъ обстоятельствамъ, либо по государственнымъ порученіямъ; другая часть— по недосугу, болѣзни, часто опалѣ. Этимъ объясняется, почему общее число думныхъ людей, бывавшихъ на засѣданіяхъ, непостоянно. Наиболѣе многочисленныя засѣданія думы бывали, вѣроятно, при созывѣ земскихъ соборовъ, куда входила Дума въ видѣ непремѣнной ихъ части. Иногда въ составъ Боярской Думы входили патріархъ, когда царь приглашалъ его посовѣтоваться «съ боярами», и Освященный соборъ, когда вопросъ шелъ о правахъ духовенства, или же просто обсуждались государственные вопросы, относительно которыхъ желали знать мнѣніе Освященнаго собора, состоявшаго изъ представителей высшей церковной іерархіи.

Засѣданія Думы происходили утромъ и вечеромъ подъ предсѣдательствомъ царя, хотя присутствіе его было необязательнымъ: бояре часто рѣшали дѣла и безъ него, иногда окончательно, но большею частью ихъ приговоръ нуждался въ утвержденіи верховной власти. Отсюда двѣ редакціи указовъ XVII в., ясно указывающія, состоялся ли приговоръ Думы въ присутствіи царя, или безъ него. Одни начинаются словами: «великій государь, слушавъ докладной выписки, указалъ, и бояре приговорили». На другихъ дѣлалась рукой думнаго дьяка помѣтка: «по указу великаго государя, бояре, той докладъ на выписки слушавъ, приговорили».

Правомъ вносить на обсужденіе Думы различныя дѣла пользовались всѣ члены думы; но обыкновенно вносились они по распоряженію государя или по иниціативѣ начальниковъ приказовъ, если выяснялась, при докладѣ царю, невозможность рѣшить дѣло въ предѣлахъ дѣйствующаго права. Тогда дѣлали докладную выписку и вносили въ Думу. Обсуждались въ Думѣ и челобитныя отдѣльныхъ лицъ и обществъ. Послѣ обсужденія каждаго вопроса царь и бояре «дѣлали» приговоръ, который и записывался думными дьяками. Послѣдніе скрѣпляли его своими подписями. Приговоры помѣщались на самыхъ дѣлахъ, доложенныхъ Думѣ, излагались они кратко, или пространно, если дѣло шло о серьезныхъ вопросахъ. Къ сожалѣнію, по недостатку данныхъ, нельзя возстановить полностью картину засѣданій Думы; и до сихъ поръ остается неизвѣстнымъ, какъ происходило въ Думѣ обсужденіе доклада, и какъ создавалось то или другое рѣшеніе. Правда, современники передали потомству разсказы о нѣсколькихъ бурныхъ засѣданіяхъ Боярской думы, но они интересны для характеристики поведенія и положенія бояръ, и ничего не даютъ по вопросу объ обсужденіи и составленіи боярскаго приговора. Такъ, въ 1661 году по случаю полученныхъ вѣстей о пораженіи Москвы Литвой происходило засѣданіе Думы для обсужденія создавшагося положенія дѣлъ. Мейербергъ сообщаетъ, что царскій тесть Милославскій вызвался стать во главѣ царскихъ полковъ, чуть ли не обѣщая привести въ Москву плѣнникомъ польскаго короля. Нахальство тестя вывело изъ себя царя: «ахъ, ты такой-сякой! съ чего это ты взялъ хвастаться своимъ искусствомъ въ ратномъ дѣлѣ? какіе твои подвиги противъ непріятеля? смѣешься ты, что ль, надо мной? пошелъ вонъ отсюда». Надававъ старику пощечинъ и оттаскавъ его за бороду, царь вытолкалъ пинками его вонъ изъ палаты.

Правда, такія засѣданія бывали не часто, но самое поведеніе царя показываетъ, что едва ли въ Думѣ царила свобода обсужденія. Сегодня царю могло не понравиться хвастливое мнѣніе, завтра — идущее въ разрѣзъ съ его взглядами; результаты все равно одни — тасканіе за бороду и выталкиваніе вонъ, и едва ли при такомъ способѣ обращенія царя со своими боярами послѣдніе могли бы быть полезными совѣтниками. Вѣроятно, умный Котошихинъ, судившій о Думѣ по слухамъ, не далекъ отъ истины, говоря, что бояре, присутствуя на засѣданіи Думы, — молчатъ, «брады уставя въ землю». Впрочемъ, и Котошихинъ констатируетъ, что нѣкоторые изъ нихъ «мысль свою объявливаютъ».

Нѣкоторые изъ историковъ-юристовъ, ссылаясь на Уложеніе, предписывающее Думѣ «всякія дѣла дѣлати вмѣстѣ», находятъ возможнымъ говорить, что при установленіи приговора Думы требовалось единогласіе. Но это, въ сущности, бездоказательное предположеніе.

Засѣданія Думы бывали въ разныхъ помѣщеніяхъ «царева двора», но большею частью въ такъ называемой «Передней». Царю приходилось оставлять Москву по разнымъ обстоятельствамъ, но и съ нимъ ѣхали его совѣтники, «для сидѣнія съ царемъ о дѣлахъ». Такія сидѣнія бывали въ ближайшихъ подмосковныхъ селахъ — лѣтнихъ царскихъ резиденціяхъ и любимыхъ монастыряхъ. Если царь ѣхалъ лично въ походъ, съ нимъ отправлялись его совѣтники. Во время польскаго похода въ царскомъ лагерѣ находилась почти вся Дума; и только нѣкоторые изъ совѣтниковъ «для приказныхъ дѣлъ» оставались въ Москвѣ.

Помимо этого, составлялась особая комиссія думныхъ чиновъ со стольниками, стряпчими, дворянами московскими и дьяками — для обереганія государева двора и наблюденія за порядкомъ въ столицѣ. Эта полицейско-административная комиссія представляла изъ себя въ сущности временное правительство и разсматривала важныя дѣла, отсылая только нѣкоторыя царю въ походъ, въ особенности въ тѣхъ случахъ, когда рѣшеніе какого-нибудь частнаго дѣла создавало новую юридическую норму. Но выяснить болѣе детально взаимоотношеніе комиссіи и Думы невозможно, опять таки за недостаткомъ соотвѣтствующаго матеріала.

Эти временныя комиссіи при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, благодаря его частымъ отлучкамъ, стали постоянными; иногда въ теченіе всего года составъ комиссіи оставался одинъ и тотъ же.

И мало-по-малу изъ временной малой Думы, въ которой разбирались тяжебныя, восходившія «вверхъ» дѣла, и изъ приказовъ выработалось постоянное отдѣленіе Думы по судебнымъ дѣламъ подъ названіемъ Расправной Золотой или Разрядной палаты. Дворцовые разряды даютъ возможность установить количественный составъ лицъ, сидѣвшихъ «у расправныхъ дѣлъ». Такъ, въ 1671 году въ комиссіи подъ предсѣдательствомъ кн. Одоевскаго было 9 думныхъ чиновъ, по 3 отъ каждаго чина, и 12 думныхъ дьяковъ. Тѣ и другіе назывались товарищами кн. Одоевскаго. Въ концѣ XVII вѣка Расправная палата фактически не существовала, хотя въ XVIII вѣкѣ снова была возстановлена и дожила до учрежденія Сената, при которомъ она тоже составила особое «судное отдѣленіе», только члены ея—«расправныхъ дѣлъ судьи»—не были сенаторами. Да и сама Дума въ началѣ XVIII вѣка значительно измѣняется, превращаясь изъ учрежденія законодательнаго, создававшаго новыя юридическія нормы съ царемъ или по его порученію, въ учрежденіе распорядительное, обязанное принимать мѣры для исполненія воли законодателя. Правительственная дѣятельность Боярской думы имѣла, въ сущности, всеобъемлющій характеръ: дѣйствуя съ царемъ или по его порученію, она рѣшала вопросы законодательнаго характера, разсматривала спорные юридическіе казусы, заботилась объ организаціи управленія и функцій надзора, назначая и увольняя разныхъ должностныхъ лицъ. Бывали случаи, когда Дума

Львы на пристани въ имѣніи Голицыныхъ въ Кузьминкахъ.

Москва въ ея прошломъ и настоящемъ

принимала участіе въ рѣшеніи вопросовъ внѣшней политики, хотя эта дипломатическая дѣятельность замѣтна въ XV—XVI вв. и сводится на нѣтъ въ XVII вѣкѣ.

Правительственная дѣятельность Думы не ограничивалась кругомъ дѣлъ свѣтскаго характера. Правда, когда дѣло касалось церкви, приглашался на засѣданіе Освященный соборъ, могущій помочь разобраться въ церковныхъ вопросахъ свѣтскимъ законодателямъ. Въ общемъ, слѣдуетъ отмѣтить, что дѣятельность Думы въ сферѣ церковныхъ дѣлъ была довольно разнообразна, хотя трудно разграничить компетенціи верховнаго государственнаго и высшаго церковнаго управленій.

Дума разбираетъ не только спорные юридическіе вопросы, выдвинутые церковной юриспруденціей, но и издаетъ распоряженія о крещеніи инородцевъ и о преслѣдованіи раскольниковъ, принимаетъ мѣры для надзора за жизнью духовенства, такъ что Освященному собору приходится приводить въ исполненіе боярскіе приговоры.

Боярская дума была завалена текущими дѣлами. Обсужденіе сложныхъ вопросовъ въ пленарномъ засѣданіи Думы стало почти невозможнымъ. Требовалась подготовительная разработка вопроса, иногда довольно продолжительная; иначе спѣшность создавала нежелательные юридическіе прецеденты, быть можетъ, идущіе въ разрѣзъ съ текущимъ законодательствомъ. Такъ возникали особыя судныя комиссіи, разбиравшія мѣстническія, поземельныя и другія тяжбы: расправная—по дѣламъ текущаго управленія, когда царь покидалъ Москву, отвѣтная—для переговоровъ съ иноземными послами, уложенная—для составленія проекта новаго Уложенія. Комиссіи изучали вопросъ и составляли предварительное рѣшеніе, которое не превращалось въ юридическую норму, а нуждалось въ утвержденіи Думы, которая могла отмѣнить рѣшеніе и вывести другое.

Такова краткая исторія Боярской думы, какъ высшаго правительственнаго учрежденія въ XVII вѣкѣ.

Въ полдень «сидѣніе съ боляры» пріостанавливалось. Въ неприсутственные дни оно замѣнялось пріемомъ иностранныхъ пословъ или высшаго духовенства съ патріархомъ во главѣ, приносившаго поздравленіе съ праздникомъ.

Наступалъ обычный обѣденный часъ, и царь шелъ «къ столовому кушанью». Обычный обѣдъ царя отличался сравнительной простотой. Въ особенности, былъ простъ столъ Алексѣя Михайловича: къ обѣду подавались наиболѣе простыя блюда, ржаной хлѣбъ, немного вина и пива. Эта простота обѣда была нѣсколько необычна даже въ боярскомъ быту того времени. Три дня въ недѣлю царь ѣлъ «мясныя ѣствы», а въ постные дни готовили «про царскій обиходъ ѣствы рыбные и пирожныя съ масломъ съ деревяннымъ и орѣховымъ и съ льняннымъ и съ коноплянымъ». Въ большіе посты и этотъ постный обѣдъ упрощался до крайности. Объ этомъ одинаково говорятъ и русскія и иностранныя извѣстія. По словамъ Котошихина, «въ Великой и въ Успеньевъ посты готовятца ѣствы: капуста сырая и грѣтая, грузди, рыжики соленые, сырые и грѣтые, и ягодные ѣствы безъ масла, кромѣ Благовѣщеньева дни, и ѣстъ царь въ тѣ посты,

въ недѣлю, во вторникъ, въ четвергъ и суботу, по одиножды въ день, а пьетъ квасъ, а въ понедѣльникъ и въ середу, и въ пятницу во всѣ посты не ѣстъ и не пьетъ ничего».

Однако, несмотря на эту умѣренность, за обыкновеннымъ столомъ государя въ скоромные и обыкновенные постные дни подавалось около 70 блюдъ, но почти всѣ эти блюда государь въ знакъ милости разсылалъ думнымъ и ближнимъ чинамъ. Кушанья подавались въ такомъ порядкѣ: сначала холодныя и печенія, разное тѣльное, потомъ жареное, а затѣмъ уже похлебки и ухи, или ушное. Комнатный обѣдъ происходилъ слѣдующимъ образомъ. Дворецкій съ ключникомъ накрывали столъ скатертью и ставили солоницу, горчишникъ, перечницу, уксусницу, хрѣновникъ. Въ комнатѣ рядомъ со столовой накрывался особый столъ, на который, до подачи государю, ставилось кушанье. Каждое кушанье отвѣдывалось поваромъ, дворецкимъ и, наконецъ, крайчимъ, и тогда только ставилось на столъ. То же продѣлывалось и съ напитками. Государь никогда не пилъ вина, пока стоявшій у стола чашникъ предварительно его не отвѣдывалъ.

Изрѣдка къ царскому обѣду приглашался кто-нибудь изъ бояръ. Послѣ обѣда царь спалъ около трехъ часовъ, пока не наступало время идти къ вечернѣ. Къ этому времени съѣзжались и бояре, въ сопровожденіи которыхъ государь выходилъ къ вечернѣ въ одну изъ верховыхъ церквей. Если были какія-нибудь неотложныя дѣла, то возобновлялось прерванное передъ обѣдомъ засѣданіе Думы.

Послѣднее затягивалось иногда до поздняго вечера. Остальное время дня до «вечерняго кушанія» царь проводилъ въ семьѣ или обществѣ близкихъ людей, отдаваясь всецѣло отдыху послѣ трудового дня. Вечерній отдыхъ каждый государь проводилъ по-своему въ зависимости отъ своей индивидуальности. Цари любили слушать по вечерамъ церковное назидательное чтеніе, особенно въ кануны праздниковъ или во время большихъ постовъ. Читались церковныя книги. Интересъ къ послѣднимъ усилился подъ вліяніемъ церковныхъ преобразованій, когда подъ натискомъ старообрядчества приходилось находить каноническія доказательства, отвергавшія мысль о неканоничности реформъ. Проникала во дворецъ и свѣтская книга. Царь Алексѣй любилъ читать космографическія и политическія сочиненія—записки пословъ и ихъ разсказы. При его отцѣ же появляются во дворцѣ «куранты», въ которыхъ помѣщались статьи, переведенныя для государя изъ европейскихъ журналовъ. Царя Алексѣя интересовала и живая бесѣда бывалыхъ людей о далекихъ земляхъ, чужихъ обычаяхъ и о прошломъ родной земли. При его дворѣ находилось всегда нѣсколько стариковъ, извѣстныхъ своею благочестивой жизнью. Эти такъ называемые «верховые богомольцы» часто по вечерамъ приходили въ царскія палаты и разсказывали про старину, восполняя тѣмъ пробѣлы нашихъ лѣтописей и распѣвая разные духовные стихи. Для верховыхъ богомольцевъ отводилось при дворѣ особое помѣщеніе; жили они на полномъ содержаніи государя. Царь Алексѣй относился съ большимъ вниманіемъ и любовью къ этимъ верховымъ богомольцамъ. Цари любили также слушать бахарей, домрачеевъ, гусельниковъ. Первые сказывали сказки, а вторые были жи-

выми хранителями народной поэзіи, и часто по вечерамъ подъ звуки струннаго музыкальнаго инструмента домры во дворцѣ въ поэтическихъ образахъ возставала древне-русская жизнь. Пѣвали бахари и гусельники о богатыряхъ Владимира, вспоминали злую неволю-татарщину, касаясь и другихъ болѣе позднихъ событій государственныхъ и государевыхъ.

Иногда царей потѣшали скоморохи, шуты, бывшіе необходимою принадлежностью всякаго дома; развлекались они игрой на различныхъ музыкальныхъ инструментахъ. Помимо этого, государь игралъ часто по вечерамъ въ шахматы и другія однородныя съ ними игры. При дворцѣ были даже спеціальные мастера-шахматники, только и занимавшіеся приготовленіемъ шахматовъ. Иногда государь проводилъ время въ разсматриваніи работъ разныхъ придворныхъ ремесленниковъ: золотыхъ дѣлъ мастеровъ, ювелировъ, оружейниковъ, иконописцевъ. Раннею весной, лѣтомъ и осенью государь съ ранняго утра уѣзжалъ въ окрестности Москвы въ лѣтнія резиденціи на соколиную охоту, что, конечно, измѣняло распорядокъ дня. По зимамъ, особенно въ праздничные дни, царь любилъ смотрѣть «медвѣжье поле», а иногда и лично отправлялся на охоту на медвѣдя, лося и за зайцами.

Любили цари смотрѣть и «львиную потѣху», а при царѣ Михаилѣ въ Москву были привезены слоны, которыми тѣшили государей. Наконецъ, при царѣ Алексѣѣ съ 1672 года при дворѣ появляются театральныя зрѣлища—«комедійное дѣйство», какъ неизбѣжное вліяніе Запада. Въ 1672 году странствующая нѣмецкая труппа подъ управленіемъ Ягана Готфрида Грегори играла въ царскомъ дворцѣ исторію «Ассуира и Эсфири». Во время представленія царь сидѣлъ передъ сценою на скамейкѣ; для царицы съ дѣтьми было устроено нѣчто въ родѣ ложи за рѣшоткой, изъ которой они смотрѣли на представленіе.

Вкусъ къ театральнымъ представленіямъ настолько привился, что въ селѣ Преображенскомъ была выстроена особая «комедійная хоромина», а затѣмъ она появляется и въ Кремлевскомъ дворцѣ.

Вечернимъ кушаніемъ и молитвою въ крестовой оканчивался день. Царь ложился спать. Въ одномъ покоѣ съ нимъ ложился и постельничій, убиравшій и окроплявшій царскую постель, иногда стряпчій съ ключомъ и два спальника, наиболѣе близкихъ. Въ сосѣдней комнатѣ находилось шесть лицъ изъ стряпчихъ и спальниковъ, извѣстныхъ своею преданностью. Наконецъ, въ третьей комнатѣ помѣщались стряпчіе и дневальные жильцы, а внѣшнія двери охранялись истопниками. Такъ заканчивался царскій день въ XVII вѣкѣ.

VI. Царскіе выходы.

Московскіе государи рѣдко являлись передъ своими подданными, но зато всякое выступленіе ихъ отличалось большой торжественностью, бившей на эффектъ и производившей, конечно, сильное впечатлѣніе на смотрѣвшую толпу. Чаще всего цари показывались народу въ большіе церковные праздники, когда они совершали свои богомольные выходы, присутствуя при отправленіи Православной церковью всѣхъ ея обрядовъ и

торжествъ. Цари выходили къ обѣднѣ пѣшкомъ, если было близко, или въ каретѣ, а зимою въ саняхъ въ сопровожденіи многочисленной свиты, одѣтой въ богатое платье, въ золотыхъ бархатныхъ и объяриновыхъ ферезяхъ. И самъ царь облекался въ большіе праздники въ полный царскій нарядъ, весь блиставшій золотомъ и серебромъ и унизанный драгоцѣнными камнями. Медленно двигалось церемоніальное шествіе. Впереди шли меньшіе чины, по старшинству, по два, по три человѣка въ рядъ; затѣмъ шелъ царь, поддерживаемый подъ руки стольниками или другими лицами изъ числа царской свиты. За царемъ шли бояре, окольничьи, думные дворяне и ближніе люди. Около царя находился постельничій со стряпчими; они несли различные предметы, которые могли понадобиться царю, а именно: «полотенце», носовой платокъ, «стулъ съ зголовіемъ»—подушкой, на которую садился государь, «подножье» - коверъ, разстилавшійся во время богослуженья, «солнешникъ»—зонтикъ отъ дождя и солнца, «цар-

Царскій выѣздъ. Рис. изъ кн. Кленка (1677 г.).

ское мѣсто», обитое сукномъ и атласомъ краснаго цвѣта. Если выходъ совершался въ какой-нибудь монастырь или церковь внѣ Кремля и при томъ зимою, то государь «шелъ саньми» — ѣхалъ въ саняхъ, расписанныхъ красками и покрытыхъ персидскими коврами. Возница - стольникъ сидѣлъ верхомъ на лошади; другой стольникъ «стоялъ на ухабы» – на запяткахъ. По сторонамъ размѣщались бояре, а на оглобляхъ, у саннаго передняго щита, стояли ближніе стольники, одинъ съ правой стороны, а другой—съ лѣвой; позади ѣхала свита. Царскій поѣздъ сопровождался отрядомъ стрѣльцовъ съ батогами въ рукахъ «для ради царскаго береженья и тѣсноты людской».

Большая толпа народа собиралась посмотрѣть царскій поѣздъ, и горе было тому, кто напиралъ на бояръ, ѣхавшихъ за возкомъ. Смѣльчаковъ жестоко наказывали батогами.

Отмѣтимъ главные выходы. Первый царскій выходъ былъ въ сентябрѣ въ день новаго года. Къ молебному пѣнію о «начатіи новаго лѣта» въ Кремлѣ набиралось множество народа: сбѣгались москвичи, приходили посмотрѣть церемонію и иностранцы. На открытомъ мѣстѣ на площади между Благовѣщенскимъ соборомъ и Архангельскимъ, на особо возведенномъ помостѣ, покрытомъ турецкими и персидскими коврами, въ присутствіи царя служился молебенъ. Послѣ молебна приносились обычныя поздравленія, послѣ чего царь шелъ къ обѣднѣ. Въ половинѣ декабря въ недѣлю «Праотцевъ» царь выходилъ въ Успенскій соборъ къ заутренѣ—«къ чину воспоминовенія сожженія тріехъ отроковъ». 21 декабря въ день памяти митрополита Петра царь слушалъ обѣдню въ соборѣ; наканунѣ во дворецъ приходилъ патріархъ звать государя къ празднику и хлѣба откушать. Послѣ обѣдни въ день праздника отправлялись всѣ къ патріарху на обѣдъ, при чемъ, по обычаю, патріарху приходилось одаривать своего высокаго гостя: дарились кубки, бархаты, атласъ.

Наканунѣ Рождества, задолго до разсвѣта, царь въ сопровожденіи отряда стрѣльцовъ и подъячихъ Тайнаго приказа шелъ въ тюрьмы и богадѣльни, гдѣ собственноручно раздавалъ милостыню тюремнымъ сидѣльцамъ, плѣннымъ, увѣчнымъ и всякимъ бѣднымъ людямъ. О выходѣ царя, конечно, всѣ знали заранѣе. Нищіе и убогіе стояли на улицѣ, ожидая царскаго выхода, въ надеждѣ на милостыню, и, конечно, ее получали. Въ то же время довѣренные люди раздавали царскую милостыню у Лобнаго мѣста и на Красной площади. Обыкновенно раздавалось около 1000 рублей. Затѣмъ царь слушалъ часы въ одной изъ придворныхъ церквей и въ навечеріе праздника выходилъ въ Успенскій соборъ слушать вечерню и «къ дѣйству многолѣтія», когда соборный архидіаконъ «кликалъ» многолѣтіе государю и всему царскому семейству, по именамъ. Затѣмъ во дворѣ происходило славленіе Христа.

Славили Христа протопопы, попы и дьяконы всѣхъ соборовъ, государевы пѣвчіе и пѣвчіе разныхъ духовныхъ властей. Государь жаловалъ питьемъ и ковшами и такъ называемымъ «славленымъ».

Въ день праздника, когда раздавался благовѣстъ къ обѣднѣ, приходилъ къ царю патріархъ въ сопровожденіи высшаго духовенства—славить Христа. Столовая палата убиралась коврами и сукнами. Государь встрѣчалъ патріарха въ сѣняхъ.

Послѣ обычной молитвы пѣли многолѣтіе, а патріархъ приносилъ поздравленіе. Затѣмъ царь и патріархъ садились на свои мѣста. Посидѣвъ немного и благословивъ царя, патріархъ шелъ къ царицѣ такимъ же порядкомъ славить Христа. Обѣдню царь слушалъ въ Успенскомъ соборѣ, а послѣ нея во дворцѣ приготовлялся «праздничный столъ на патріарха, властей и бояре». Съ большею торжественностью совершался выходъ въ день Крещенія на Іордань на Москвѣ-рѣкѣ. Царь являлся народу въ полномъ блескѣ своего сана, поражая богатствомъ и пышностью своего наряда. Шествіе открывали стрѣльцы, одѣтые въ цвѣтное лучшее платье, одни съ золочеными пищалями, другіе съ золочеными копьями. За стрѣльцами шелъ крестный ходъ, замыкавшійся шествіемъ патріарха, съ которымъ въ пред-

несеніи хоругвей, крестовъ и иконъ шелъ весь Освященный соборъ; всѣ въ богатѣйшемъ облаченіи. За крестнымъ ходомъ шли дьяки разныхъ приказовъ въ бархатныхъ кафтанахъ; за ними дворяне, стряпчіе, стольники въ золотыхъ кафтанахъ, далѣе ближніе люди, думные дьяки и окольничьи въ богатыхъ шубахъ. Вслѣдъ за ними несли постельничьи «царскую стряпню», а потомъ шелъ медленною поступью и самъ государь въ большомъ царскомъ нарядѣ, поддерживаемый подъ руки стольниками. Около царя шли бояре и думные дворяне въ богатѣйшихъ шубахъ и высокихъ горлатныхъ шапкахъ. Шествіе замыкалось отрядомъ стрѣльцовъ, оберегавшихъ «государское шествіе отъ утѣсненія нижнихъ чиновъ людей». На Москвѣ-рѣкѣ сооружалась красивая іордань съ колоннами, которыя были расписаны красками, серебромъ и золотомъ, съ золотымъ крестомъ наверху. Внутри вся іордань была украшена шелковыми и жестяными цвѣтами, зелеными листьями и даже птицами, вырѣзанными изъ мѣдныхъ листовъ. Чинъ окропленія воды совершалъ патріархъ. Въ «недѣлю мясопустную» царь выходилъ «на дѣйство страшнаго суда». Выходъ совершался довольно просто. Царь выходилъ въ обыкновенномъ выходномъ платьѣ, и только въ соборѣ надѣвалъ царскій нарядъ; а изъ собора царь съ патріархомъ и духовенствомъ, крестнымъ ходомъ, отправлялись къ мѣсту, гдѣ совершалось самое «дѣйство». Во время хода раздавался оглушительный звонъ всѣхъ московскихъ колоколовъ. Передъ выходомъ на дѣйство, часа за три до разсвѣта, царь обходилъ тюрьмы, богадѣльни, гдѣ жили раненые, разслабленные, сироты и подкидыши. Однимъ государь раздавалъ милостыню, другихъ освобождалъ изъ тюремнаго заключенія. Въ прощеное воскресенье царь отправлялся къ патріарху для «прощенія». На Благовѣщеніе былъ выходъ ко всенощной и обѣднѣ въ Благовѣщенскій соборъ. Во время всенощной патріархъ совершалъ «чинъ хлѣболомленія». Послѣ благословенія хлѣбовъ патріархъ раздроблялъ ихъ и часть подносилъ государю вмѣстѣ съ виномъ. Потомъ раздавались хлѣба боярамъ и властямъ, народу. Патріархъ такіе же хлѣба посылалъ съ отдѣльнымъ бояриномъ царицѣ и всему царскому семейству. Въ день Благовѣщенія обыкновенно въ царевыхъ покояхъ кормились нищіе. Въ Вербное воскресенье царь принималъ участіе въ шествіи на осляти. Страстную недѣлю царь готовился къ достойной встрѣчѣ «Великаго дня». Въ среду было обычное посѣщеніе тюремъ и богадѣленъ для «милостинной раздачи», иногда даже «безщотно».

Въ исходѣ двѣнадцатаго часа въ субботу государь шелъ съ боярами, окольничими, думными и ближними людьми въ соборъ къ заутренѣ. Царь и его свита блистали золотомъ и драгоцѣнными камнями. Во время заутрени царь прикладывался къ иконамъ, потомъ христосовался съ патріархомъ и архіереями въ губы, и они обмѣнивались яйцами; прочія духовныя лица допускались къ рукѣ. Послѣ духовенства царь жаловалъ къ рукѣ всѣхъ свѣтскихъ лицъ, бывшихъ въ соборѣ. Послѣ заутрени царь отправлялся въ Вознесенскій монастырь—поклониться гробу матери, въ Архангельскій—поклониться гробу отца, въ Благовѣщенскій—похристосоваться съ духовникомъ, съ которымъ цѣловался въ губы. Послѣ обѣдни патріархъ приходилъ къ царю славить Христа, а затѣмъ царь съ патріархомъ

и разными чинами шелъ къ царицѣ, которая принимала ихъ въ Золотой палатѣ, окруженная мамами, пріѣзжими и дворовыми боярынями.

Позднюю обѣдню царь слушалъ въ Успенскомъ соборѣ, и происходило христосованье со всѣмъ придворнымъ штатомъ; тутъ были «дворовые у крюка», иконники, «наплечные мастера», постельные и столовые истопники. На третій день праздника царь принималъ въ Золотой палатѣ патріарха и прочихъ духовныхъ властей «съ приносомъ». Патріархъ благословлялъ государя образомъ и золотымъ крестомъ, дарилъ ему нѣсколько кубковъ и куски шелковыхъ и атласныхъ матерій. Въ томъ же родѣ получали подарки отъ патріарха и царица съ съ своими дѣтьми. Присутствовавшіе митрополиты подносили сами, а отсутствовавшіе присылали со стряпчимъ великоденскій мѣхъ и великоденское яйцо, благословляли образомъ и давали мѣхъ меду.

Келарь Троицкаго монастыря и настоятели нѣкоторыхъ монастырей московскихъ и провинціальныхъ подносили царю образа святыхъ, во имя которыхъ были устроены монастыри. Помимо этого, непремѣнно подносили мѣхъ меду. Приходили къ царю съ дарами и именитый человѣкъ Строгановъ, московскіе и провинціальные гости, а также гостиной и суконной сотенъ торговые люди съ разными подарками, большею частью золотыми деньгами.

Отмѣтимъ еще царскіе выходы въ Троицынъ и Успеньевъ дни. По своему характеру они мало чѣмъ отличаются отъ прочихъ выходовъ въ большіе праздники, только въ Троицынъ день передъ царемъ ближніе стольники несли на коврѣ пукъ цвѣтовъ—вѣникъ и листъ (древесный безъ стебельковъ). Во время обѣдни ключари подносили подобный же листъ царю отъ патріарха и, смѣшавъ его съ государевымъ листомъ и разными травами и цвѣтами, настилали имъ царское мѣсто. Въ Успеньевъ же день послѣ обѣдни царь бывалъ у патріарха на обѣдѣ, а на другой день послѣ праздничнаго обѣда государь приходилъ къ патріарху съ боярами «челомъ ударить за праздничный столъ».

Кромѣ этихъ торжественныхъ богомольныхъ выходовъ государь принималъ участіе и въ большихъ крестныхъ ходахъ. Въ теченіе года ихъ было не мало. Обыкновенно, въ преднесеніи иконъ, взятыхъ изъ придворныхъ церквей и Благовѣщенскаго собора, государь шелъ въ Успенскій соборъ. У Грановитой палаты царя встрѣчалъ патріархъ. Затѣмъ шли въ Соборъ, и послѣ обычнаго молитвословія государь выходилъ «за крестами», въ сопровожденіи своей обычной свиты.

Московскіе государи ѣздили часто на богомолье въ подмосковные города. Царь Алексѣй ѣздилъ въ Можайскъ, Кашинъ, къ Николѣ на Угрѣшну, особенно въ Звенигородъ и Троице-Сергіевскій монастырь, гдѣ непремѣнно бывалъ въ день монастырскаго праздника. Всякій монастырь съ нетерпѣніемъ ожидалъ царскаго поѣзда. Царь одѣлялъ монастырскую братію милостыней, да и окрестное населеніе, въ особенности нищіе и убогіе, получало отъ царя не малую милостыню.

Царскіе выходы не ограничивались только однѣми богомольными цѣлями. Государь часто покидалъ Москву, уѣзжая въ свои подгородныя се-

ла: Коломенское, Хорошево, Измайлово, Воробьево. Если царь ѣхалъ ночевать, то шествіе открывалъ постельный возокъ, при которомъ ѣхали постельничій и стряпчій. Возокъ сопровождался многочисленнымъ отрядомъ жильцовъ, стрѣльцовъ и рейтаръ. Затѣмъ везли государева сѣдла, вели жеребцовъ, коней и иноходцевъ. Передъ государевой каретой ѣхалъ бояринъ, подлѣ кареты окольничій.

Самъ царь ѣхалъ въ англійской каретѣ шестерней, сидя въ ней съ боярами. Лошади были украшены перьями, а возницы одѣты въ бархатные кафтаны и въ шапкахъ съ соболемъ и перьями. За царской каретой слѣдовала «избушка» царевича вмѣстѣ съ дядькой и окольничимъ. За царевичемъ ѣхала царица «въ каптанѣ» въ 12 лошадей, съ нею мамки-боярыни; за ней ѣхали царевны въ каптанахъ, окруженныхъ стрѣльцами.

Торжественный выходъ царя въ Успенскій соборъ. Изъ кн. „Избран. на царство Мих. Фед. Романова".

Далѣе слѣдовала свита государыни: боярыни верховыя, казначеи, постельницы. Стрѣльцы слѣдовали «за избушкой» съ нагайками «для царскаго береженья».

Главной цѣлью загородныхъ поѣздокъ была обыкновенно охота. Въ особенности царь Алексѣй любилъ ходить на поля тѣшиться съ птицами.

VII. **Царскіе пріемы.**

Московскимъ государямъ, по разнымъ поводамъ, приходилось въ теченіе года устраивать у себя торжественные пріемы, вносившіе не мало разнообразія въ монотонную жизнь царскаго терема. Съ большой пышностью праздновали во дворцѣ рожденіе царевичей. Царь посылалъ къ патріарху съ «вѣдомостью» о рожденіи царевича, и во всѣхъ церквахъ совершали торжественное молебное пѣніе. Патріархъ, знатное духовенство, думные и ближніе люди—всѣ шли во дворецъ съ дарами новорожденному. По этому случаю у царя «на патріарха и на властей и на бояръ бывалъ

Ивановъ. — „ Нѣмецъ “.

Москва и ея прошлое и настоящее

родильный столъ». Затѣмъ царевича крестили. Церковный обрядъ совершали патріархъ и высшее духовенство, обыкновенно въ Чудовомъ монастырѣ у мощей св. Алексѣя. Воспріемникомъ бывалъ троицкій архимандритъ или старшій братъ, если былъ уже на возрастѣ, а воспріемницей—тетка. За крестины патріархъ получалъ 1500 золотыхъ, митрополиты по 300, прочее духовенство меньше, по чину. Для патріарха, высшаго духовенства и властей устраивался торжественный столъ. Нищая братія надѣлялась деньгами, а стрѣльцы и солдаты получали питье «не по мѣре». Могли пить вино, выставленное на царскомъ дворѣ, и случайно зашедшіе люди—но при условіи ничего не выносить «зъ двора къ себѣ».

Въ нѣкоторые изъ церковныхъ праздниковъ, а также въ царскіе дни приглашались во дворецъ на обѣдъ патріархъ, бояре, окольничьи, думные дворяне, стольники, стряпчіе, жильцы, дворяне московскіе и посадскіе люди всѣхъ сотенъ. Обѣдъ устраивался въ Грановитой палатѣ, разукрашенной по-праздничному.

Царь сидѣлъ за отдѣльнымъ столомъ, а гости помѣщались сообразно со знатностью родовъ. Прислуживали стольники, разнося кушанія въ строго опредѣленномъ порядкѣ, по чинамъ: сначала первому чину—патріарху, а потомъ и другимъ гостямъ, сообразно ихъ знатности. Иногда царь въ видѣ особой милости посылалъ какому-нибудь гостю блюдо съ своего стола. Обыкновенно стольникъ громко объявлялъ, что государь такое то лицо изволилъ пожаловать «блюдомъ отъ своей милости». Удостоившійся царской милости земнымъ поклономъ благодарилъ царя, а блюдо отсылалось домой.

Если обѣдъ происходилъ по случаю пріема иностраннаго посольства, то изъ царскихъ кладовыхъ вынимались золотые, серебряные, сердоликовые и хрустальные сосуды. Царское мѣсто покрывалось дорогими коврами, окна украшались разноцвѣтнымъ бархатомъ. Иностранцевъ умышленно хотѣли поразить богатствомъ и блескомъ убранства палаты. Вообще, пріемы иностраннаго посольства отличались большою торжественностью. Правительство постоянно било на эффектъ, стараясь поразить воображеніе иностранцевъ богатствомъ русской страны.

Пріемъ пословъ происходилъ въ очень торжественной обстановкѣ. Часовъ въ девять утра послы выѣзжали съ посольскаго двора къ царской аудіэнціи. Посольскій поѣздъ двигался медленно. Улицы были запружены народомъ, сбѣгавшимся со всей Москвы посмотрѣть интересное зрѣлище. Стоявшіе по обѣимъ сторонамъ улицы стрѣльцы со знаменами и подъ ружьемъ охраняли пословъ отъ напора народной толпы. Послы ѣхали верхомъ на спеціально-присланныхъ для того лошадяхъ въ сопровожденіи почетнаго конвоя. Впереди пословъ назначенные стрѣльцы несли подарки, присланные государемъ иностранной державы московскому царю. Вотъ, напримѣръ, перечень подарковъ, присланныхъ въ Москву голштинскимъ княземъ: 1) вороной жеребецъ, покрытый попоной, 2) сѣрый въ яблокахъ меринъ, 3) гнѣдая лошадь, 4) серебряная конская сбруя, осыпанная драгоцѣнными камнями, 5) хрустальная кружечка, обитая золотомъ и осыпанная рубинами, 6) большіе часы, вдѣланные въ черное

дерево, обитое серебромъ, 7) серебряный позолоченный посохъ со зрительной трубкой въ немъ. Не доѣзжая до царскаго дворца, послы слѣзали съ лошадей и направлялись въ залу для аудіэнціи. Въ передней пословъ встрѣчалъ думный дьякъ и спрашивалъ ихъ о здоровьѣ, приглашая отъ имени царя на аудіэнцію. Въ залѣ въ это время находились царь и придворная свита. Царь сидѣлъ на тронѣ въ полномъ царскомъ одѣяніи, по обѣимъ сторонамъ трона стояли рынды въ бѣломъ платьѣ и бѣлыхъ сапогахъ, въ бѣлыхъ высокихъ шапкахъ, по два человѣка. На груди у нихъ золотая цѣпь, а въ рукахъ серебряный топорикъ. У стѣнъ, кругомъ слѣва и противъ государя, сидѣли бояре, всѣ одѣтые въ роскошныя одежды и въ высокихъ черныхъ шапкахъ. Неподалеку отъ трона, на пирамидальной подставкѣ изъ чеканнаго серебра, стояли царская держава и золотая чаша съ рукомойникомъ и полотенцемъ для умыванія рукъ послѣ цѣлованія царской руки послами. Когда пословъ вводили въ залу, посолъ, ставъ передъ государемъ, передавалъ ему свои вѣрительныя граматы. При произнесеніи имени государя, пославшаго посольство, государь вставалъ, снимая съ себя шапку и спускаясь съ верхней ступени престола. Послѣ обмѣна взаимными привѣтствіями, царь справлялся о здоровьѣ брата-государя, пославшаго посольство, послѣ чего посолъ, подойдя къ престолу, цѣловалъ царскую руку.

Поклонившись сперва царю и затѣмъ по обѣ стороны всѣмъ присутствовавшимъ, онъ садился на скамью, поставленную противъ царскаго трона, а остальные члены посольства подходили къ рукѣ государя; потомъ думный дьякъ подносилъ царю подарки, привезенные посломъ. Послѣ этой церемоніи посла отводили въ другую комнату, гдѣ онъ предъ Боярской думой излагалъ и обсуждалъ съ нею мотивы его посольства. Обсужденіе съ боярами заканчивалось приглашеніемъ отъ имени царя на обѣдъ. Торжественный обѣдъ, сервированный со всей восточной роскошью, продолжался очень долго. Въ концѣ обѣда вставалъ государь и, взявъ кубокъ, выпивалъ его за здоровье государя, пославшаго посольство. Во время же обѣда неоднократно выпивали кубки за здоровье царя. Послѣ обѣда послы отправлялись къ себѣ на посольскій дворъ. По тому же церемоніалу устраивалась и прощальная аудіэнція отъѣзжавшимъ посламъ, которыхъ на дорогу снабжали необходимыми припасами и надѣляли царскими подарками въ зависимости отъ мѣста, занимаемаго въ посольствѣ тѣмъ или другимъ его членомъ. Впрочемъ, съ подобной церимоніей принимали пословъ только европейскихъ государей: татарскихъ пословъ принимали значительно проще и не всегда приглашали къ царскому столу.

VIII. Царскія похороны.

Какъ только государь умиралъ, сейчасъ давали знать объ этомъ патріарху, если послѣдній не присутствовалъ при его кончинѣ. Патріархъ отдавалъ приказаніе звонить въ большой колоколъ, медленный звонъ котораго извѣщалъ населеніе Москвы о печальномъ событіи. Затѣмъ патріахъ отправлялся въ церковь, гдѣ служилъ панихиду. Бояре и всѣ лица, имѣвшія пріѣздъ ко двору, надѣвали на себя траурное платье и неме-

дленно ѣхали во дворецъ прощаться съ государемъ. Тѣло выносилось въ одну изъ придворныхъ церквей, гдѣ оставалось вплоть до погребенія въ теченіе нѣсколькихъ недѣль. У гроба скончавшагося царя «денно и ночно» читали псалтирь, и въ самой Москвѣ и по городамъ въ теченіе шести недѣль отправлялись похоронныя богослуженія. Къ дню погребенія съѣзжалось въ столицу все высшее духовенство, вызванное патріаршими грамотами. Въ назначенный для погребенія день патріархъ вмѣстѣ съ Освященнымъ соборомъ являлся во дворецъ, гдѣ облачался въ траурныя церковныя одѣянія. Затѣмъ тѣло выносили въ Архангельскій соборъ по слѣдующему церемоніалу: впереди шли діаконы, попы, пѣвчіе, дьяки съ пѣніемъ каноновъ; за ними священники несли царское тѣло; за гробомъ шли патріархъ и высшее духовенство, царевичи и бояре. Въ концѣ похороннаго кортежа шли царица, царевны, боярыни и простая народная масса «всѣ вмѣстѣ, безъ чину, рыдающе и плачуще». Царское тѣло вносили въ соборъ и ставили въ серединѣ, недалеко отъ алтаря, послѣ чего происходило отпѣваніе и погребеніе. Послѣ окончанія печальной церемоніи патріархъ произносилъ краткую молитву; затѣмъ пробовалъ трижды кутью, а послѣ подносили ее царскому семейству и всѣмъ присутствовавшимъ на погребеніи.

Во время погребенія всѣмъ бывшимъ въ соборѣ раздавались восковыя свѣчи.

Патріархъ и прочее духовенство получали изъ казны денежное вознагражденіе за участіе въ печальномъ обрядѣ. Раздавались поминальныя деньги нищимъ и убогимъ; посылались погребальныя деньги въ монастыри и церкви, какъ столичные, такъ и провинціальные.

Царское погребеніе обыкновенно совершалось ночью. По словамъ Котошихина, къ этому времени съѣзжалось много народу, чѣмъ пользовались всякаго рода грабители «и сыщетца того дни, какъ бываетъ царю погребеніе, мертвыхъ людей убитыхъ и зарѣзанныхъ больше ста человѣкъ». Въ сорокоустъ служилась торжественная заупокойная обѣдня, а во дворцѣ устраивался поминальный обѣдъ, нищіе и убогіе получали соотвѣтствующую милостыню. Трауръ по умершему царю носили въ теченіе шести недѣль.

IX. Жизнь въ царицыныхъ покояхъ.

Бытъ московскихъ царицъ складывался всецѣло въ зависимости отъ свойственныхъ тому времени взглядовъ на положеніе женщины въ семьѣ и обществѣ, образовавшихся подъ вліяніемъ татарскихъ нравовъ и аскетическихъ религіозныхъ идей. И татарскіе нравы съ ихъ взглядомъ на женщину, какъ на рабыню, и византійскій аскетизмъ съ его презрительнымъ отношеніемъ къ женщинѣ, какъ «сосуду грѣховному», «святымъ обложницѣ», «покоищѣ змѣиному», относились одинаково отрицательно къ женщинѣ, только по необходимости терпимой въ обществѣ. И тотъ и другой взглядъ на женщину требовалъ удаленія ея въ теремъ, подальше отъ человѣческихъ взоровъ и жизненныхъ соблазновъ, предоставляя ей узкую сферу домашнихъ интересовъ. Вотъ почему жизнь женщины должна была ограничиться узкими предѣлами терема, гдѣ она и доживала свой вѣкъ, словно заживо погребенная.

Всѣ эти отрицательныя стороны въ положеніи женщины того времени отразились больше всего на царицыномъ обиходѣ. Царицѣ, больше чѣмъ кому бы то ни было, приходилось быть хранительницей и выразительницей старо-завѣтныхъ основъ. Всякое нарушеніе сложившихся понятій со стороны царицы могло внести соблазнъ въ общество, ввести въ смущеніе женскій теремъ; и царица живетъ въ теремѣ, словно птица въ раззолоченной клѣткѣ, никого не видя, кромѣ придворныхъ боярынь, проводя чуть ли не весь день въ молитвѣ и отдаваясь дѣламъ благотворенія, какъ этого требовала византійская аскетическая мораль. Иностранцы подмѣтили эту замкнутость въ жизни царицъ, только не сумѣли дать ей соотвѣтствующаго объясненія, придавая слишкомъ много значенія тому уваженію, которое русскіе питали къ своей государынѣ. Только во второй половинѣ вѣка, когда въ общество стало проникать, хотя и медленно, западно-европейское вліяніе, начинается постепенный переломъ въ положеніи женщины, и это сказалось тотчасъ въ царицыной жизни. Уже царица Марья Ильинишна присутствовала въ соборѣ по случаю отправки войска на войну, хотя стояла въ особомъ мѣстѣ, закрытомъ со всѣхъ сторонъ. Во время пребыванія въ Москвѣ восточныхъ святителей она ходила въ соборъ слушать ихъ торжественное богослуженіе. Еще дальше пошла царица Наталья, воспитанная въ домѣ Матвѣева по-иному и привыкшая къ болѣе свободнымъ формамъ жизни. Она уже выѣзжала въ подмосковныя села совмѣстно съ царемъ въ открытой коляскѣ, а въ дни своихъ именинъ лично принимала боярство и раздавала собственноручно именинные пироги.

Подобнаго нарушенія старыхъ преданій до сихъ поръ не бывало.

Еще свободнѣе стала жизнь царицъ при Ѳедорѣ Алексѣевичѣ, большомъ поклонникѣ европейскаго Запада; и только послѣдующія дворцовыя смуты угнали обратно въ теремъ царицу-вдову.

Старина временно одержала верхъ, но, къ счастью, на короткое время. Время Петра, раскрѣпостивъ женщину, вывело и царицу изъ дворцовыхъ палатъ, давъ ей соотвѣтствующее мѣсто въ обществѣ.

День въ царицыныхъ покояхъ начинался очень рано. Въ 4 часа утра царица шла на молитву въ Крестовую комнату, гдѣ ее ожидалъ священникъ. Церковныя правила царица слушала на особо устроенномъ мѣстѣ, отдѣленномъ отъ причта «камчатымъ завѣсомъ», и, такимъ образомъ, была скрыта отъ взоровъ постороннихъ лицъ.

Послѣ утренняго молитвословія къ царицѣ приходилъ отъ государя близкій человѣкъ и спрашивалъ ее отъ имени царя о здоровьѣ. Такой спросъ, какъ и отвѣтъ царицы, происходилъ черезъ комнатныхъ боярынь.

Такія обсылки бывали только въ тѣ дни, когда супруги почивали отдѣльно. Въ этомъ случаѣ государь самъ приходилъ здороваться съ царицей; и если эти дни были праздничные, постные, богомольные, то супруги совершали вмѣстѣ выходъ къ обѣднѣ. Въ обыкновенные дни послѣ утренняго правила царица выходила къ обѣднѣ въ одну изъ верховыхъ церквей; впрочемъ, и такіе выходы не были ежедневными.

По разнымъ причинамъ царица часто оставалась въ своихъ покояхъ, и тогда въ моленной комнатѣ она слушала церковныя правила, въ нѣсколько увеличенномъ объемѣ.

Все утро въ царицыныхъ покояхъ посвящалось разнаго рода занятіямъ, преимущественно «женскимъ рукодѣліямъ». Всѣ такія работы сосредоточивались въ особой свѣтлицѣ. Здѣсь и работали царицыны мастерицы, приготовляя одежды, расшивая ихъ золотомъ и серебромъ и унизывая жемчугомъ. Царица приходила сюда полюбоваться работой своихъ искусныхъ мастерицъ, разсмотрѣть разныя ткани для шитья и разныхъ рукодѣлій. Иногда царица и сама принимала участіе въ работѣ, вышивала шелками, золотомъ, серебромъ, унизывала жемчугомъ и каменьями какую-нибудь утварь либо въ домовыя церкви, либо въ какой-нибудь монастырь, часто по данному обѣту.

Иногда царица пересматривала свой гардеробъ, отдавала какую-нибудь залежавшуюся вещь родственницамъ или комнатнымъ боярынямъ.

Въ дообѣденное время царица выслушивала разные дѣловые доклады, преимущественно отъ боярыни крайчей. Всѣ эти доклады касались хозяйственнаго и служебнаго устройства различныхъ частей царицына обихода и ея придворнаго чина. Отъ нея зависѣло увольненіе и назначеніе на разныя должности; по ея приказанію производились разные выходы и выдавались награды; она разсматривала также рѣшенія судимой палаты, гдѣ судился «царицынъ чинъ». Царицѣ приходилось разсматривать не мало челобитій съ просьбой о милостынѣ. Всѣ, кто нуждался въ царской помощи, обращался къ ней: тутъ и вдовы съ сиротами, по нуждѣ поступавшія въ монастырь и просившія на постриженіе; кто просто просилъ о помощи: «стою я, бѣдная, въ напраснѣ: въ 8 рубляхъ на правежѣ, а окупиться мнѣ нечѣмъ»; обращались также съ просьбою о приданомъ.

Челобитье докладывалъ дьякъ; онъ же и писалъ соотвѣтствующую резолюцію. Царица всегда оказывала просительницѣ матеріальную поддержку, хотя, въ общемъ, царицыно жалованіе было незначительно: гривна и алтынъ, рѣдко полтина и рубль. Не мало времени отнимали у царицы заботы объ ея дворовомъ чинѣ, въ особенности, по выдачѣ замужъ и награжденіи приданымъ, отчасти по устройству самой свадьбы. Приходилось царицѣ выслушивать просьбы женщинъ, имѣвшихъ право пріѣзда ко двору, о своихъ мужьяхъ и дѣтяхъ, братьяхъ и родственникахъ. Не всегда такія просьбы оставались неудовлетворенными. По словамъ Котошихина, «царица, и царевичи, и царевны многихъ людей отъ напрасныхъ и не отъ напрасныхъ бѣдъ и смертей освобождаютъ, а иныхъ въ честь возвышаютъ и въ богатство приводятъ».

Царицы принимали близкое участіе и въ заботахъ по своему вотчинному хозяйству, которое въ нѣкоторыхъ подмосковныхъ селахъ принадлежало имъ на правахъ полной собственности.

Съ наступленіемъ обѣденной поры прекращались утреннія занятія царицы. Царица выходила къ «обѣденному кушанью». Обыкновенно она обѣдала одна. Все послѣобѣденное время предназначалось для отдыха и развлеченія, съ характеромъ которыхъ намъ уже пришлось познакомиться.

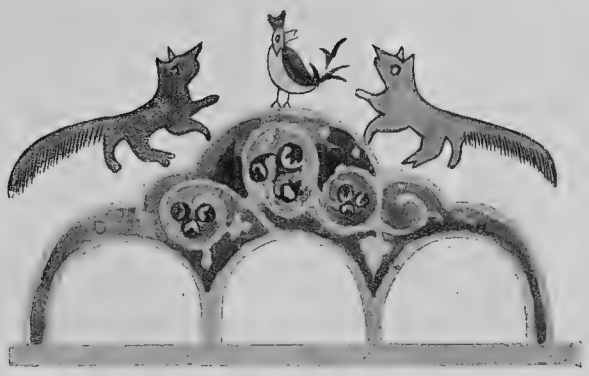
Впрочемъ, вышеприведенный распорядокъ дня нарушался царицыными выходами въ ту или другую церковь или монастырь «для молебнаго пѣнія». Царицы выходили по разнымъ причинамъ, печальнымъ и радостнымъ. Всякое горе и радость въ царской семьѣ, будь то смерть или рожденіе ребенка, празднованіе дня ангела, поминовеніе усопшихъ, понуждало царицу идти съ молитвою къ святому.

Довольно часто царицы выходили въ храмъ Зачатія св. Анны, находившійся въ углу Китай-города, раздавая ручную милостыню «для своего многолѣтняго здоровья». Такіе выходы совершались въ довольно простой обстановкѣ. Обыкновенно царица выходила въ церковь или монастырь въ сопровожденіи своихъ комнатныхъ боярынь. Нѣсколько по-иному устраивались выходы въ большіе праздники. Царица выходила въ большомъ царскомъ нарядѣ, подъ балдахиномъ, поддерживаемымъ за четыре рукоятки четырьмя боярышнями. Случалось царицѣ выѣзжать и въ загородные монастыри, но всегда въ сопровожденіи большой свиты. Всѣ царицыны выходы въ церкви и монастыри сопровождались раздачей милостыни. Въ нѣкоторые изъ церковныхъ праздниковъ въ царицыныхъ покояхъ бывали торжественные пріемы. Обыкновенно въ праздникъ Рождества и Пасхи, также и по случаю радостныхъ событій въ царской семьѣ или въ жизни церкви, царица принимала у себя царя и патріарха съ духовенствомъ. Такіе пріемы бывали въ царицыной Золотой палатѣ, въ присутствіи «пріѣзжихъ» боярынь, сидѣвшихъ на лавкахъ по сторонамъ царицына мѣста. На Рождествѣ и Пасхѣ патріархъ приходилъ славить Христа съ поднесеніемъ соотвѣтствующихъ дню подарковъ. Въ тотъ самый день царица принимала и государевыхъ чиновъ, приходившихъ «ударить челомъ и принести поздравленія съ праздникомъ». Въ прощеные дни патріархъ въ сопровожденіи государя приходилъ къ царицѣ «прощаться». Въ тѣ же дни пріѣзжали ко двору и «пріѣзжія» боярыни, приносившія вмѣстѣ съ праздничными поздравленіями такъ называемые «перепечи» не только царицѣ, но и царевнамъ.

По случаю праздниковъ или какихъ-либо семейныхъ торжествъ царица устраивала «большой столъ» въ своей Золотой палатѣ для «пріѣзжихъ боярынь». Столовыя должности обыкновенно занимали женщины и дѣти. «Обрядъ столованія» былъ такой же, какъ и за царскими столами. Таковы обыкновенные пріемы царицы.

Не принимая никакого участія въ общественной жизни того времени, царица и царевны, однако, очень интересовались той публичной жизнью, которая иногда чувствовалась въ Кремлѣ и дворцѣ, во время торжественныхъ церковныхъ праздниковъ, пріема пословъ и большихъ царскихъ обѣдовъ. На крестный ходъ и другія церковныя дѣйства царицынъ теремъ смотрѣлъ изъ окна Грановитой палаты. Послѣ окончанія ихъ патріархъ благословлялъ крестомъ государя, а затѣмъ, обратившись къ Грановитой палатѣ, благословлялъ крестомъ и руками царицу, стоявшую у окна. Пріемы пословъ и большіе обѣды въ Грановитой палатѣ царица смотрѣла изъ особой палатки, устроенной надъ входными дверьми. Вѣроятно, и другія публичныя «дѣйства» царица имѣла возможность смотрѣть изъ какого-нибудь потаеннаго мѣста, совершен-

но невидимаго для посторонних̀ъ. Большимъ разнообразіемъ въ жизни царицы и царевенъ являлись поѣздки въ загородныя мѣстности, большею частью лѣтомъ. Царицы выѣзжали вмѣстѣ съ царемъ въ Преображенское, Измайлово, Коломенское. Царскій поѣздъ медленно двигался впередъ, охраняемый отрядомъ стрѣльцовъ и въ сопровожденіи придворныхъ чиновъ обоего пола. Правда, въ подмосковныхъ селахъ строго соблюдался весь ритуалъ придворной жизни, но, въ общемъ, проводя большую часть на воздухѣ, въ садахъ и интересуясь дворцовымъ лѣтнимъ хозяйствомъ, царица чувствовала себя здѣсь свободнѣе, чѣмъ въ душной атмосферѣ московскаго Кремля, покинуть который ей такъ и не удалось въ XVII вѣкѣ.



Боярскій бытъ въ XVII вѣкѣ.

В. И. Ничета.

I. Боярскій домъ и его хоромный нарядъ.

Московское боярство, какъ высшій правительственный классъ, принимавшій совмѣстно съ царемъ близкое участіе въ дѣлахъ управленія государствомъ, жило постоянно въ Москвѣ, лишь изрѣдка по разнымъ причинамъ уѣзжая въ свои помѣстія и вотчины, да и то всякій разъ съ особаго разрѣшенія государя; въ противномъ случаѣ, уѣхавшаго безъ разрѣшенія ждала царская опала.

Боярскіе дворы были разбросаны по всѣмъ улицамъ Москвы. Небольшіе по размѣрамъ, саженъ 40 — 50 въ длину и 20 — 30 въ ширину, боярскіе дворы заключали въ себѣ жилое помѣщеніе со всякаго рода хозяйственными помѣщеніями и избами для слугъ, общее число которыхъ у богатыхъ бояръ было очень значительно. Тутъ были погреба, бани, конюшни и сѣнники, сараи, стойла для животныхъ. На отдѣльномъ дворѣ стояли амбары для хлѣба. Наконецъ, почти при каждомъ были небольшой садъ съ фруктовыми деревьями и цвѣтниками.

Устройство двора и обиліе слугъ объясняются тогдашними экономическими условіями. Владѣя помѣстьями и вотчинами и эксплоатируя довольно интенсивно крѣпостной трудъ, боярство имѣло полную возможность обходиться въ своей повседневной жизни безъ услугъ московскаго рынка, такъ какъ всѣ необходимые припасы привозились изъ боярскихъ деревень. Такіе наѣзды старосты съ сельско-хозяйственными продуктами дѣлались по нѣскольку разъ въ годъ, но всегда съ довольно большими промежутками, пока не истощатся деревенскіе припасы. Этимъ и объя-

сняется, почему бояре, въ своихъ заботахъ о домовомъ строеніи, съ большимъ вниманіемъ относились и къ постройкѣ разнаго рода хозяйственныхъ помѣщеній, гдѣ хранились привезенные продукты. Внутри боярскаго двора, окруженнаго деревянной или каменной оградой, находился домъ — жилое помѣщеніе, скрытое обыкновенно съ улицы оградой; въ ограду вело нѣсколько воротъ, и между ними главныя съ надстроенными башенками, которыя разукрашивались разными рѣзными изображеніями. Всѣ помѣщенія были обыкновенно деревянными, хотя въ XVII вѣкѣ начинаютъ строить каменныя, правда, не для жилья, а для хозяйственныхъ цѣлей. Изрѣдка строили каменныя помѣщенія и для жилья, но такихъ боярскихъ домовъ было сравнительно немного.

Бояре строили себѣ дома въ два жилья съ надстройкой наверху.

Въ домъ вело крыльцо, разукрашенное кувшинообразными колоннами и покрытое остроконечной кровлей. Отъ крыльца подымались лѣстницей наверхъ и выходили на небольшую террасу, огороженную точеными перильцами (рундукъ), откуда былъ ходъ въ сѣни верхняго жилья. Въ нижній же этажъ выходили черезъ особое крыльцо или черезъ особую дверь или внутреннимъ ходомъ.

Нижнее же помѣщеніе было тоже всегда съ окнами и называлось «подклѣтьемъ»; здѣсь находились кладовыя, и жила домовая прислуга. Въ подклѣтьѣ дѣлались большія печи, изъ которыхъ тепло трубами передавалось на второй этажъ—клѣть, собственно, хозяйское жилье.

Клѣть состояла изъ трехъ, изрѣдка четырехъ комнатъ: передней или горницы, предназначенной для пріема гостей, комнаты или кабинета, бывшей также и спальней, и крестовой — для молитвы боярина и его семейства.

Довольно часто бояре выстраивали для пировъ и парадныхъ обѣдовъ особую столовую избу, въ одинъ покой съ сѣнями. Наконецъ, надстройки надъ жилымъ помѣщеньемъ назывались «чердаками», большая, свѣтлая четыреугольная комната—свѣтлица-теремъ; надстройки надъ сѣнями назывались вышками и были самой причудливой формы въ видѣ башенъ, шпилей, куполовъ... Комнаты были невелики—сажени двѣ длины и столько же ширины, и давили своимъ потолкомъ, такъ какъ средняя высота покоевъ была 3 — 4 аршина. По внѣшности и боярскій домъ представлялъ случайное соединеніе самыхъ разнообразныхъ по архитектурѣ зданій, въ этомъ отношеніи мало въ чемъ отличаясь отъ царскаго дворца; да и по устройству пола, оконъ, дверей боярскіе зажиточные дома были копіей царскихъ покоевъ.

Внутреннее убранство боярскихъ домовъ въ общемъ было довольно примитивно. Въ этомъ отношеніи не было замѣтно особенной разницы между домами бояръ, отличныхъ другъ отъ друга по своему экономическому состоянію. Всѣхъ иностранцевъ, бывавшихъ въ домахъ зажиточнаго боярства, особенно поражало обиліе образовъ, развѣшанныхъ по стѣнамъ и угламъ, часто въ дорогихъ кіотахъ, серебряныхъ и золотыхъ ризахъ, украшенныхъ драгоцѣнными камнями и почти сплошь унизанныхъ жемчугомъ. Иностранцы, конечно, не поняли особенностей древне-русскаго

уклада, сложившагося подъ непосредственнымъ вліяніемъ религіозныхъ идей, но зато правильно отмѣтили, что обиліе иконъ бросается въ глаза въ наиболѣе зажиточныхъ домахъ, въ которыхъ стѣны иногда сплошь украшались образами. Образа висѣли во всѣхъ комнатахъ, но съ особенной заботой украшалась «святая святыхъ» древне-русскаго дома, моленная комната, гдѣ происходили домашнія моленія и праздничныя богослуженія, если только у боярина не было своей домовой церкви. Въ моленной образа стояли во всю стѣну на подобіе церковнаго иконостаса. Тутъ стоялъ аналой съ книгами, а на полкѣ подъ образами лежало крылышко для обметанія пыли и губка для ея стиранія. Передъ образами теплились лампадки и стояли восковыя свѣчи, а подъ кіотомъ привѣшивалась обыкновенно дорогая пелена—тонкая ткань, расшитая золотыми нитками.

Такая же ткань была привѣшена и близъ кіота для занавѣшиванія иконъ.

Обиліе иконъ составляло едва ли не главное украшеніе боярскаго жилья.

Впрочемъ, въ 60 — 70-хъ годахъ XVII вѣка наиболѣе зажиточные изъ бояръ для приданія большаго блеска и великолѣпія «хоромному наряду» украшали свои комнаты живописью, конечно, съ церковно-религіозными сюжетами.

Меблировка въ боярскихъ покояхъ не поражала глазъ наблюдателя своей многочисленностью и разнообразіемъ. У стѣнъ стояли лавки, придѣланныя наглухо къ стѣнамъ, покрытыя полавочниками, въ обычное время—суконными, а въ праздничные дни изъ шелковой или какой-нибудь другой дорогой матеріи, самыхъ разнообразныхъ цвѣтовъ и большею частью вышитыхъ узорами. Кромѣ лавокъ для сидѣнія стояли въ комнатѣ скамьи и стольцы. Скамьи были шире лавокъ; на нихъ ложились отдыхать послѣ обѣда, для чего въ одномъ концѣ скамьи дѣлалось особое возвышеніе—«приголовникъ»; стольцы — родъ табурета для сидѣнія одному лицу. И эта мебель покрывалась кусками разныхъ матерій.

Впрочемъ, во второй половинѣ вѣка въ боярскихъ домахъ попадались кресла и стулья, но встрѣтить ихъ можно было далеко не во всѣхъ домахъ зажиточнаго боярства. Какъ и въ царскихъ палатахъ, въ красныхъ углахъ подъ образами стояли дубовые столы, иногда разрисованные изображеніями изъ св. писанія и украшенные рѣзьбой и позолотой, при томъ всегда покрытые «подскатерниками», простыми въ будни и бархатными, шелковыми, алтабасовыми, поражавшими богатствомъ «вышивки»—въ праздничные дни. Во время обѣда на «подскатерникъ» клалась скатерть, обыкновенно съ чрезвычайно затѣйливымъ узоромъ.

Боярскій домъ долгое время не зналъ стѣнныхъ картинъ, и единственнымъ стѣннымъ украшеніемъ оставались полки, шкафики, поставцы самыхъ разнообразныхъ формъ, расписанные красками и разукрашенные рѣзьбой.

На полкахъ и въ шкафахъ выставлялись дорогая посуда и разныя драгоцѣнныя бездѣлушки въ родѣ серебряныхъ яблокъ, позолоченнаго пѣтуха и пр.

Маковскій.

Поцѣлуйный обрядъ.

Москва
въ ея
прошломъ
и настоящемъ

Къ комнатнымъ украшеніямъ можно причислить и часы, бывшіе въ то время рѣдкостью и появившіеся въ видѣ «европейской диковинки» въ домахъ бояръ, не чуждыхъ западно-европейскому вліянію. Такимъ же комнатнымъ украшеніемъ можно считать и кровать, обыкновенно убранную съ большою роскошью. На нее клали пуховикъ, нѣсколько подушекъ въ атласныхъ и шелковыхъ наволокахъ и одѣяло, унизанное жемчугомъ и подбитое соболями. Обыкновенная постель была очень проста: бояре спали на лавкахъ, на матрацѣ или войлокѣ. Наконецъ, въ комнатахъ находились рукомойники и лохани для умыванія, сундуки и скрыни для храненія носильнаго платья и ларцы, расписанные золотомъ и разными узорами, гдѣ хранились женскіе наряды.

Боярскій домъ освѣщался восковыми и сальными свѣчами, вставленными въ стѣнные или стоячіе подсвѣчники-шандалы; въ иныхъ домахъ висѣли люстры-паникадила, часто серебряныя, зажигаемыя по праздничнымъ и торжественнымъ днямъ.

II. Комнатный обиходъ боярина и боярыни.

День въ боярскомъ домѣ начинался очень рано. Умывшись и одѣвшись, бояринъ шелъ въ моленную комнату, гдѣ собирались его семья и всѣ домочадцы.

Бояринъ обыкновенно самъ читалъ утреннія молитвы. Въ праздничные дни бояринъ съ семьей шелъ къ заутренѣ въ одну изъ приходскихъ церквей. Если у него была своя домовая церковь, то обычныя моленія совершалъ священникъ, обыкновенно, окроплявшій святой водой все семейство боярина.

Послѣ обычнаго молитвословія всѣ расходились и принимались за ежедневную будничную работу, а бояринъ отдавалъ распоряженія по хозяйству, входя въ самыя мелочи вплоть до составленія «меню» обычнаго обѣда. Конечно, бояринъ не могъ лично смотрѣть за своимъ хозяйствомъ. Оставляя общее руководство за собой, ближайшее завѣдываніе хозяйствомъ поручалось дворецкому или ключнику и очень рѣдко женѣ, такъ что жены богатыхъ бояръ большею частью не вмѣшивались въ хозяйство. Рано утромъ бояринъ обходилъ всѣ домашнія службы и зорко посматривалъ за состояніемъ своего домашняго хозяйства и за исполненіемъ своихъ распоряженій. Плохо приходилось тому холопу, чья служба казалась хозяину неисправной. Сдѣлавъ обычныя распоряженія по хозяйству, бояринъ отправлялся во дворецъ, гдѣ ожидалъ въ передней царскаго выхода. Вмѣстѣ съ царемъ бояринъ слушалъ обѣдню, послѣ которой царь и бояре совѣтовались о дѣлахъ.

Такъ время шло до обѣда. Въ полдень бояринъ возвращался домой и обѣдалъ. Въ боярскихъ семьяхъ было принято обѣдать отдѣльно отъ жены и дѣтей. Изрѣдка приглашался къ обѣду кто-нибудь изъ постороннихъ. Обѣденный столъ покрывался скатертью. Столовая посуда была большею частью оловянная, и только у очень богатыхъ людей—серебряная. Тарелки, называемыя «торели», были не повсюду въ употребленіи; онѣ обыкновенно

ставились только для гостей и не перемѣнялись въ продолженіе всего обѣда. Ножи и вилки также мало употреблялись: кушанье подавалось разрѣзаннымъ на ломтики, и потому можно было обходиться и безъ нихъ. Брали руками прямо съ блюда и клали куски мяса въ ротъ, бросая остатки на тарелку или прямо на скатерть. Ложки дѣлались серебряныя позолоченныя, обыкновенно съ фигурной ручкой и надписью, кому онѣ принадлежали.

Во время обѣда обходились и безъ салфетокъ; руки обтирали полотенцемъ или краемъ скатерти. Необходимою принадлежностью столоваго убора были солоница, перечница, часто серебряныя, украшенныя узорами и съ литыми изображеніями, уксусница и горчичница. Кушанье къ столу изъ поварни отпускалъ ключникъ, а принималъ дворецкій. Нѣсколько слугъ носили кушанья; ключникъ и дворецкій предварительно отвѣдывали, а затѣмъ ставили на столъ.

Жидкое кушанье изъ поварни для стола носили въ кастрюляхъ и оловянникахъ—мѣдныхъ луженыхъ или оловянныхъ, а за столомъ жидкая пища разливалась въ серебряныя миски. Твердое кушанье приносили на блюдахъ разной величины и формы.

Для овощей и фруктовъ были особыя блюда—овощники. Въ скоромные дни ѣли сначала холодныя кушанья (напр., вареное мясо съ приправой); затѣмъ наступала очередь щей и разныхъ суповъ; послѣ нихъ ѣли жаркое и молочныя кушанья. Обѣдъ заканчивался разными сладкими печеньями, коврижками и фруктами—свѣжими или приготовленными въ патокѣ, съ медомъ и сахаромъ. Къ послѣобѣденнымъ лакомствамъ можно еще прибавить сахаръ и леденецъ, привозимые изъ-за границы. Въ постные дни мясная пища замѣнялась рыбной, если только церковныя правила разрѣшали употребленіе рыбы. Тогда на обѣденномъ столѣ появлялись разнаго рода соленья, зернистая икра, шти, уха, разсольное, жареная рыба, овощи. И постная пища и скоромная обильно приправлялись разными пряностями, лукомъ, чеснокомъ, шафраномъ. Званые обѣды отличались не столько разнообразіемъ кушаній, сколько ихъ количествомъ.

Около обѣденнаго стола стоялъ поставецъ съ напитками: пили водку, квасъ, пиво, медъ и виноградныя вина.

Водка, квасъ и медъ были, кажется, любимыми напитками, не всегда употреблявшимися въ мѣру. Особенно много хмельного пили во время званыхъ обѣдовъ. Любезный хозяинъ въ своихъ заботахъ о гостяхъ доходилъ часто до того, что многіе изъ гостей падали подъ столъ, и ихъ приходилось выносить на рукахъ изъ избы для отрезвленія. Для напитковъ употребляли ковшики, чарки, кубки и братины, овкачи, болванцы. Сосуды были серебряные, большею частью позолоченные, самой различной формы. Попадались сосуды и иностранной работы, часто украшенные чеканными фигурками, представлявшими цѣлыя картины, иногда миѳологическія по сюжету.

Бояринъ держалъ себя за столомъ довольно свободно, вытягивался и зѣвалъ; онъ рыгалъ и вообще ни въ чемъ не стѣснялся. Иностранцы говорятъ съ омерзѣніемъ о такомъ способѣ обѣдать...

Лебедевъ, В. К.

Боярская свадьба.

Картина находится въ Третьяк. гал. въ Москвѣ.

Шварцъ, В. Г.

Нарѣченіе царской невѣстой.

Картина находится въ Третьяк. гал. въ Москвѣ.

Москва
ея
прошломъ
и
настоящемъ

Пересмотрѣвши послѣ обѣда посуду, боярин ложился спать. Послѣ обѣденнаго отдыха боярин снова отправлялся во дворецъ, засиживаясь иногда тамъ до поздняго вечера. Остатокъ дня до ужина боярин проводилъ въ семьѣ. Послѣ обычнаго ужина снова зажигались лампадки, и всѣ шли къ вечернему молитвословію, послѣ чего весь домъ погружался въ глубокій сонъ. Въ кануны праздниковъ, среды и пятницы и въ посты боярская чета спала отдѣльно, каждый на своей половинѣ.

Нѣсколько по-иному складывался «будничный обиходъ» для боярыни. Если мужъ разрѣшалъ женѣ управлять домомъ, ей приходилось выносить на своихъ плечахъ всю тяжесть домашняго хозяйства, расплачиваясь собственной спиной за всѣ его недочеты.

Хозяйка должна была подавать примѣръ слугамъ въ прилежаніи: вставала раньше всѣхъ и ложилась позже другихъ, личнымъ усердіемъ побуждая прислугу къ работѣ. Въ домашнихъ хлопотахъ и проходилъ рабочій день. Впрочемъ, большинство боярынь не касалось хозяйства. Послѣ утренней молитвы боярыня отправлялась къ себѣ въ покои и принималась за рукодѣлье, вышивая золотомъ и шелками. Только по вечерамъ отдыхалъ женскій теремъ, развлекаясь пѣніемъ, пляской, слушая сказочниковъ, домрачаевъ, гусельниковъ, дураковъ-шутовъ и потѣшаясь выходками дуръ-шутихъ, несмотря на то, что шутки послѣднихъ носили иногда грубо циничный характеръ, могущій смутить женскую стыдливость и цѣломудріе. Въ праздничные дни, въ зависимости отъ церковныхъ праздниковъ, обычный распорядокъ дня нѣсколько измѣнялся. Боярамъ приходилось принимать участіе въ царскихъ церковныхъ парадахъ и выходахъ.

Обыкновенно въ праздничные дни боярин или самъ отправлялся въ гости, или созывалъ у себя гостей для пира. Устраивались также пиры по поводу разныхъ семейныхъ торжествъ: родинъ, крестинъ, брака, новоселья. Когда боярин устраивалъ пиръ, то гости приглашались по-разному: однихъ лично звалъ, а другихъ посылалъ звать слугъ. Все зависѣло отъ чина и положенія гостя. Столовая изба обыкновенно нарядно убиралась и покрывалась коврами; на столъ и лавки постилали богато-расшитыя скатерти и полавочники. Столы ставились вдоль стѣнъ и лавокъ, а если гостей было много, то и рядомъ; въ углу подъ образами было мѣсто самого хозяина. Послѣ взаимныхъ привѣтствій приглашенные разсаживались по лавкамъ, строго соблюдая обычай мѣстничества. Рѣдкій пиръ кончался благополучно: часто на пирахъ бояре заводили споры о мѣстахъ, осыпая другъ друга оскорбленіями, и нерѣдко дѣло доходило до драки. По словамъ Котошихина, передъ началомъ обѣда къ гостямъ выходила жена хозяина и била челомъ гостямъ, потомъ становилась у дверей; хозяинъ кланялся гостямъ въ землю и просилъ, чтобы «гости жену его изволили цѣловать», послѣ чего каждый изъ гостей, кланяясь до земли, цѣловалъ жену хозяина и отходилъ въ сторону. Хозяйка подносила каждому гостю чарку вина. Первый гость отдавалъ чарку вина хозяину, прося его выпить прежде. Хозяинъ приказывалъ отвѣдать сначала женѣ. Когда она отвѣдывала и отдавала мужу, онъ выпивалъ чарку. Только тогда начинали пить гости. Послѣ окончанія церемоніи хозяйка

уходила къ себѣ на половину, гдѣ къ ней съѣзжались жены и дочери гостей, и гдѣ для послѣднихъ устраивался пиръ. Гости садились за столъ, а хозяинъ, разрѣзавъ хлѣбъ на кусочки, подавалъ вмѣстѣ съ солью гостямъ по очереди. Затѣмъ подавались кушанья и различные напитки.

Часто среди пира, когда гости становились навеселѣ, растворялись двери внутреннихъ покоевъ, и къ гостямъ выходили жены сыновей, замужнія дочери братьевъ и родственниковъ, если всѣ жили не въ раздѣлѣ, съ виномъ и чарками.

Мужья этихъ женщинъ вставали изъ-за стола, прося съ поклономъ поцѣловать ихъ женъ. Словомъ повторялась уже описанная церемонія. Пиръ отличался обиліемъ всякихъ здравицъ; начинали съ царя, потомъ пили за членовъ царскаго семейства, бояръ, хозяина, гостей. Неудивительно, что многіе изъ гостей такъ напивались, что ихъ приходилось уводить домой безъ сознанія. То же было и на женской половинѣ, гдѣ и боярыни, угощаемыя радушной хозяйкой, «упивахуся виномъ» до полной потери сознанія.

Впрочемъ, во второй половинѣ XVII в. въ домахъ просвѣщенныхъ бояръ пиршества устраивались по-другому: не было гомерическаго пьянства, не слышно было художественной русской брани и циничныхъ выходокъ; пришедшіе на пиръ проводили время за бесѣдой, обмѣниваясь заграничными впечатлѣніями, если имъ случалось побывать за границей. Къ сожалѣнію, культурность только начинала проникать въ русское общество, а потому такого рода люди могли считаться единицами.

III. Боярскіе выходы.

Боярамъ приходилось ѣздить въ гости и принимать таковыхъ у себя. Обыкновенно ѣздили къ старшимъ или равнымъ; къ младшимъ въ гости не ѣздили.

Пріемы тѣхъ и другихъ обставлялись церемоніями и были неодинаковы. Знатнаго или занимавшаго особое служебное положеніе принимали съ особеннымъ вниманіемъ: у воротъ гостя встрѣчалъ дворецкій, у крыльца—сынъ или родственникъ хозяина, а въ передней—самъ хозяинъ въ шапкѣ или съ открытой головой, смотря по достоинству гостя. Другихъ гостей не встрѣчали, а гости, оставаясь въ передней, ждали выхода хозяина. Войдя въ комнату, обыкновенно съ шапкой въ рукахъ, гость крестился и клалъ три полныхъ поклона, касаясь пальцами до земли, и только тогда привѣтствовалъ поклономъ хозяина. Поклоны и привѣтствія зависѣли, конечно, отъ чина. Однимъ кланялись въ землю; передъ другими только наклоняли голову, третьимъ кланялись въ поясъ; а «худородые люди», словно сознавая свое ничтожество передъ хозяиномъ или зависимость отъ него, становились на колѣна, касаясь лбомъ земли.

Равные привѣтствовали другъ друга поцѣлуями, подачей правой руки. Почетнаго гостя старались посадить подъ образа, а съ другими хозяинъ разговаривалъ сидя, начиная съ освѣдомленій о здоровьѣ; пока переберутъ всѣхъ родственниковъ, времени уходило немало. Только тогда приступали

къ разговору по существу. Гостя потчивали водкой и разнаго рода лакомствами: орѣхами, финиками, фигами. Передъ прощаніемъ гость трекратно крестился, прощался съ хозяиномъ и уѣзжалъ, провожаемый хозяиномъ до порога и далѣе, опять-таки по мѣрѣ его достоинства. Боярамъ приходилось часто выѣзжать изъ дома. Ежедневно — утромъ и вечеромъ—бояре являлись во дворецъ, лѣтомъ—верхомъ, а зимой — въ саняхъ, обыкновенно въ одну лошадь; сани украшались съ возможной для того времени роскошью: обивались атласомъ, а на спинку саней клали персидскій или турецкій коверъ. Кучеръ сидѣлъ верхомъ на лошади, везущей сани въ сѣдлѣ, обитомъ сафьяномъ, съ золотыми узорами. Голова лошади была убрана колечками, разноцвѣтными перьями и разными звѣриными хвостами. Въ большіе церковные праздники бояре выѣзжали для участія въ царскихъ выходахъ, одѣтые въ золотые, бархатные или объяриновые ферези. Золотые ферези надѣвались только въ наиболѣе важные церковные праздники: Рождество Христово, Благовѣщеніе, Свѣтлое Христово Воскресеніе и Вознесеніе, такъ какъ въ эти дни выходы совершались съ особенной торжественностью; бархатная и объяриновая ферязь предназначалась для менѣе торжественныхъ выходовъ. Случалось боярамъ посѣщать и патріарха для полученія благословенія по разнымъ обстоятельствамъ.

Выѣзды бояръ не ограничивались только одной Москвой: по обязанности они сопровождали царя во всѣхъ его большихъ и малыхъ походахъ; иногда и сами они отпрашивались у царя въ монастырь на богомолье или на побывку въ деревню, куда бояринъ выѣзжалъ со всей семьей и домашними слугами. Поѣздъ такого боярина растягивался на значительное разстояніе, встрѣчая въ населеніи такое же подобострастное отношеніе, какъ и къ царскимъ выходамъ. Боярскія жены и дочери ѣхали въ колымагахъ или каптанахъ, закрытыхъ со всѣхъ сторонъ, исключая боковыхъ дверецъ съ окнами изъ слюды или бычачьяго пузыря. Боярство слишкомъ любило старину, чтобы допустить въ этомъ отношеніи какую-нибудь вольность.

Бояре любили оставлять Москву на нѣкоторое время и отдохнуть въ деревнѣ вдали отъ сутолоки придворной жизни, да кстати и посмотрѣть за хозяйствомъ и провѣрить, насколько приводились въ исполненіе приказчиками отданныя ими хозяйственныя распоряженія. Жизнь въ деревнѣ была менѣе однообразна, чѣмъ въ городѣ. Тутъ чувствовалось больше свободы и меньше стѣсненія. Бояре гуляли по имѣнію, входя во всѣ мелочи хозяйства, а больше всего отвлекаясь соколиной и кречетовой охотой, раздѣляя въ этомъ отношеніи любовь къ охотѣ Алексѣя Михайловича. И въ женскомъ терему дышалось легче въ деревнѣ, на воздухѣ: здѣсь не было стѣснительнаго городского надзора. Боярскимъ дочерямъ удавалось съ деревенскими дѣвушками и въ игры поиграть, и пѣсни попѣть, и въ лѣсъ сходить за ягодами, а вечеромъ и покататься на качеляхъ и доскахъ.

Удавалось иногда вмѣстѣ съ хозяйкой дома посмотрѣть и пляску холоповъ, хотя церковь и къ этому относилась отрицательно: «не зрите плясанія и иныхъ бѣсовскихъ всякихъ игоръ злыхъ прелестныхъ, да не

прельщены будете, зряще и слушающе игоръ всякихъ бѣсовскихъ; таковыя суть нарекутся сатанины любовницы»,—такъ говорила церковь, но «многовертимое плясаніе» было такъ завлекательно, что и къ голосу церкви женская половина боярскаго терема оставалась равнодушной.

IV. Домашніе праздники.

Съ большой торжественностью праздновались въ домѣ боярина разныя семейныя событія. Рожденіе ребенка, крестины, именины, бракъ—все это событія радостныя по существу, и бояринъ, какъ и всѣ русскіе, старался отмѣтить такіе дни большимъ семейнымъ торжествомъ. Домашнія торжества по поводу рожденія ребенка открывались «молебнымъ пѣніемъ» и раздачей милостыни «увѣчнымъ и убогимъ». Родильницѣ приносили поздравленіе и дарили обыкновенно на счастье деньги; на мужской половинѣ для поздравителей устраивался особый родильный столъ. Иногда бояре ходили и «били челомъ» по этому поводу патріарху, принося ему что-нибудь съ родильнаго стола. На восьмой или сороковой день въ домѣ вторичное торжество—крестины. Крестили большею частью въ церквахъ и рѣдко въ домахъ. При крещеніи на младенца надѣвался металлическій крестъ, который оставался на немъ въ теченіе всей жизни, и потерять который считалось величайшимъ несчастьемъ. Послѣ обряда духовенство и приглашенные шли въ домъ «на крестинный столъ», съ котораго кое-что попадало и нищимъ. По случаю именинъ устраивался именинный столъ. Съ утра именинники или именинницы разсылали гостямъ пироги, при чемъ именинникъ относилъ лично такой пирогъ царю и патріарху.

Патріархъ благословлялъ именинника иконой, а гости, пріѣхавшіе къ именинному столу, приносили именинникамъ матеріи, кубки и деньги.

Но едва ли не главнымъ событіемъ въ домѣ бояръ была свадьба, справлявшаяся въ высшей степени торжественно со всевозможнымъ для того времени блескомъ и сопровождавшаяся многочисленными обрядами. При тогдашнемъ взглядѣ на женщину молодежь не могла, конечно, свободно видѣться и уговориться относительно брака. Послѣдній намѣчался родителями обѣихъ сторонъ и представлялъ изъ себя самую обыкновенную гражданскую сдѣлку, обезпеченную съ обѣихъ сторонъ неустойками. Бояре женили своихъ сыновей рано, и какъ только наступало время—начинали подыскивать невѣсту, не говоря часто ни слова о томъ своему сыну. Послѣдній иногда узнавалъ объ этомъ только тогда, когда всѣ предварительные переговоры были кончены, и слѣдовало приступить къ заключенію брачнаго контракта. Переговоры обѣихъ сторонъ велись медленно; ни одна изъ сторонъ не желала показать, что она заинтересована въ бракѣ. Когда обѣ стороны приходили къ соглашенію относительно характера и размѣровъ приданаго, тогда родственники жениха высказывали желаніе посмотрѣть невѣсту.

Обыкновенно родители невѣсты давали свое согласіе, и тогда для этой цѣли ѣхала или мать жениха, или какая-нибудь родственница. Смо-

С. Ярополицы Вол. уѣзда, имѣніе Гончаровыхъ. (Мѣсторожденіе Н. Н. Гончаровой - жены Пушкина).

Пушкина).

трины невѣсты происходили по-разному. Невѣсту, одѣтую въ лучшее платье, садили за столъ съ гостями; рядомъ съ ней сажали смотрильщицу, которая и должна была развѣдать о качествахъ невѣсты, «хороша ли она, не безъязычна ли и рѣчью во всемъ исполнена». Отвѣтъ смотрильщицы имѣлъ для жениха рѣшающее значеніе. Случалось, что во время смотринъ показывали не ту, которую выдавали замужъ. Когда послѣ вѣнчанія открывался обманъ, потерпѣвшему оставалось одно—жаловаться духовнымъ властямъ, которыя иногда, по разслѣдованіи дѣла, расторгали бракъ, что, впрочемъ, бывало довольно рѣдко. Обыкновенно супругамъ приходилось доживать дни вмѣстѣ, и только постриженье да скоропостижная смерть, подчасъ насильственная, освобождали супруга отъ ненавистной для него жены.

Послѣ смотринъ происходилъ такъ называемый сговоръ. Въ назначенный день женихъ, родители жениха и ближайшіе родственники пріѣзжали къ родителямъ невѣсты. Гостей встрѣчали со всевозможными почестями и сажали подъ образа. Послѣ продолжительнаго молчанія приступали къ заключенію свадебной рядной записи, въ которой точно записывались размѣры приданаго, и назначался срокъ для церковнаго вѣнчанія. Сроки бывали различные: Котошихинъ отмѣчаетъ, что свадьбы совершались спустя недѣлю, мѣсяцъ, полгода, даже больше послѣ сговора. Если къ установленному сроку какая-нибудь изъ сторонъ отказывалась отъ брака, то платилась неустойка, размѣръ которой опредѣлялся въ записи.

Свадьбы разстраивались по разнымъ причинамъ: потерпѣвшая сторона обращалась къ патріарху, который разбиралъ дѣло и рѣшалъ, кто долженъ платить неустойку. Въ Москвѣ было всегда много досужихъ любителей и любительницъ разстраивать браки; стоило только шепнуть жениху, что его невѣста «въ дѣвствѣ своемъ нечиста, или глупа, или нѣма, или увѣчна, и что-нибудь худое за ней провѣдаютъ и скажутъ», а невѣстѣ, что ея женихъ «пьяница или зерньщикъ, или уродливъ», — какъ бракъ разстраивался. Въ назначенный для свадьбы день къ жениху пріѣзжали родственники и чужіе люди, исполнявшіе во время свадебъ различныя свадебныя должности. Тутъ можно отмѣтить тысяцкаго, родителей жениха или посаженныхъ отца и мать, если не было родныхъ родителей; отецъ и мать жениха благословляли его на бракъ, а родители невѣсты выдавали невѣсту; сидячіе бояре и боярыни, сопровождавшіе жениха въ церковь; наконецъ, свѣчники, коровайники, фонарщики — изъ числа прислуги. Едва ли не самой главной должностью былъ ясельничій или конюшній, обязанности котораго состояли во томъ, чтобы во время свадебнаго торжества не случилось какого-нибудь колдовства, порчи, лиха. Наканунѣ свадьбы собирались гости и жениха, и невѣсты. Пировали, пѣли пѣсни, провожали молодость. Вѣнчаніе происходило вечеромъ или послѣ обѣдни. Когда жениху дадутъ знать, что невѣста готова идти къ вѣнцу, то женихъ немедленно отправлялся со своими поѣзжанами въ домъ невѣсты. Впереди шли коровайники съ кораваями, потомъ свѣчники и фонарники, священникъ съ крестомъ, бояре, затѣмъ женихъ подъ руку съ тысяцкимъ и поѣзжане.

Жениху устраивалась торжественная встрѣча. Его вводили въ залу, гдѣ уже ожидала невѣста. Такъ впервые лицомъ къ лицу сталкивались женихъ съ невѣстой. Впрочемъ, невѣста оставалась съ покрытымъ лицомъ. Затѣмъ, съ благословенія священника, зажигались свадебныя свѣчи и приступали къ чесанію и обкручиванію невѣсты.

Сваха снимала съ нея покрывало, потомъ вѣнокъ, а другая женщина подносила кику и гребень. Гребнемъ, омоченнымъ въ чарку съ медомъ, расчесывали волосы, затѣмъ скручивали ихъ и надѣвали кику, послѣ чего лицо закрывали фатой.

Во время этого обряда женихъ не могъ видѣть невѣсты, такъ какъ ихъ раздѣлялъ протянутый большой кусокъ фаты. Весь этотъ обрядъ сопровождался пѣніемъ свадебныхъ пѣсенъ, а гости пили и ѣли разныя яства. Послѣ третьяго яства сваха просила у родителей благословенія—вести молодыхъ къ вѣнцу. Тотчасъ же подымались родители и благословляли образами, а новобрачные кланялись и принимали благословеніе. Затѣмъ отецъ и мать обмѣнивали ихъ кольца, послѣ чего всѣ направлялись въ церковь. У крыльца садились на богато осѣдланныхъ лошадей или въ колымаги, если была плохая погода. Колымага или сани невѣсты покрывались бархатомъ и коврами. Съ невѣстой садилась сваха. Когда молодые входили въ церковь, ясельничій оставался около церкви «оберегать свадебный поѣздъ», чтобы не случилось какого-нибудь колдовства и чтобы кто-нибудь не перешелъ дороги между конемъ жениха и экипажемъ невѣсты. Послѣ церковнаго вѣнчанія присутствовавшіе поздравляли обвѣнчавшихся, а тысяцкій посылалъ гонца къ родителямъ невѣсты съ извѣстіемъ о благополучномъ совершеніи бракосочетанія. Тутъ же разрѣзали каравай, а священникъ разсылалъ его отцамъ обоихъ семействъ въ знакъ будущей пріязни. При выходѣ невѣсты изъ церкви ее осыпали сѣменами льна и конопли. Поѣздъ отправлялся въ домъ мужа. Родные съ образомъ и хлѣбомъ-солью встрѣчали новобрачныхъ. Затѣмъ садились за столъ и начинался свадебный пиръ, во время котораго новобрачной открывали лицо. Во время свадебнаго пира новобрачнымъ ничего не полагалось ѣсть, а послѣ подачи третьяго блюда-лебедя—новобрачные шли «опочивать». Гости продолжали пировать. Комната новобрачныхъ охранялась ясельничимъ. На другой день новобрачныхъ вели въ отдѣльныя бани, гдѣ ихъ мыли виномъ и медомъ. Мытье въ банѣ имѣло огромное значеніе для новобрачной. Мать мужа и сваха должны были убѣдиться, дѣйствительно ли невѣста сохраняла дѣвственность, или нѣтъ. Если вещественныя доказательства были налицо, новобрачные ѣхали къ родителямъ невѣсты, которыхъ молодой мужъ благодарилъ за воспитаніе его жены и просилъ всѣхъ гостей «невѣстина чина» къ себѣ на пиръ, во время котораго новобрачныхъ одаривали подарками, а они, съ своей стороны, подносили дары свадебнымъ чинамъ.

Въ этотъ же день новобрачный, какъ имѣвшій право пріѣзда ко двору, отправлялся во дворецъ. Государь принималъ сидя и въ шапкѣ. Всѣ кланялись въ землю. Государь спрашивалъ о здоровьи новобрачныхъ, поздравлялъ съ вступленіемъ въ бракъ, благословлялъ ихъ образами и жаловалъ

подарками, въ видѣ соболей, бархата, атласа, камки и тафты, серебряныхъ сосудовъ, а въ заключеніе всѣмъ прибывшимъ подносили по кубку романеи. Новобрачная къ царицѣ не ѣздила, а посылала и царицѣ, и царевнамъ подарки, шитые золотомъ и серебромъ тафтяные убрусы. По словамъ Котошихина, если обнаруживалось, что невѣста не сохранила дѣвства, то новобрачный не имѣлъ права явиться къ царю.

На третій день послѣ брака былъ большой пиръ у родителей невѣсты, сопровождавшійся большимъ разгуломъ. Наконецъ, и новоселье сопровождалось большимъ праздникомъ. Служили молебенъ, потомъ торжественно освящали помѣщеніе; приходили гости, родные и знакомые. Гости приносили хлѣбъ-соль, какъ символы обилія и благополучія.

V. Боярскій дворовый чинъ.

Боярскій дворъ самъ по себѣ представлялъ самодовлѣющее хозяйство, принимавшее иногда значительные размѣры въ виду соединенія въ одномъ дворѣ нѣсколькихъ родственныхъ семействъ, жившихъ между собой не въ раздѣлѣ. Сложность и разнообразіе хозяйства требовали достаточнаго количества слугъ, найти которыхъ было вполнѣ возможно, благодаря сильно развитому полному или кабальному холопству, наконецъ, просто бѣглымъ людямъ. Число такихъ слугъ въ домахъ нѣкоторыхъ бояръ доходило до 1000; но, вѣроятно, подобное обиліе слугъ являлось исключеніемъ, если только Котошихинъ правильно передалъ эту цифру. Въ домѣ богатаго боярина можно было встрѣтить въ числѣ мастеровыхъ людей поваровъ, хлѣбника, квасовара, столяра, сапожника, кузнеца, коновала, швей, сторожа и разныхъ другихъ слугъ безъ опредѣленныхъ занятій. Общее завѣдываніе всѣми слугами входило въ обязанности ключника и дворецкаго. Первый фактически велъ хозяйство, еженедѣльно отчитываясь передъ хозяиномъ въ израсходованныхъ суммахъ; второй завѣдывалъ собственно дворовыми людьми, слѣдя за ихъ поведеніемъ и донося обо всемъ случившемся хозяину; онъ же разбиралъ споры между слугами и наказывалъ ихъ по приказанію господина.

Женская прислуга находилась въ завѣдываніи хозяйки дома или особой ключницы; часть ея исполняла въ домѣ необходимыя черныя работы,— топила печи, мыла, приготовляла разные запасы; другая часть занималась вышиваніемъ и вообще шитьемъ совмѣстно съ госпожей. Изъ числа домовыхъ слугъ назначались управители въ вотчины.

Весь домовый штатъ дѣлится на три статьи: большую, среднюю и меньшую. Въ зависимости отъ принадлежности къ той или другой статьѣ имъ назначалось жалованье. Одни получали денежное вознагражденье погодно и содержанье; другіе же только денежное жалованье, колебавшееся отъ 2 до 10 руб. въ годъ. Независимо отъ этого хозяева жаловали иногда платьемъ и блюдами слугъ, къ которымъ относились особенно милостиво. Внѣшній видъ слугъ не былъ особенно привлекателенъ: ходили они, большею частью, въ разорванныхъ одеждахъ, и только во время пріѣзда гостей доставалось изъ кладовыхъ особое носильное платье, которое вы-

давалось слугамъ, но зато послѣдніе должны были вернуть его въ полной исправности подъ угрозой жестокаго наказанія. Женатые дворовые люди помѣщались въ особыхъ избахъ, при чемъ часто въ одной избѣ соединялось нѣсколько семей, холостые же или дѣвушки жили въ спеціально построенныхъ для этого помѣщеніяхъ или находились при господской поварнѣ, мыльнѣ, конюшнѣ, сараяхъ. Часть дѣвушекъ, занимавшихся вышиваніемъ, жила въ боярскихъ покояхъ и спала въ сѣняхъ, отъ чего и пріобрѣли названіе сѣнныхъ. Въ большинствѣ случаевъ жизнь дворовыхъ людей складывалась плохо: хозяева плохо кормили и одѣвали ихъ, часто держа прямо впроголодь. Недаромъ боярскіе холопы составляли разбойничьи шайки, грабя всѣхъ проходящихъ и проѣзжавшихъ. Особенно увеличивалось ихъ количество во время голода.

За всякое неповиновеніе и провинность холопа подвергали тѣлесному наказанію, и хотя Домострой рекомендовалъ «не увѣчить и не калѣчить», но эти правила для жестокаго хозяина не имѣли, конечно, и не могли имѣть значенія. Бывали случаи насилованія женъ рабовъ и растлѣнія дѣвокъ. И все это проходило безнаказанно. Браки между холопами и холопками заключались по усмотрѣнію хозяина, имѣвшаго всегда въ виду однѣ экономическія цѣли.

VI. Бояринъ въ своей вотчинѣ.

По разнымъ уѣздамъ были разбросаны боярскія крѣпостныя вотчины и помѣстья, доходы съ которыхъ обезпечивали содержаніе бояръ и ихъ домочадцевъ. Понятно, почему бояре, жившіе постоянно въ столицѣ, лишенные поэтому возможности непосредственно вести хозяйство, тѣмъ не менѣе слѣдили за его постановкой, вводили всякаго рода усовершенствованія, не упуская изъ виду даже мелочей.

Фактически завѣдываніе хозяйствомъ находилось въ рукахъ приказчика, получавшаго всѣ распоряженія непосредственно отъ вотчинника и не имѣвшаго рѣшительно никакой самостоятельности. Для завѣдыванія вотчиннымъ хозяйствомъ во дворѣ боярина находился особый приказъ, куда поступали всѣ донесенія приказчика и челобитья крестьянъ, и откуда за подписью боярина или лица, завѣдывавшаго приказомъ, разсылались всѣ распоряженія по вотчинному хозяйству. Управленіе вотчиннымъ хозяйствомъ складывалось вообще по типу управленія въ государствѣ. Бояринъ для своей вотчины являлся такимъ же абсолютнымъ монархомъ, какимъ являлся «царь всея Руси» для всего населенія. Какъ царская власть управляла государствомъ при содѣйствіи центральныхъ и провинціальныхъ учрежденій, фактически лишенныхъ самостоятельности даже въ предѣлахъ дѣйствующаго права и поступавшихъ по указанію отъ правительства, такъ и бояринъ управлялъ всѣмъ вотчиннымъ хозяйствомъ при содѣйствіи вотчинныхъ приказовъ, куда поступали всевозможныя дѣла, связанныя съ вотчиннымъ хозяйствомъ, и довѣренныхъ лицъ — приказчиковъ, обыкновенно изъ числа холоповъ и изрѣдка изъ среды провинціальныхъ служилыхъ людей. И та, и другая система была построена на принципѣ централизаціи, допускающей существованіе рядомъ съ собой самоуправляющихся

міровъ только въ видѣ вспомогательныхъ органовъ для лучшаго исполненія распоряженій центральной власти. Система централизаціи въ XVII вѣкѣ страдала отсутствіемъ организаціи контроля надъ управленіемъ и повела къ множеству злоупотребленій со стороны должностныхъ лицъ. Населеніе не имѣло подъ руками никакихъ средствъ для борьбы съ ними за исключеніемъ посылки челобитій въ Москву, а правительство находило въ интересахъ контроля наиболѣе подходящимъ средствомъ возможно частую смѣну должностныхъ лицъ, большею частію ежегодно. И приказчикъ, посланный въ вотчину, представляя собою боярина, на практикѣ допускалъ значительныя отклоненія отъ господскихъ распоряженій, довольно безцеремонно эксплоатируя управляемыхъ крестьянъ. У послѣднихъ оставалось только одно—обратиться съ челобитьемъ къ боярину, что они и дѣлали. Населеніе обращалось къ центральному правительству не только съ жалобами на провинціальныхъ агентовъ правительства, но и съ различными просьбами, напр., объ уменьшеніи налоговъ, сложеній недоимокъ, отсрочекъ платежей.

Такія просьбы правительство въ большинствѣ случаевъ удовлетворяло, если находило выставленныя причины заслуживающими вниманія.

Съ такими же просьбами обращаются и крестьяне той или другой вотчины, и тоже не всегда ихъ просьбы бывали безрезультатны. Какъ ни склонна была вотчинная власть извлекать изъ вотчины возможно большій доходъ, довольно часто не считаясь съ платежными силами населенія, однако, чувство самосохраненія заставляло быть болѣе внимательнымъ къ челобитьямъ крестьянъ и удовлетворять ихъ просьбы изъ боязни, что неудовлетвореніе просьбы повлечетъ за собой бѣгство крестьянъ и сокращеніе платежеспособности.

Правительство XVII вѣка уже отчасти сознавало необходимость подъема производительности народнаго хозяйства, такъ какъ однимъ только повышеніемъ налоговъ не было никакой возможности удовлетворять все растущія государственныя повинности и нужды. Но то, что правительство болѣе чувствовало, чѣмъ сознавало, то большіе бояре приводили въ исполненіе, устраивая въ вотчинѣ различнаго рода заводы, заводя интенсивное сельское хозяйство,—и все это въ интересахъ увеличенія доходности съ вотчины. Правда, не всѣ бояре являлись изобрѣтательными хозяевами, но, во всякомъ случаѣ, это справедливо относительно нѣкоторыхъ, наиболѣе ловкихъ и смѣтливыхъ; таковы, напримѣръ, Морозовъ, князь Одоевскій. Какъ правительственному агенту приходилось временами проявлять большую изворотливость и ловкость въ исполненіи самыхъ разнообразныхъ правительственныхъ порученій, такъ и боярскій приказчикъ, завѣдывая сложнымъ хозяйствомъ, долженъ былъ обнаруживать большую пронырливость и сноровку, удовлетворяя разныя требованія и желанія вотчинника и самого правительства.

Какъ воевода, уѣзжавшій на воеводство, получалъ изъ рукъ правительства «наказъ», которымъ подробно опредѣлялся кругъ его обязанностей, такъ и приказчикъ при своемъ назначеніи «на приказъ» получалъ отъ боярина «наказъ», въ которомъ такъ же подробно излагались его

обязанности. Приказчикъ долженъ былъ держаться точнаго смысла наказа: если дѣйствительность не подходила подъ рамки наказа, то приказчикъ долженъ былъ требовать дополнительныхъ распоряженій. Приказчику, по пріѣздѣ на мѣсто, поручалось принять сначала отъ прежняго приказчика квартиру со всякимъ вотчиннымъ и дворовымъ строеніемъ и хлѣбомъ, и во всемъ съ нимъ «росписаться»; также «переписать крестьянъ вотчины и ихъ дѣтей, и братьевъ, и племянниковъ, и внучатъ, и захребетниковъ, съ отцы и съ прозвищи, и что надъ кѣмъ тягла, и тому всему учиня росписные и крестьянамъ переписные книги, прислать къ Москвѣ». Переписныя книги составлялись обыкновенно такъ: приказчикъ совмѣстно съ добрыми людьми долженъ былъ произвести осмотръ всей вотчинной землѣ, провѣрить межи, угодья, лѣса, сѣнные покосы, и все это записать въ книгу по отдѣльнымъ статьямъ.

Оригиналъ, часто скрѣпленный подписью приходскаго священника, посылался въ Москву, а копія оставалась у приказчика. Далѣе въ наказѣ перечисляются обязанности приказчика. Прежде всего ему поручалась вотчинная власть отъ имени помѣщика «крестьянъ вѣдать, и судить, и расправу межъ ними чинить, и отъ всякихъ обидъ оберегать; безволокитно, безпосульно, судить въ правду праваго виноватымъ, а виноватаго правымъ чинить». Судилъ приказчикъ не одинъ, а съ цѣловальниками и лучшими людьми, выбранными міромъ. Эти выборные не только присутствовали на судѣ приказчика, являясь инстанціей, которой приказчикъ отдавалъ свои хозяйственныя распоряженія, а староста и цѣловальники передавали ихъ своимъ односельчанамъ: на ихъ имя присылались также распоряженія и отвѣты на челобитья, подаваемыя старостами отъ лица всей вотчины. Помимо суда приказчику поручалось обратить особенное вниманіе на раздѣленіе тягловыхъ участковъ «въ правду, безъ поноровки и безпосульно, не паровя никому». Въ его же рукахъ сосредоточивается и полицейскій надзоръ, осуществляемый при посредствѣ выбранныхъ «закащиковъ», «чтобы у крестьянъ воровскимъ людямъ пріѣзду не было». Поэтому крестьянинъ никогда не могъ принять къ себѣ какого-нибудь проѣзжаго, не заявивъ объ этомъ «закащику», которому заявлялось также и объ ихъ отъѣздѣ; онъ, въ свою очередь, заявлялъ о томъ же приказчику. Заказчики наблюдали также за тѣмъ, чтобы «крестьяне у воровъ лошадей, разбойныхъ и краденыхъ, и никакой такой же рухляди не покупали, и сами бы не воровали и съ ворами бъ не знались». Въ интересахъ того же обереганія крестьянъ отъ воровъ приказчикъ выдавалъ отъ имени боярина проѣзжія памяти, безъ которой ни одинъ крестьянинъ не имѣлъ права выѣхать. И надзоръ за нравственностью крестьянъ лежалъ на приказчикѣ, который долженъ былъ требовать отъ крестьянъ, «чтобы крестьяне на продажу вина не сидѣли и табаку не держали, и не пили и не продавали и зернью и картами не играли и плашками не метали и въ кабакахъ не пропивались». Впрочемъ, разрѣшалось дѣлать отступленія: крестьяне могли курить вино и варить пиво для домашняго употребленія по случаю различныхъ домашнихъ торжествъ: крестинъ, родинъ, свадьбы. Виновныхъ въ нарушеніи наказа приказчикъ имѣлъ право садить въ тюрьму, въ колоду, въ

желѣза, бить батогами и даже кнутомъ. Кромѣ того, приказчикъ долженъ исправно собирать всѣ помѣщичьи доходы и производить добросовѣстно поручаемыя ему хозяйственныя разслѣдованія: «а если солжешь, говорится въ одномъ наказѣ, неправдою сыщешь, и тебѣ отъ меня быть въ наказаньѣ, не токмо, что наживешь, и старое потеряешь».

Одновременно съ наказомъ приказчику и крестьянамъ вотчины въ лицѣ старосты и лучшихъ людей посылался приказъ: «приказчика во всемъ слушать и подъ судъ къ нему ходить, и оброчныя деньги, и столовые обиходы платить по срокамъ, а не послѣ срока». Обыкновенно отъ вотчинника назначался «приказчиковъ доходъ», который онъ самъ и собиралъ съ разныхъ сельско-хозяйственныхъ продуктовъ, что, конечно, вело къ разнаго рода злоупотребленіямъ, иногда очень тяжело отражавшимся на

Христа славятъ. Съ карт. Горюшкина-Скоропудова.

крестьянскомъ благосостояніи. Единственнымъ выходомъ изъ создававшагося положенія дѣлъ была частая смѣна приказчиковъ, управлявшихъ иногда вотчинами годъ или два.

Хозяйство въ боярскихъ вотчинахъ складывалось по-разному въ зависимости отъ разныхъ естественныхъ условій: въ однѣхъ вотчинахъ преобладало оброчное хозяйство; въ другихъ—барщинное или смѣшанное; въ третьихъ—бояринъ стремился развить промысловую дѣятельность своихъ крестьянъ. Въ зависимости отъ характера системы хозяйства и складывался помѣщичій доходъ. При системѣ оброчнаго хозяйства онъ заключался въ оброчныхъ деньгахъ и такъ называемомъ мелкомъ доходѣ или столовыхъ запасахъ, добавочныхъ доходахъ натурою, поступавшихъ въ видѣ домашней птицы, скота и всякихъ продуктовъ: хлѣба, яицъ, курицъ. Оброкъ и мелкій доходъ собирался съ каждаго домохозяина, при чемъ размѣры его опредѣлялись на сходѣ міромъ и были до крайности разно-

образны. Этотъ добавочный налогъ увеличивался, вѣроятно, въ мѣстностяхъ, близкихъ къ Москвѣ. Такъ, въ вотчинахъ Морозова съ 11—12—16 дворовъ или одной выти шло: 2 пуда свиного мяса, 1 гусь, 1 поросенокъ, 30 аршинъ холста; въ другихъ вотчинахъ, кромѣ того, 1 утка, 8 куръ, извѣстное количество масла, сотня или полсотни яицъ. Конечно, столовые запасы варьировались по мѣстностямъ въ зависимости отъ состоянія крестьянскихъ промысловъ и хозяйства: поэтому изъ однѣхъ вотчинъ присылали рыбу и рожь, изъ другихъ—малину, ягоды, бруснику, грибы, посуду, ложки, чашки. Оброчный доходъ складывался не только изъ платы за землю: въ нѣкоторыхъ мѣстахъ вотчинники отдавали крестьянамъ за оброкъ лавки, кузницы, харчевни, бани и проруби. Словомъ, если какую-нибудь статью хозяйства бояринъ самъ не эксплоатировалъ въ свою пользу, то она отдавалась за оброкъ крестьянамъ. Оброчныя деньги и столовые запасы доставлялись въ Москву къ Рождеству зимою и лѣтомъ—къ Петрову дню. Такъ было въ вотчинахъ Морозова.

Обыкновенно въ ноябрѣ приказчикамъ посылалась грамата, въ которой точно опредѣлялось, что должна доставить каждая вотчина. Все это составлялось на основаніи справки изъ домоваго приказа. Часто съ приказомъ о «столовыхъ запасахъ» отдавалось приказаніе приготовить къ извѣстному времени тѣ или другіе запасы, или на вотчину возлагалась ихъ покупка; такъ, въ одной граматѣ бояринъ писалъ: «да взять тебѣ подать съ Мурышкинскихъ и Лысковскихъ кабаковъ про мой обиходъ 500 ведръ вина добраго и противъ вина дать смѣнясь хлѣба. Да изготовить про мой обиходъ 40 четей пшеницы доброй... да купить 100 осетровъ и астраханскихъ, да осенніхъ осетровъ и бѣлугъ съ 30 или больше да 100 пучковъ вязиги, да 10 пуд. сала говяжья на свѣчи»...

Въ общемъ, необходимо отмѣтить, что боярскіе приказы касаются всѣхъ мелочей столоваго обихода.

Иногда среди года отдавался приказъ поставить какую-нибудь статью: когда Морозову въ 1650 г. понадобились скворцы, то было отдано распоряженіе «во всѣхъ нижегородскихъ и арзамасскихъ вотчинахъ, у кого есть у охотниковъ скворцы, собрать у всѣхъ и прислать ко мнѣ и велѣть сдѣлать клѣтку большую и обить войлокомъ, чтобы до Москвы везучи не поморозить».

Иногда требованіе экстраординарныхъ столовыхъ запасовъ ограничивалось деревянной и оловянной посудой, солеными грибами, ягодами.

Если въ вотчинѣ крестьяне были на барщинѣ, то въ Москву посылались только одни столовые запасы. Собранные столовые запасы отправлялись на крестьянскихъ подводахъ въ Москву, гдѣ на боярскомъ дворѣ принимались по счету. Если при пріемѣ чего-нибудь недоставало или оказывалось испорченнымъ, то отвѣтчикомъ являлся приказчикъ. О полученіи припасовъ бояринъ отвѣчалъ приказчику, указывая, что и какъ принято, такъ какъ порчу припасовъ бояринъ, напр., Морозовъ, объяснялъ нерадѣніемъ и небреженіемъ приказчика. Подъ надзоромъ и руководствомъ приказчика при посредствѣ старостъ и земскихъ цѣловальниковъ крестьяне должны были своевременно отправлять воеводѣ государевы

Общій видъ Останкинскаго дворца.

деньги [1]). Боярину приходилось писать не только одному приказчику, получая отъ него въ свою очередь отписки и донесенія. Крестьянскій міръ обращался къ нему часто съ челобитьями. Они поступали отъ всего міра, отъ отдѣльныхъ лицъ, отъ духовенства той или другой вотчины. Содержаніе челобитій самое разнообразное: тутъ и просьба объ уменьшеніи оброка или столовыхъ запасовъ, жалоба на приказчика, просьба объ отпускѣ на промыслы и выдачѣ хлѣба на сѣмена; словомъ, крестьянскій міръ обращался къ своему вотчиннику по самымъ разнообразнымъ хозяйственнымъ дѣламъ. Среди дошедшихъ челобитій большинство съ просьбой о всякихъ льготахъ съ указаніемъ на тяжелое экономическое положеніе; оканчиваются они обыкновенно угрозой разбѣжаться: «чтобы намъ, сиротамъ, прожить за вами, государи, было въ мочѣ, и домишковъ своихъ избыть, и въ розни не разбрестися».

Крестьяне Морозова просятъ объ уменьшеніи оброка, такъ какъ «саранча хлѣбъ ржаной и яровой на поляхъ поѣла и въ гумнахъ и огородахъ овощь и траву поѣла, а иное градомъ побило... и оттого государеву оброку... мы, сироты твои, оскудали и многіе изъ насъ скитаются по міру»... О томъ же просятъ по случаю дурного улова рыбы... Въ неурожайный годъ крестьяне обращаются съ просьбой «отпустить ихъ кормиться въ міръ, или по окольнымъ вотчинамъ». Бывали случаи, когда крестьянинъ «за скудностью своею уходилъ кормиться міромъ на годъ, чтобы въ конецъ не погибнуть, и голодомъ съ ребятишки не помереть».

Довольно часто крестьяне обращаются за ссудой на сѣмена и продовольствіе въ видѣ заемнаго хлѣба, который они должны были возвращать изъ слѣдующаго урожая. Впрочемъ, крестьяне нерѣдко подавали челобитье о сложеніи недоимки по разнымъ соображеніямъ. Князю Одоевскому крестьяне подавали челобитья о сбавкѣ съ нихъ тяглой земли, о разрѣшеніи нѣкоторое время пожить въ бобыляхъ, «а какъ меня Богъ справитъ, говорится въ одномъ прошеніи, и азъ радъ жить за вами, государи, попрежнему въ крестьянахъ».

Подавались челобитья объ отозваніи приказчика, «потому что насъ, сиротъ, бьетъ и мучаетъ не про дѣло, а безъ вины, и многихъ насъ, сиротъ, изувѣчилъ и глаза подбилъ, у иныхъ скулу переломилъ, посылаетъ насъ на работу до свѣта за два часа, а съ работы спущаетъ въ часъ ночи». На всѣ такія челобитья вотчинникъ давалъ отвѣтъ, писавшійся тутъ же на челобитной. Иногда резолюція была окончательной, иногда требовались предварительныя справки либо отъ приказчика, либо отъ всего міра. Такъ, когда шла рѣчь о сбавкѣ тягла, кн. Одоевскій писалъ крестьянамъ въ лицѣ старосты и выборныхъ: «допросить всѣхъ крестьянъ, можно ли ему на томъ тяглѣ быть, и будетъ не можно, и съ него тягла сбавить и положить, на кого міромъ укажутъ, а на немъ тягла оставить по силѣ». Часто на основаніи заявленій міра вотчинникъ отвѣчалъ отказомъ: «всѣ крестьяне сказали, что ему можно на томъ тяглѣ быть...» Можно сказать утвердительно, что во всѣхъ случаяхъ, когда шла рѣчь о сбавкѣ тягла и

[1]) Стрѣлецкій хлѣбъ, запросный четвериковый хлѣбъ, ямскія и полоняничныя деньги.

о переложеніи его на болѣе состоятельнаго, обращались къ рѣшенію крестьянскаго міра.

Не всегда бояринъ довѣрялъ челобитью крестьянъ: такъ, въ одной челобитной крестьяне одной изъ Морозовскихъ вотчинъ просили объ уменьшеніи оброка, ссылаясь на неурожай. Морозовъ не удовлетворилъ просьбы крестьянъ, ссылаясь на недостаточную мотивировку: такъ какъ у сосѣдняго монастыря въ то же лѣто былъ хорошій урожай, то въ неурожаѣ виноваты сами его крестьяне своею лѣностью. Между бояриномъ и приказчикомъ поддерживалась постоянная переписка. Обыкновенно изъ Москвы отдавались приказчику соотвѣтствующія хозяйственныя распоряженія о началѣ работъ, о производствѣ разныхъ усовершенствованій въ хозяйствѣ. Хотя приказчикъ являлся только исполнителемъ хозяйскихъ порученій, но фактически отвѣтственность за ходъ сельско-хозяйственныхъ работъ лежала на немъ. Поэтому приказчикъ часто забрасывалъ письмами боярина, прося его указаній относительно тѣхъ или другихъ хозяйственныхъ мелочей, указывая на необходимость начала сѣнокоса или жатвы и испрашивая поэтому соотвѣтствующихъ приказаній. Конечно, сидя въ Москвѣ, трудно было услѣдить за всѣми метеорологическими измѣненіями; отсюда случались частые промахи въ хозяйственныхъ распоряженіяхъ: упускалось удобное время для сѣнокоса, жатвы... Приказчикъ, конечно, не былъ виноватъ, но вся отвѣтственность падала на него.

Уложеніе царя Алексѣя Михайловича предоставляло вотчинникамъ право переводить крестьянъ изъ одной вотчины въ другую. Такіе переводы основывались на разныхъ хозяйственныхъ соображеніяхъ: иногда въ какомъ-нибудь имѣніи недоставало рабочихъ рукъ, и посылался приказъ перевести крестьянъ одной вотчины въ другую. Переводъ крестьянъ являлся также средствомъ наказанія. Князь Одоевскій говоритъ, что «онъ иныхъ перевелъ за побѣгъ и за многія ихъ воровства». Переводились крестьяне изъ одной вотчины въ другую и временно въ рабочую пору, когда чувствовалась особенная нужда въ рабочихъ рукахъ.

Наконецъ, въ рукахъ вотчинника сосредоточивалась большая судебная власть. Правда, судилъ приказчикъ съ выборными людьми, но окончательная резолюція по большимъ и спорнымъ дѣламъ исходила отъ самого боярина. Боярскій приказъ былъ также и апелляціонной инстанціей.

Выше намъ приходилось упоминать о пріемахъ, съ помощью которыхъ приказчикъ узнавалъ виновнаго. Добавимъ, что въ вотчинѣ у Морозова при судебномъ разбирательствѣ допускалась и пытка, впрочемъ, всякій разъ съ разрѣшенія самого боярина, въ особенности, когда дѣло касалось его самого. Бранное слово на государя-боярина едва ли не составляло преступленія въ родѣ «оскорбленія величества».

Помимо судебныхъ наказаній вотчинники налагали и административныя взысканія, подробно записывавшіяся въ домовомъ журналѣ. И. Е. Забѣлинъ первый познакомилъ читателя съ такими записями Морозова, крайне интересными для характеристики вотчинной власти боярина. Приведемъ нѣсколько распоряженій: «1) Натальѣ Киселевой за худое мытье нашихъ сорочекъ не давать Рождественскій мясоѣдъ весь указнаго всего;

2) Матвѣю Павлову за отхожденіе отъ горницы во время дневанія своего не давать жаркого; 3) всѣмъ людямъ говѣть, раздѣляя постъ поровну... А говѣть и причащаться всѣхъ принуждать всякій годъ безъ пропуску. А ежели кто который годъ не будетъ говѣть, того плетьми, а которые не причастятся, тѣхъ сѣчь розгами, давая поняти тысячу разъ нещадно».

Вся система управленія, построенная на эксплоатаціи крестьянскаго труда, заставляла подчасъ крестьянина бросать насиженныя мѣста и бѣжать на Украйну въ надеждѣ хоть тамъ подышать свѣжимъ воздухомъ.

Такъ складывался боярскій бытъ вотчинника на фонѣ растущаго крѣпостного права, принимавшаго все болѣе и болѣе личный характеръ.

Московское духовенство въ XVI—XVII вв.

В. Я. Уланова.

I. Матеріальное положеніе русской Церкви.

По единодушному утвержденію иностранцевъ, посѣтившихъ Россію въ XVI—XVII вв., земельныя владѣнія русской церкви составляли треть всей земли Московскаго государства. Русскіе источники по своей неполнотѣ не позволяютъ точно провѣрить это утвержденіе, но они достаточны для того, чтобы на ихъ основаніи считать русское духовенство богатѣйшимъ собственникомъ движимыхъ и недвижимыхъ имуществъ въ означенное время.

Впрочемъ, богатства эти распредѣлялись далеко неравномѣрно между составными элементами духовенства.

По злой ироніи жизни, подавляющая часть мірскихъ благъ досталась на долю тѣхъ, кто давалъ обѣты отрѣшенія отъ міра и всѣхъ прелестей его (монашество); обремененное же семьей, тѣсно связанное съ міромъ бѣлое духовенство въ массѣ буквально «питалось крохами, падавшими со стола» черныхъ «господій своихъ», да подаяніями паствы. Впрочемъ, и среди этихъ двухъ группъ блага и лишенія распредѣлялись неравномѣрно. И это понятно.

Даже въ наше время, когда управленіе церковными имуществами сосредоточено въ однѣхъ рукахъ, и центральная духовная власть имѣетъ право вліять на равномѣрное распредѣленіе доходовъ между отдѣльными церковными учрежденіями, матеріальное обезпеченіе разныхъ группъ бѣлаго и чернаго духовенства бьетъ въ глаза своими контрастами. Тѣмъ болѣе возможны были эти контрасты въ XVI—XVII вв., когда, по словамъ митр. Макарія, «такъ называемыя церковныя имѣнія въ Россіи не были общимъ достояніемъ всей церкви или всего духовенства и не находились подъ вѣдѣніемъ и распоряженіемъ высшей церковной власти, хотя послѣдняя съ половины XVI в. и дѣлала не разъ, по волѣ государя, нѣкоторыя общія постановленія относительно этихъ имѣній. Церковныя имѣнія у насъ были лишь частною собственностью отдѣльныхъ церковныхъ учрежденій и принадлежали то архіерейскимъ домамъ или каѳедрамъ, то монастырямъ, то церквамъ. Каждый архіерей распоряжался имѣніями своей каѳедры совершенно самостоятельно и независимо отъ митрополита и отъ собора отечественныхъ іерарховъ; каждый настоятель монастыря со

Торжественная процесія въ Кремлѣ въ XVII вѣкѣ.

Москва
въ ея
прошломъ
и
настоящемъ

своею братіей и каждый настоятель церкви съ причтомъ точно также совершенно самостоятельно распоряжались имѣніями своего монастыря или своей церкви и совершенно независимо отъ своего епархіальнаго архіерея. Всѣ эти духовные землевладѣльцы и вотчинники, по одному собственному усмотрѣнію, и принимали въ даръ жертвуемыя имъ земли и вотчины, и сами покупали себѣ села и разныя угодья, и мѣняли ихъ, и продавали, по крайней мѣрѣ, до изданія извѣстныхъ соборныхъ опредѣленій, и вообще пользовались всѣми правами, какими пользовались тогда у насъ и прочіе частные землевладѣльцы и вотчинники».

Крупнѣйшими землевладѣльцами и капиталистами были монастыри. Дошедшія до насъ далеко неполныя и сомнительной точности цифры все же позволяютъ дѣлать общія сравненія.

По свидѣтельству очень освѣдомленнаго Котошихина въ его время (средина XVII в.) за всѣмъ духовенствомъ числилось 118 тысячъ дворовъ крестьянъ; изъ нихъ 83 тысячи (70%) приходилось на долю однихъ монастырей. Цифры эти принимаютъ тѣмъ большее значеніе, если мы рядомъ съ ними поставимъ владѣнія царя, которыя Котошихинымъ опредѣляются въ 50 тысячъ дворовъ крестьянъ.

«Роспись» монастырскаго приказа (отъ 18 дек. 1661 г.) даетъ возможность судить о неравномѣрномъ распредѣленіи монастырскихъ богатствъ между отдѣльными монастырями. Изъ 476 монастырей, владѣвшихъ вотчинами, 6 имѣли отъ 2120 до 16382 дворовъ; 120 монастырей отъ 181 двора до 2 тысячъ; владѣнія остальныхъ 356 монастырей спускались до 10 дворовъ и ниже (103 монастыря).

Земельныя угодья, пашни и крестьянскія повинности съ нихъ, какъ и часть судебныхъ пошлинъ со всего сидѣвшаго на монастырскихъ земляхъ населенія, составляли основной и постоянный, но не единственный источникъ монастырскихъ доходовъ. Непрерывный потокъ денегъ и другихъ движимыхъ богатствъ текъ изъ міра въ монастырскіе ларцы, амбары и клѣти, прежде всего, въ видѣ денежныхъ вкладовъ и пожертвованій хлѣбомъ, скотомъ, матеріями и другими вещами за поминовеніе живыхъ и умершихъ. Завѣщанія великихъ князей, царей, бояръ и другихъ даютъ только приблизительное представленіе объ этого рода монастырскихъ доходахъ.

По наблюденію Флетчера, монахи — «самые оборотливые купцы во всемъ государствѣ и торгуютъ всякаго рода товарами». И, дѣйствительно, въ разныхъ жалованныхъ граматахъ московскихъ государей монастырямъ часто даются льготы на безпошлинную торговлю и провозъ товаровъ; упоминаются мельницы, соловарни и другія промышленныя заведенія; еще въ XVI в. нѣкоторые монастыри пользуются правомъ сбора таможенныхъ и «пятенныхъ» пошлинъ (за пятнаніе коней при продажѣ). Наконецъ, бѣдные монастыри получали изъ казны постоянное жалованье — «ругу».

Не могли пожаловаться на свое матеріальное обезпеченіе и высшіе «монашествующіе» іерархи церкви. Особенно была богата каѳедра первосвятителя земли русской (сначала—московскаго митрополита, а потомъ унаслѣдовавшаго его авторитетъ и богатства — патріарха).

Въ началѣ XVI в. владѣнія московскаго митрополита, правда, по очень

приблизительному подсчету, равнялись 100 тысячами десятинъ земли. По свидѣтельству Антонія Поссевина, ежегодные доходы съ этихъ владѣній равнялись 22000 талеровъ, или 13 тыс. золотыхъ. Впрочемъ, Поссевина трудно согласить съ другимъ иностранцемъ, писавшимъ вскорѣ послѣ него—Флетчеромъ, который «ежегодный доходъ патріарха съ помѣстьевъ (кромѣ другихъ статей)» опредѣляетъ въ «3000 рублей или марокъ, а доходы митрополитовъ и архіепископовъ до 2,500 руб.».

Едва ли уступало богатствами первосвятительской каѳедрѣ архіепископство, а по учрежденіи патріаршества—митрополія Новогородская даже послѣ колоссальной конфискаціи ея земельныхъ владѣній Иваномъ III.

Флетчеру разсказывали, что ежегодные доходы этой каѳедры равнялись 10—12 т. руб. въ то время, какъ «изъ епископовъ одни получали 1,000 руб., другіе 800, иные 500 и проч.». Впрочемъ, все это цифры крайне гадательны. Болѣе точное представленіе о земельныхъ богатствахъ епископскихъ каѳедръ мы имѣемъ къ концу разсматриваемаго періода отъ Котошихина.

Онъ пишетъ: «За патріархомъ подъ Москвою и въ городѣхъ, въ селехъ и въ волостяхъ будетъ крестьянъ больше 7,000 дворовъ. За четырмя митрополиты: за Новгородскимъ, за Казанскимъ, за Ростовскимъ, за Крутитцкимъ, подъ Москвою и въ городѣхъ, въ вотчинахъ ихъ домовыхъ въ селахъ и въ деревняхъ, за всѣми, крестьянъ съ 12,000 дворовъ. За десятью архіепископами... за всѣми крестьянъ съ 16,000 дворовъ».

Помимо доходовъ съ недвижимыхъ имуществъ своей каѳедры въ видѣ разнообразныхъ повинностей съ крестьянъ и посадскихъ людей, сидѣвшихъ на архіерейскихъ земляхъ и угодьяхъ, каждый епископъ получалъ значительные доходы съ духовенства своей епархіи въ видѣ пошлинъ за судъ и различныя дѣла по управленію. Часто архіереямъ платили за спеціальное приглашеніе служить въ храмовые праздники.

Обладая свободными капиталами, архіереи такъ же, какъ и монастыри, не прочь были заняться ростовщичествомъ. На Стоглавомъ соборѣ Царь поднялъ вопросъ, согласуется ли съ каноническими правилами практика—давать церковную и монастырскую казну въ ростъ (подъ проценты), а «хлѣбъ въ наспы» (тоже своеобразный ростъ натурою). Отцы Собора, сославшись на «божественное писаніе и священныя правила», постановили: «Святителямъ, архимандритамъ и игуменамъ деньги давать по своимъ селамъ своимъ христіяномъ крестьянамъ безъ росту (%) и хлѣбъ безъ наспу того ради, чтобы за ними христіяне жили и села бы ихъ были не пусты»... Имѣло ли это рѣшеніе практическія послѣдствія или его постигла судьба большинства другихъ постановленій Стоглаваго собора, рѣшить трудно. Во всякомъ случаѣ, монастыри послѣ Собора, какъ и до него, продолжали давать крестьянамъ ссуды и подмоги на одинаковыхъ условіяхъ съ свѣтскими землевладѣльцами и съ одинаковыми послѣдствіями закрѣпощенія крестьянъ на монастырской, какъ и частновладѣльческой землѣ.

Совсѣмъ въ другую полосу матеріальнаго обезпеченія спускаемся мы, присматриваясь къ матеріальному положенію большинства бѣлаго духовенства. Конечно, были и у него доходныя, хорошо обезпеченныя мѣста, напр., въ столичныхъ соборныхъ церквахъ, имѣвшихъ свои дворы, земли

и угодья; такъ, напр., «московскій архангельскій соборъ имѣлъ въ одномъ только стану 1296 десятинъ, да еще нѣсколько луговыхъ участковъ, съ которыхъ собиралось до 540 копенъ хлѣба» (митр. Макарій). Но такіе богатые приходы можно перечесть по пальцамъ. Про обезпеченіе большинства бѣлаго духовенства находимъ подробныя, хотя и самыя общія указанія у иностранцевъ.

Герберштейнъ, бывшій въ Московіи въ первой половинѣ XVI в., пишетъ: «Священники большею частью содержатся приношеніями прихожанъ, и имъ даются маленькіе домики съ полями и лугами, отъ которыхъ они снискиваютъ пропитаніе, какъ и ихъ сосѣди, своими собственными руками или руками слугъ. Они получаютъ весьма небольшія приношенія: иногда (прихожане) даютъ церковныя деньги въ ростъ, по десяти со ста, и проценты предоставляютъ священнику, чтобы не быть вынужденными питать его на свой счетъ. Нѣкоторые живутъ щедротами князей. Приходовъ, одаренныхъ помѣстьями и владѣніями, немного»...

Зло нашего времени — неравномѣрное распредѣленіе приходовъ по ихъ доходности, видимо, ведетъ свое начало съ незапамятныхъ временъ. По крайней мѣрѣ, Флетчеръ указываетъ на это явленіе, какъ причину скуднаго положенія бѣлаго духовенства въ его время (вторая половина XVI в.)

«Число духовенства очень значительно,—пишетъ онъ,—потому что здѣшніе города раздѣляются на нѣсколько небольшихъ приходовъ, хотя безъ всякаго соблюденія равенства между ними относительно числа домовъ и соразмѣрности собирающагося въ нихъ народа, какъ бываетъ вездѣ, гдѣ не заботятся о распространеніи познанія о Богѣ, чего, впрочемъ, и невозможно достигнуть тамъ, гдѣ вслѣдствіе неравнаго распредѣленія обывателей и приходовъ происходитъ неравенство и недостатокъ въ жалованьѣ для безбѣднаго отправленія должности...

Что же касается до жалованья, получаемаго священникомъ, то... онъ долженъ зависѣть отъ усердія своихъ прихожанъ и собирать, какъ умѣетъ, на прожитокъ доходы отъ молебновъ, исповѣдей, браковъ, похоронъ панихидъ и такъ называемыхъ молитвъ за живыхъ и усопшихъ... Сверхъ того, у нихъ есть обычай праздновать одинъ разъ въ годъ храмовой праздникъ. Въ это время всѣ сосѣди и обыватели ближайшихъ приходовъ собираются въ церковь, гдѣ бываетъ праздникъ, чтобы отслужить молебенъ ея святому за себя и своихъ родственниковъ, и тутъ священникъ получаетъ плату за свои труды.—Такія приношенія доставляютъ имъ по нѣскольку десятковъ фунтовъ (стерлинговъ?) въ годъ, болѣе или менѣе, смотря по степени уваженія къ святому церкви. Въ такой день священникъ всегда нанимаетъ въ подмогу себѣ нѣсколько другихъ сосѣднихъ священниковъ, будучи обязанъ приносить святому болѣе молитвъ, нежели сколько самъ можетъ успѣть. Кромѣ того, они ходятъ по домамъ своихъ прихожанъ со святою водою и куреніями, обыкновенно, одинъ разъ каждые четыре мѣсяца, и такимъ образомъ, окропивъ и окуривъ хозяина, жену его и всѣхъ домашнихъ съ ихъ пожитками, получаютъ за то большую или меньшую плату, смотря по достатку хозяина. Все это вмѣстѣ

ставитъ священнику на его содержаніе около 30 или 40 рублей въ годъ, изъ коихъ десятую часть онъ платитъ епископу своей епархіи». Во всей этой картинѣ, будто списанной съ современныхъ «хожденій по приходу» и усиленнаго собиранія доходовъ въ храмовые праздники невѣрно развѣ отрицаніе Флетчеромъ всякаго жалованья бѣлому духовенству.

«Руга» давалась какъ монастырямъ, такъ и нѣкоторымъ приходскимъ церквамъ въ городахъ и не только казною, но назначалась и самими прихожанами. «Въ нѣкоторыя изъ церквей руга отпускалась только на церковный причтъ; въ другія—и на церковный обиходъ, т.-е. на вино, свѣчи, ладанъ; а въ нѣкоторыя лишь на церковный обиходъ» (митр. Макарій).

Необезпеченность и полная зависимость причта отъ прихожанъ ставили священника въ весьма двусмысленныя отношенія къ паствѣ. Бывали случаи, что вновь избранный священникъ или другой клирикъ, чтобъ упрочить свое положеніе въ приходѣ, принужденъ былъ подкупать прихожанъ. Стоглавъ жалуется, что «въ Новѣгородѣ Великомъ попы и діаконы и діяки и пономари и просфирницы къ церкве принимаютъ уличанъ, (которые) берутъ на нихъ деньги великія—на попѣ рублей 15—20—30, да съ тѣмъ идутъ къ владыкѣ всею улицею; а (если) только владыка попа пришлетъ къ которой церкви, хотя (бы онъ былъ) грамотѣ гораздъ и чувственъ, а если многихъ денегъ уличанамъ не дастъ, и они его не пріимутъ» (Стогл., гл. 41, вопр. 14). Во Псковѣ роль уличанъ разыгрывали архіерейскіе дьяки, дворецкіе и намѣстники (Ibid., вопр. 15).

Вслѣдствіе такой необезпеченности и полной зависимости отъ прихожанъ избирателей многіе священники, уже поставленные, добровольно или невольно покидали свой приходъ, переходя въ разрядъ такъ называемыхъ «безмѣстныхъ» или «безприходныхъ» поповъ, которые «волочились безъ мѣста» по Россіи, ища себѣ заработка. Это были буквально «безработные», которые, по словамъ митр. Макарія, «сходились на извѣстные городскіе перекрестки или крестцы (въ Москвѣ — на Ильинской улицѣ) и предлагали свои услуги желающимъ»... Они не перевелись и до Петровскаго Духовнаго регламента.

II. Церковное управленіе и судъ.

Отношеніе бѣлаго духовенства къ церковному управленію и суду было столь же приниженнымъ и подчиненнымъ сравнительно съ монашествомъ, какъ и матеріальное его положеніе.

Стоглавый соборъ, возводя мѣстную практику въ общій институтъ, постановилъ: избирать протопоповъ, поповскихъ старостъ и десятскихъ священниковъ, гдѣ сколько придется, по всѣмъ городамъ, селамъ, погостамъ и волостямъ, по всей русской землѣ; назначеніе этихъ должностей напоминаетъ обязанности современныхъ благочинныхъ и состояло въ надзорѣ за поведеніемъ и отношеніемъ къ дѣлу подчиненнаго имъ причта. Эти должностныя лица находились въ свою очередь подъ бдительнымъ надзоромъ монашествующихъ собратій своихъ. Стоглавый соборъ поручилъ епископамъ посылать по всѣмъ городамъ и селамъ своей епархіи граматы *архимандритамъ, игуменамъ* и протопопамъ, съ предписаніемъ,

Встрѣча патріарха Филарета и Михаила Ѳедоровича Романова подъ Москвою.

Москва въ ея прошломъ и настоящемъ

чтобы они досматривали за самими старостами поповскими и десятскими и за всѣми священниками и дьяконами. И если поднадзорные окажутся неисправными въ своихъ обязанностяхъ и не станутъ слушаться архимандритовъ, игуменовъ и протопоповъ, то послѣдніе должны писать объ этомъ епископамъ, и тѣмъ поповскимъ старостамъ и десятскимъ священникамъ быть отъ святителей въ великомъ запрещеніи, по канонамъ (Стогл., гл. 69).

Если къ этому прибавить еще, что на монастырскихъ земляхъ было много церквей, въ которыхъ служило бѣлое духовенство, по вотчинному праву вполнѣ подчиненное судомъ и управленіемъ властямъ землевладѣльца-монастыря, то предъ нами ясно обнаружатся полная зависимость бѣлаго духовенства отъ чернаго и господствующее положеніе послѣдняго. Вообще говоря, положеніе заурядnаго приходскаго священника было тяжелое и въ матеріальномъ, и въ общественномъ отношеніи. Въ разсматриваемый періодъ, когда процессъ закрѣпощенія сословій обезличивалъ человѣка, въ священникѣ уважали не столько личность, сколько носителя благодати и обладателя священныхъ для москвичей предметовъ. У Олеарія мы находимъ по этому поводу характерное сообщеніе. Онъ разсказываетъ о скуфьѣ—«шапочкѣ, которую попы никогда днемъ не снимаютъ: это какъ бы священная принадлежность, и она имѣетъ великое значеніе. Если кто ударитъ попа и при этомъ попадетъ по шапочкѣ или собьетъ ее съ головы священника, тотъ подвергается большому взысканію и долженъ заплатить попу безчестье. Но отъ этого попы не меньше получаютъ поboевъ... Чтобы не тронуть священной шапочки, сперва бережно снимаютъ ее съ попа, затѣмъ поколотятъ его хорошенько, и снова бережно надѣваютъ на него оную...». О подобномъ же неуваженіи къ личности и сану священника разсказываетъ и Герберштейнъ, наблюдавшій Россію за сто лѣтъ до Олеарія. «Мы видѣли въ Москвѣ,—пишетъ Герберштейнъ,—какъ публично наказывали розгами пьяныхъ священниковъ: они просятъ только, чтобы ихъ сѣкли рабы, а не бояринъ».

Грозный на Стоглавомъ соборѣ ставилъ на видъ «святителямъ», что у нихъ въ епархіяхъ «десятники по селамъ поповъ продаютъ безъ милости, и дѣла составливаютъ съ ябедниками, и церкви Божія отъ ихъ великихъ продажъ стоятъ многія пусты и безъ пѣнія...» (Гл. 5, вопр. 7).

Монахи находились въ сравненіи съ бѣлымъ духовенствомъ въ привилегированномъ положеніи хотя бы потому, что подлежали суду и управленію своихъ же монастырскихъ властей,—архимандритовъ, игуменовъ, казначеевъ и др.

Настоятели монастырей, назначаемые правительствомъ чаще всего изъ братіи того же монастыря, подчиняясь общему монастырскому уставу и режиму, а также считаясь съ мнѣніемъ остальной подначальной братіи, которая иногда изгоняла неугодныхъ настоятелей, едва ли были суровыми судьями и управителями въ своемъ монастырѣ. Впрочемъ, административная и судебная власть ихъ не ограничивалась кругомъ монаховъ, но простиралась и на все служилое и тяглое населеніе монастырскихъ земель, въ судебномъ отношеніи «опричь душегубства, разбоя и татьбы съ поличнымъ».

Надъ всѣми монастырями и приходами епархіи стоялъ архіерей, какъ

верховный пастырь церковный, администраторъ и судья. Свою власть надъ духовными дѣтьми епископъ осуществлялъ чрезъ намѣстниковъ, настоятелей монастырей, десятниковъ, чрезъ бояръ, дворецкихъ, тіуновъ и др. По словамъ митрополита Макарія, «въ каждой епархіи у насъ существовали—одинъ судъ по дѣламъ духовнымъ, и нѣсколько судовъ по дѣламъ недуховнымъ, свѣтскимъ. Судъ по дѣламъ духовнымъ находился при каѳедрѣ епархіальнаго архіерея и состоялъ изъ лицъ только духовныхъ, а именно: изъ епископа, замѣняемаго иногда намѣстникомъ «соборне» съ архимандритами, игуменами и другими избранными священнослужителями... Суду этому подлежали: а) всѣ міряне епархіи по дѣламъ духовнымъ; в) всѣ лица духовенства, бѣлаго и монашествующаго, просвирни и др.—по преступленіямъ противъ вѣры и церкви, а лица собственно духовныя и по преступленіямъ противъ обязанностей своего духовнаго званія и служенія, с) настоятели и настоятельницы монастырей—не только по дѣламъ духовнымъ, *но и по всѣмъ прочимъ*»...

Суды по дѣламъ недуховнымъ въ каждой епархіи... по составу своему были почти исключительно свѣтскіе и дѣйствовали подъ контролемъ государственной власти: духовные члены засѣдали въ нихъ только какъ бы депутатами и перемѣнялись каждую недѣлю... Судамъ этимъ подлежали: «а) всѣ міряне епархіи по дѣламъ недуховнымъ, каковы: похищеніе женщинъ, подкинутіе дѣтей, прелюбодѣяніе, семейныя драки, тяжбы о наслѣдствѣ и др.; в) всѣ лица бѣлаго духовенства—по дѣламъ недуховнымъ: по рядным грамотамъ, по кабалам въ поклажахъ, въ боях, грабежахъ, кромѣ душегубства и разбоя съ поличнымъ, по которымъ все вообще духовенство, бѣлое и черное, подлежало судамъ мірскимъ».

Иногда архіереи созывали епархіальный соборъ изъ настоятелей, протопоповъ и священниковъ какъ для совѣщанія по дѣламъ духовнымъ, такъ и для выслушанія поученій и распоряженій владыки.

Во главѣ всей русской церкви (до отдѣленія западной митрополіи) стоялъ первосвятитель митрополитъ Московскій, а послѣ унаслѣдовавшій его авторитетъ и власть патріархъ. Первосвятитель имѣлъ, какъ и всѣ архіереи, свою особую епархію, но его духовный авторитетъ распространялся на всѣхъ членовъ церкви, не исключая и епископовъ. По отношенію къ епископамъ власть его была духовно-административной. По словамъ митрополита Макарія, «судебной власти» первосвятитель «лично не имѣлъ ни надъ архіереями, ни надъ другими членами церкви внѣ своей епархіи, и хотя къ нему восходили донесенія и жалобы на архіепископовъ и епископовъ, хотя иногда онъ поручалъ, съ соизволенія великаго князя, производить предварительныя разслѣдованія о проступкахъ какого-либо архіерея, но потомъ ограничивался одними административными распоряженіями,—дѣлалъ виновному внушеніе, замѣчаніе или даже предлагалъ отказаться отъ каѳедры; а дѣйствительно судить архіепископа или епископа могъ только съ соборомъ епископовъ». Архіепископы (а послѣ введенія патріаршества) и митрополиты были передаточной инстанціей распоряженій первосвятителя епархіальнымъ владыкамъ.

Верховнымъ правителемъ и главою помѣстной русской церкви былъ

помѣстный соборъ, состоявшій изъ іерарховъ и настоятелей монастырей иногда къ нимъ присоединялись представители бѣлаго духовенства и монахи. Его разрѣшенію подлежали всѣ важнѣйшія явленія въ области вѣры, суда и церковнаго управленія, касавшіяся всей церкви. Предсѣдательствовалъ на немъ первосвятитель. Обсужденіе и рѣшеніе вопросовъ отцами Собора происходило подъ сильнымъ вліяніемъ царя, который частію принималъ личное участіе на соборахъ, допрашивалъ обвиняемыхъ, ставилъ Собору вопросы для обсужденія, предрѣшая многіе изъ нихъ уже въ самой постановкѣ (какъ, напримѣръ, на Стоглавомъ соборѣ).

Вообще говоря, государство оказывало неотразимое вліяніе на церковь во всѣхъ слояхъ ея жизни. Митрополитъ хотя избирался и «терялъ свой клобукъ» на Соборѣ русскихъ епископовъ, но всегда по желанію государя; по волѣ послѣдняго раздавались епископства, а также назначались настоятели и настоятельницы монастырей. Московскіе цари, не обращая вниманія на протесты Стоглаваго собора, раздавали разнымъ монастырямъ и церквамъ граматы, которыми освобождали ихъ изъ-подъ суда и управленія епархіальныхъ архіереевъ. Эта практика, по словамъ митрополита Макарія, привела, наконецъ, къ тому, что «монастыри начали не слушаться своихъ епархіальныхъ архіереевъ даже и не въ гражданскихъ дѣлахъ, напримѣръ, монастыри вологодской епархіи не хотѣли принимать старцевъ-эпитимійцевъ, которыхъ присылалъ къ нимъ подъ начало мѣстный архіепископъ, безъ царскаго указа... Самъ государь чрезъ Приказъ своего Большого дворца простиралъ свою исключительную власть на всю экономическую и правительственную часть монастырей и слалъ въ монастыри свои граматы не только, напримѣръ, о поставкѣ даточныхъ людей и о сборѣ денегъ на жалованье ратнымъ людямъ, но и противъ безпорядковъ, происходившихъ въ монастыряхъ, и о введеніи новыхъ порядковъ во внутреннемъ управленіи монастырей...»

Послѣднимъ шагомъ на пути подчиненія церкви государству было учрежденіе въ 1648 году Монастырскаго приказа, когда было узаконено, что «митрополиты, архіепископы и епископы, во всѣхъ искахъ на нихъ, должны вѣдаться въ Монастырскомъ приказѣ, и такимъ образомъ, церковь въ лицѣ высшихъ своихъ представителей явно подчинялась суду властей гражданскихъ во всякихъ взаимныхъ искахъ между собой. По Уложенію только патріархъ, его приказные и дворовые люди, дѣти боярскія, крестьяне и всякихъ чиновъ люди, живущіе въ патріаршихъ домовыхъ вотчинахъ, были изъяты во всякихъ дѣлахъ изъ вѣдомства Монастырскаго приказа и оставлены подъ судомъ самого патріарха» (Митрополитъ Макарій). Русская церковь потеряла право на свободное самоопредѣленіе уже въ тотъ моментъ, когда стала принимать отъ московскихъ государей богатства, льготы и поддержку въ борьбѣ съ внутренними неурядицами, и промѣняла на чечевичную похлебку свое авторитетное положеніе въ обществѣ и государствѣ.

Флетчеръ, наблюдавшій Россію за полтораста лѣтъ до учрежденія монастырскаго приказа, уже въ это время не сомнѣвался въ характерѣ отношеній русской церкви къ государству.

«Кромѣ своей Думы,—писалъ онъ,—царю не съ кѣмъ совѣтоваться, за исключеніемъ развѣ немногихъ епископовъ, архимандритовъ и монаховъ, и то для того только, чтобы воспользоваться суевѣріемъ народа (при томъ всегда къ его вреду), который считаетъ святымъ и справедливымъ все, что ни сдѣлано съ согласія ихъ епископовъ и духовенства. Вотъ почему цари, пользуясь для своихъ выгодъ упадкомъ церкви, потворствуютъ духовенству чрезвычайными милостями и привилегіями, дарованными епископіямъ и монастырямъ, ибо они знаютъ, что суевѣріе и лжевѣріе лучше всего согласуются съ тираническимъ образомъ правленія и особенно необходимы для поддержанія и охраненія его». (Гл. 7).

III. Духовная жизнь бѣлаго и чернаго духовенства.

Отмѣченный Флетчеромъ «упадокъ церкви» обусловливался не одной капитуляціей духовенства предъ благами міра и силами свѣтской власти: въ нѣдрахъ церкви не было духовныхъ силъ, способныхъ оживить ее, освѣтить высшія цѣли ея существованія, вдохновить на борьбу за тѣ начала, которыя дѣйственны только тогда, когда развиваются свободно, внѣ границъ, потребныхъ для цѣлей государственной власти.

Невѣжество и неучительность считались въ XVI—XVII вв. положительными качествами православнаго, и духовенство въ совершенствѣ обладало этими качествами. Стоглавъ рисуетъ безысходное положеніе епископовъ, которые стояли передъ дилеммой—ставить во дьяконство и священство лицъ, «которыя грамотѣ мало умѣютъ» и такимъ образомъ поступить «сопротивно священнымъ правиломъ», или, не посвящая таковыхъ, предоставить «святымъ церквамъ остаться безъ пѣнія, а православнымъ христіанамъ умирать безъ покаянія и причастія...»

На «истязанія (допытываніе) епископовъ съ великимъ запрещеніемъ, почему (ставленники) мало умѣютъ грамотѣ, они отвѣты чинятъ: «мы де учимся у своихъ отцовъ, или у своихъ мастеровъ, а индѣ намъ учиться негдѣ: колько отцы наши и мастеры умѣютъ, по тому и насъ учатъ». А отцы ихъ и мастеры—поясняетъ Стоглавъ—сами по тому же мало умѣютъ и силы въ божественномъ писаніи не знаютъ, да учиться имъ негдѣ. А преже сего — съ сокрушеніемъ вспоминаетъ авторъ Стоглава—училища бывали въ Россійскомъ царствіи»... Старецъ Арсеній Глухой писалъ боярину Салтыкову, что даже «честные протопопы только по чернилу проходили божественныя писанія, смысла же ихъ не старались узнать»...

Не болѣе «умѣли грамотѣ» и монахи. Олеарій по этому поводу пишетъ: «Большинство монаховъ—совершенно простые и неразвитые люди; десятый развѣ изъ нихъ едва знаетъ молитву «Отче нашъ». Только немногіе знаютъ 10 заповѣдей, полагая, что знаніе подобныхъ вещей свойственно только знатнымъ господамъ и высшимъ духовнымъ чинамъ, а вовсе не имъ... Однажды Грозный, бывши въ Новгородѣ на свадьбѣ у Датскаго герцога, Магнуса,отколотилъ палкою по головамъ нѣсколькихъ монаховъ за то, что они были до такой степени не свѣдущи, что даже символа вѣры, который великій князь самъ пѣлъ вмѣсто брачной пѣсни, не могли читать по книгѣ

такъ бойко, какъ онъ пѣлъ его на память». Впрочемъ, и самые «высшіе духовные чины» не шли дальше бойкаго чтенія безъ разумѣнія.

Невѣжество было признано какъ бы опорой церкви. «Будучи сами невѣжественны во всемъ, говоритъ Флетчеръ,—они стараются всѣми средствами воспрепятствовать распространенію просвѣщенія, какъ бы опасаясь,

Патріархъ на Красной площади. Изъ кн. „Избраніе на царство Мих. Фед. Романова".

чтобы не обнаружилось ихъ собственное невѣжество и нечестіе. По этой причинѣ они увѣрили царей, что всякій успѣхъ въ образованіи можетъ произвести переворотъ въ государствѣ и, слѣдовательно, долженъ быть опасенъ для ихъ власти». То же повторяетъ и Петръ Петрей, разсказывая,

какъ «попы и монахи воспротивились намѣренію» царя Бориса Годунова вызвать иностранцевъ для преподаванья иностранныхъ языковъ въ Россіи, «объявивъ, что въ Россіи, не взирая на обширное пространство ея, доселѣ господствовало единовѣріе и единоправіе; если же настанетъ разноязычье, то поселится раздоръ, и прежнее согласіе исчезнетъ. И Борисъ отказался отъ своего намѣренія...»

Травля, поднятая духовенствомъ противъ просвѣтительной дѣятельности Максима Грека, инсинуаціи противъ Ивана Ѳедорова, перваго книгопечатника, закончившіяся сожженіемъ его типографіи и всѣхъ ея принадлежностей, являются типичными иллюстраціями къ свѣтобоязни духовенства.

Каково было просвѣщенье, такова и учительность тогдашнихъ пастырей церкви. «У нихъ нѣтъ проповѣдниковъ,—пишетъ Герберштейнъ. — Они думаютъ, что достаточно присутствовать при богослуженіи и слышать Евангелье, посланья и слова другихъ учителей, которыя читаетъ священнослужитель на отечественномъ языкѣ. Сверхъ того, *они думаютъ этимъ избѣжать различныхъ толковъ и ересей, которые большею частью рождаются отъ проповѣдей*».

По сообщенію Флетчера, «объясненіе въ проповѣдяхъ слова Божія, поученье и увѣщанье у нихъ не въ обычаѣ и выше ихъ знаній, потому что все духовенство не имѣетъ совершенно никакихъ свѣдѣній ни въ словѣ Божьемъ, ни въ другихъ предметахъ».

Пастыри съ подобнымъ просвѣтительнымъ багажомъ и съ такими взглядами на задачи учительства едва ли могли и въ области высшаго богословскаго вѣдѣнья «право правити слово евангельской истины», и отцы Стоглаваго собора вполнѣ охарактеризовали себя, какъ богослововъ, указавши на усы, бороду и національную одежду, какъ на существенныя черты образа Божья и отличительный признакъ христіанина.

«Сотворилъ насъ Богъ по своему образу и подобію, и явились неблагодарные—накладаютъ бритву на брады свои... и дѣлаютъ поруганіе образу Бога, создавшаго ихъ по своему подобію,—писалъ предсѣдатель Стоглаваго собора въ Свіяжскъ, а отцы Собора не безъ ироніи отмѣчали уклоненіе русскихъ отъ существенныхъ, по ихъ мнѣнію, признаковъ христіанина:—«Нарицаемся христіане, а въ тридцать лѣтъ и старые главы и брады брѣютъ, и усъ подкусываютъ, и платье и одежду иновѣрныхъ земель носятъ, то почему познати христіанина?» (Стог. 5 гл., 25 вопр.).

Возведеніе въ принципіальное значеніе для правовѣрія такихъ вопросовъ, какъ хожденье вокругъ церкви «посолонь» или противъ солнца, о трегубой или двугубой аллилуйя, о двуперстномъ или трехперстномъ сложеніи креста и т. д.,—вопросовъ, легшихъ отчасти въ основу раскола, все это, на нашъ взглядъ, естественное слѣдствіе отмѣченнаго Арсеньемъ Глухимъ свойства «честныхъ протопоповъ—только по чернилу проходить божественныя писанія, смысла же ихъ не стараться знать...»

Переводя «служеніе Богу въ духѣ и истинѣ» на механическое совершенье мертвыхъ, скорѣе имѣвшихъ магическое, чѣмъ символическое значенье обрядовъ, духовенство въ лучшемъ случаѣ выдвигало красочную, эффектную сторону обряда, какъ, напр. «граціозное благословенье еписко-

помъ народа» (Флетчеръ), шествіе по улицамъ первосвятителя на ослятѣ, торжественное окропленіе новопоставленнымъ епископомъ кремлевскихъ стѣнъ и т. п.; но въ большинствѣ случаевъ и эта красочная сторона, доставлявшая, можетъ быть, многимъ эстетическое наслажденье, отсутствовала, и совершенье обряда превращалось въ механическое, безпорядочное, торопливое отправленье «службы», не только лишенное умилительной и благоговѣйной настроенности, но часто перемѣшанное съ грубыми выходками священнослужителей и молящихся.

Стоглавый соборъ рисуетъ яркую картину безобразій обрядовой религіи.—«Попы по своимъ церквамъ поютъ безчинно, въ двое и въ трое, а міряне въ тѣ же поры промежъ себя глумленье творятъ, и всякія рѣчи говорятъ праздныя; а попы и церковные причетники въ церкви всегда пьяни и безъ страха стоятъ, и бранятся, и всякія рѣчи неподобныя всегда исходятъ изъ устъ ихъ; попы же въ церквахъ бьются и дерутся промежъ себя, а въ монастырехъ также творятъ».. (Стогл., гл. 5, вопр. 23). Тщетно Соборъ грозилъ отлученьемъ и лишеньемъ сана нарушителямъ церковнаго благочинія:—написанный 150 лѣтъ спустя другой памятникъ церковной жизни, Духовный Регламентъ, почти буквально повторяетъ приведенное мѣсто Стоглава, рекомендуя епископамъ «наблюдать, не безчинствуютъ ли священницы и діаконы и прочіи церковники, не шумятъ ли пьяни въ церквахъ, не дѣлаютъ ли церковнаго молебствія двоегласно, не храбрствуютъ ли въ бояхъ кулачныхъ» и проч. (Дух. Регл. Прибавленье о Прав. § 28). Грозный жалуется Стоглавому собору и на то, что попы рѣдко отправляютъ богослуженія въ церквахъ, а если и отправляютъ, то наспѣхъ, не трудясь даже надѣть соотвѣтствующее облаченье: «попы же мірскіе заутреню и вечерню въ церкви безъ ризъ во единой патрахили поютъ и у престола дѣйствуютъ и въ царскіе двери всегда ходятъ». (Стогл. ibid.). Едва ли тутъ имѣемъ дѣло съ однимъ небреженіемъ и лѣнностью: Посошковъ, писавшій полтора вѣка спустя послѣ Стоглаваго собора, когда бытъ духовенства не могъ существенно измѣниться, даетъ надлежащее объясненье такого отношенія къ обрядамъ *мірскихъ* поповъ, говоря, что «у насъ въ Россіи сельскіе попы питаются своею работою, и ничѣмъ они отъ пахатныхъ мужиковъ не отмѣнны: мужикъ за соху—и попъ за соху, мужикъ за косу—и попъ за косу, а церковь святая и духовная паства остаются въ сторонѣ»..

Своею личною жизнью и поведеніемъ духовенство разсматриваемаго періода стояло на высотѣ своего призванія еще менѣе, чѣмъ учительностью и обрядовымъ служеніемъ. Въ этомъ отношеніи едва ли не на первомъ мѣстѣ слѣдуетъ поставить сытое и праздное монашество. Уже Стоглавъ замѣчаетъ, что «въ монастырехъ нѣцыи чернецы и попы стригутся покоя ради тѣлеснаго, чтобы всегда бражничать и по селамъ ѣздятъ прохлады деля» (Стогл., гл. 5, вопр. 8). Флетчеръ пишетъ: «число монаховъ тѣмъ болѣе значительно, что они размножаются не только отъ суевѣрія жителей, но и потому, что монашеская жизнь наиболѣе отстранена отъ притѣсненій и поборовъ, падающихъ на простой народъ, что и заставляетъ многихъ надѣвать монашескую рясу, какъ лучшую броню противъ такихъ

нападеній». На вопросъ вологодскому епископу—«для чего онъ постригся въ монахи?» Флетчеръ получилъ чистосердечный отвѣтъ: «для того, чтобы покойно ѣсть хлѣбъ свой». И нѣкоторые ѣли настолько покойно, что тѣлесный обликъ ихъ далеко не отвѣчалъ ихъ положенію. Въ этомъ отношеніи Герберштейнъ приводитъ курьезный разсказъ про затрудненія митрополита Даніила, «человѣка едва тридцати лѣтъ отъ роду, съ здоровымъ и тучнымъ тѣломъ и краснымъ лицомъ. Для того, чтобъ не казаться преданнымъ болѣе желудку, чѣмъ постамъ, бдѣнію и молитвѣ, онъ всякій разъ, какъ намѣревался отправлять публично богослуженіе, обыкновенно дѣлалъ свое лицо блѣднымъ съ помощью сѣрнаго дыма и въ такомъ видѣ выходилъ предъ народомъ». Извѣстное посланіе Грознаго въ Кирилло-Бѣлозерскій монастырь тоже рисуетъ довольно привольное житье-бытье нѣкоторыхъ слоевъ монашества. Пьянство было, кажется, общераспространеннымъ порокомъ въ монастыряхъ. Стоглавый соборъ призналъ свое полное безсиліе въ борьбѣ съ этимъ зломъ монастырской жизни. Разсужденіе о «пьянственномъ питіи безмѣрномъ» представляетъ одну изъ краснорѣчивѣйшихъ страницъ Стоглава. Видимо, тема знакомая и вопросъ наболѣвшій. Рекомендуя «архіереямъ, іереямъ и діаконамъ беречься отъ пьянственнаго упойства», Стоглавый соборъ спѣшитъ сейчасъ же оправдаться въ принципіальномъ отрицаніи пьянства: «нигдѣ не написано, чтобъ не пить вина—*мы не будемъ таковая мудрствовати и запрещати*, но самъ Господь созда и повелѣ пити вино въ веселіе, а не во пьянство... Что повелѣваютъ св. отцы—пити по единой чашѣ или по двѣ, или по три, сего мы и слышати не хощемъ и о мѣрѣ чашъ онѣхъ, но такова наша мѣра есть: егда піяни будемъ, якоже себѣ не познати и не помнити множицею, даже и до блеванья, и тогда престанемъ пити»... (Стогл., гл. 32 и 52). Соборъ запретилъ держать крѣпкіе хмельные напитки во всѣхъ монастыряхъ, кромѣ Троицко-Сергіева; но, по сообщенію Олеарія, монахи, приходя въ міръ къ своимъ пріятелямъ, не только напивались, но и требовали снабдить ихъ виномъ въ монастырь.

Бѣлое духовенство въ этомъ отношеніи не отставало отъ своихъ черноризныхъ собратій. Олеарій, говоря, вообще, о пьянствѣ бѣлаго духовенства, приводитъ отталкивающую картинку съ натуры.

— «Я видѣлъ—разсказываетъ онъ,—одного попа, шатавшагося пьянымъ на улицѣ только въ одномъ кафтанѣ, или нижнемъ платьѣ (верхній кафтанъ свой онъ, безъ сомнѣнія, заложилъ въ кабакѣ). Проходя мимо гостиницы, въ которой я остановился, онъ хотѣлъ, по обыкновенію своему, благословить стрѣльцовъ, державшихъ стражу, но въ это время, когда онъ, простерши руку, нѣсколько наклонился, голова у него отяжелѣла, и онъ упалъ прямо въ грязь. Стрѣльцы подняли его на ноги, и онъ все-таки благословилъ ихъ, хотя и вымаранными въ грязи перстами. Такъ какъ подобныя зрѣлища повторяются ежедневно, то никто изъ русскихъ не обращаетъ на это никакого вниманія»... Мы въ другомъ мѣстѣ приводимъ разсказъ Герберштейна о томъ, какъ на его глазахъ публично подвергали тѣлесному наказанію пьяныхъ поповъ.

Но «питіе безмѣрное» представляется невиннымъ недостаткомъ сра-

Патріаршій Соборъ.

Москва
въ ея
прошломъ
и настоящемъ

внительно съ другими пороками, очень распространенными, особенно въ монашеской средѣ. Большой соблазнъ для мірянъ представляла практика совмѣстнаго сожительства иноковъ съ монахинями. «Извѣстно увѣдѣхомъ, отъ св. правилъ апостольскихъ, — говорятъ отцы Собора, что черницамъ и черницамъ не подобаетъ въ одномъ монастырѣ быти. А прежде сего здѣ жили черницы и черницы въ одномъ монастыри» (Стогл., гл. 82). Еще курьезнѣе по своему наивному цинизму былъ обычай «инокомъ и инокинямъ въ баню ходити и мытися въ банѣхъ въ одномъ мѣстѣ безъ зазора» (Стогл., гл. 41, вопр. 18). Не безъ опредѣленнаго смысла Грозный поставилъ на видъ Собору, что «по келіямъ жонки и дѣвки небрежно приходятъ, а робята молодые по всѣмъ келіямъ живутъ невозбранно»; не двусмысленно и постановленіе Стоглаваго Собора, чтобы «архимандриты, игумены, строители, соборные старцы и вся братія по келіямъ молодыхъ робятъ голоусовъ не держали» (Стогл., гл. 5, в. 9 и гл. 49).—Въ средѣ бѣлаго духовенства вдовые священники вели себя такъ распутно, что Соборъ вынужденъ былъ для пресѣченія соблазна прибѣгнуть къ рѣшительной мѣрѣ—запретить всѣмъ вдовымъ священникамъ совершать литургію.. (Стогл. гл. 5, в. 19 и гл. 81).

Послѣ всего сказаннаго насъ не удивитъ вложенная Максимомъ Грекомъ въ уста Бога рѣчь къ русскому духовенству: «Священники мои, наставники новаго Израиля! Вы должны быть свѣтомъ міру, солію земли, образцами цѣломудреннаго житія; а нынѣ вы сдѣлались наставниками всякаго безчинія и соблазномъ для вѣрныхъ и невѣрныхъ: объѣдаетесь, упиваетесь, досаждаете другъ другу и отъ многаго винопитія возбуждаете суетные споры; во дни божественныхъ праздниковъ моихъ, когда вамъ надлежало бы вести себя трезво и благочинно и показывать другимъ примѣръ, вы предаетесь пьянству, безчинству... Моя вѣра и божественная слава дѣлаются предметомъ смѣха у язычниковъ, видящихъ ваши нравы и ваше нечестивое житіе»...

Собственно говоря, лучшимъ духовенство и не могло быть. Какъ дѣтище эпохи развитія сословно-крѣпостной монархіи, оно наряду съ другими классами русскаго общества только отражало въ себѣ основной духъ эпохи рабскихъ и рабовладѣльческихъ инстинктовъ и вытекающихъ изъ нихъ пороковъ. Пороки эти тѣмъ больше били въ глаза, чѣмъ дальше жизнь духовенства, поступившаго на службу государству, уклонялась отъ идеаловъ церкви, воплощавшихся порой въ жизни и дѣятельности отдѣльныхъ лицъ, которыя хотя и далеки были отъ вселенскихъ образцовъ духовнаго горѣнія, но тѣмъ не менѣе свѣтились въ окружающей тьмѣ привлекательнымъ свѣтомъ. Разумѣю такихъ подвижниковъ, какъ митр. Филиппъ, патріархъ Гермогенъ, Максимъ Грекъ и др.

Но все это были слишкомъ случайные и единичные свѣточи, которые не въ силахъ были разогнать окружавшую ихъ тьму и своимъ существованіемъ только больше оттѣняли ея сущность и роковую непреодолимость, и не мудрено: духовенство настолько проникалось основными свойствами разсмотрѣнной эпохи, что и доселѣ не можетъ отрѣшиться отъ многихъ изъ этихъ отмѣченныхъ нами «наслѣдственныхъ чертъ».

Изъ Псалтыря Суздальскаго монастыря XVI в.

Москва и старая вѣра.

С. П. Мельгунова.

Трудно, быть можетъ, обозрѣвателю прошлаго перенестись въ отдаленную эпоху сѣдой старины и зажить чувствами и мыслями людей XVII столѣтія. Эти чувства и мысли, пожалуй, иногда для насъ и непонятны именно потому, что мы не можемъ оцѣнить всѣхъ душевныхъ переживаній тѣхъ отдѣльныхъ личностей, съ которыми знакомятъ насъ сухіе документы прошлаго. По архивнымъ свиткамъ не всегда можно уловить психологическіе мотивы дѣйствій тѣхъ современниковъ, о которыхъ мы судимъ. Мы подчасъ слишкомъ далеки отъ ихъ чувствъ и мыслей, и невольно современные намъ идеалы переносимъ въ отдаленное прошлое. Не потому ли «расколъ» въ XVII в. и до сихъ поръ рисуется нашему взору въ видѣ чего то очень коснаго? Мы слышимъ о шумной борьбѣ партій и настроеній, центромъ которой является Москва второй половины XVII вѣка; мы встрѣчаемся съ глубоко драматическими эпизодами въ описаніи этой борьбы, преисполненной мужества, героизма и страданій. И тѣмъ не менѣе какъ бы не рѣшаемся назвать наблюдаемую борьбу идейной. Скорѣе съ нѣкоторымъ разочарованіемъ закрываешь хартіи прошлаго,—съ нѣкоторымъ сожалѣніемъ о томъ, что столько жизненной силы и энергіи потрачено на защиту отжившихъ идеаловъ, на защиту незыблемыхъ обычаевъ и косныхъ традицій... Передъ нами богатырь-протопопъ Аввакумъ, который боролся, страдалъ и умеръ за «едину букву азъ». Мы готовы отдать должное его самоотверженію и личному подвигу, и въ то же время закрадывается чувство неудовлетворенія, что столь замѣчательная личность погибла въ тенетахъ предразсудковъ и фанатизма. И мы готовы какъ бы привѣтствовать мощную руку царя-чернорабочаго, который хотя и грубо, при помощи «дубинки» вывелъ Россію изъ летаргическаго состоянія соннаго царства, царства умственной тѣсноты и домостроевскихъ традицій.

Не таково ли въ дѣйствительности обычное представленіе наше о старой Москвѣ, столь враждебной «своевольному высокоумію и опасному

вольнодумству», властно врывающимся съ еретическаго и злокозненнаго Запада?

А между тѣмъ, пожалуй, трудно найти въ исторіи Россіи другую эпоху, когда бы такъ интенсивно работала общественная мысль. И это отнюдь не была только судорожная борьба отживающей старины съ новой умственной культурой, борьба новыхъ людей западно-европейскаго міросозерцанія съ представителями старой Руси, національной косности и невѣжественнаго самомнѣнія. Изъ-подъ покрывала кажущагося фанатизма столь же отчетливо выступаютъ элементы и сознательной, продуманной борьбы, борьбы, полной интереса и жизненности. Эта идейная борьба облечена и въ политическую тогу. Охватывая широкіе народные слои, она получаетъ такую же соціальную окраску. Такъ, за внѣшними лѣсами вскрываются истинныя причины того народнаго движенія, которое все можно объединить однимъ терминомъ «расколъ».

Сойдемъ въ низы московскаго общества, и тамъ за слѣпой ненавистью къ Западу, за невѣжественной защитой традиціоннаго, какъ бы вѣкового мышленія — мы найдемъ глубокія основанія для народнаго недовольства.

Неприглядно на первый взглядъ «старое» въ московскомъ государствѣ Это старое привело уже къ крупному потрясенію всѣхъ государственныхъ основъ въ эпоху великой разрухи. Но новое, пришедшее на смѣну стараго, или, вѣрнѣе, возродившее старое еще большимъ гнетомъ легло на народный трудъ и народное сбереженіе. Отсюда и то «бунташное» настроеніе, которымъ отмѣчено все XVII столѣтіе. Растетъ и укрѣпляется сословно-бюрократическій строй Московскаго государства, и противъ этого зарождающагося полицейскаго государства, противъ приказнаго строя и «кровопійцевъ», противъ крѣпостническаго и фискальнаго гнета идетъ непрерывная народная борьба. Въ моментъ укрѣпленія и роста новыхъ порядковъ, т. е. въ моментъ, когда они особенно остро должны восприниматься, народная масса реагируетъ на нихъ въ формѣ самыхъ рѣзкихъ и активныхъ протестовъ. Вторая половина XVII вѣка, можно сказать, классическій вѣкъ народныхъ волненій. Достаточно припомнить іюльскій бунтъ 1648 г. въ Москвѣ, когда царю Алексѣю пришлось бить челомъ «всему міру» и обѣщать удовлетворить «простолюдиновъ» новыми «хорошими законами»; отзвуки бунта въ провинціи, хотя бы въ Новгородѣ и Псковѣ, гдѣ также въ сущности торжествуютъ «воры-гилевщики», гдѣ даже устанавливается временное правительство; мѣдный бунтъ въ Москвѣ въ 1662 г., когда царю Алексѣю пришлось рукобитіемъ подтвердить свое обѣщаніе данное «злымъ людямъ», а затѣмъ переказнить 15000 «воровъ»; Разиновскую драму, стоившую болѣе ста тысячъ народныхъ жертвъ и оставившую надолго неизгладимое впечатлѣніе въ народной психикѣ; стрѣлецкіе бунты, которые народное сознаніе отождествляло со всѣми движеніями «воровъ-гилевщиновъ» и которые закончились знаменитыми Петровскими розысками; наконецъ—казацкія волненія подъ знаменемъ «старой вѣры» на Дону съ 80—90 г.... Достаточно остановиться на этомъ голомъ перечнѣ, чтобы воспроизвести если не яркую, то достаточно полную картину народнаго протеста во второй половинѣ XVII столѣтія. Рука объ руку съ этими

активными формами народнаго протеста идетъ широкій потокъ бѣгства изъ центра на окраины: міръ городской, міръ деревенскій въ «одиночку» и «скопомъ» бѣжитъ отъ «большихъ податей, отъ воеводскихъ налоговъ и посуловъ и отъ солдатскихъ наборовъ». Уже въ серединѣ вѣка изъ Москвы, «какъ изъ тюрьмы», по наблюденію современниковъ, бѣжитъ и переселяется народъ.

Нельзя не учитывать этого почти всеобщаго, господствующаго настроенія въ народной массѣ, когда рѣчь заходитъ о чисто церковномъ явленіи, какимъ на первый взглядъ представляется «расколъ». Самъ по себѣ призывъ къ протесту противъ никоновскихъ реформъ не заключалъ ни соціальныхъ, ни политическихъ элементовъ, но онъ падалъ на раскаленную почву, и въ народномъ сознаніи церковная реформа являлась какъ бы завершеніемъ крѣпостного ярма, какъ бы вѣнцомъ личной неволи и государственной кабалы. Религія и мірская жизнь объединялись въ одномъ общемъ протестѣ. Старое идеализировалось и противопоставлялось «нѣмецкому злодѣйству»—вторженію этого иноземнаго приписывался ростъ экономическихъ и соціальныхъ тяготъ. «Старое» становится синонимомъ вольности и освобожденія отъ общественнаго зла. «Старая вѣра» становится девизомъ борьбы за экономическое благополучіе, за соціальное равенство и политическую свободу. «Старая вѣра»—это идейное знамя для народной оппозиціи, придавшее стихійнымъ народнымъ движеніямъ характеръ планомѣрной борьбы, характеръ борьбы не за одни только матеріальныя блага. Потому народная оппозиція и оказалась столь длительной и жизненной, что въ основѣ ея лежали болѣе глубокіе корни и причины, чѣмъ узкій націонализмъ и старовѣрческій фанатизмъ, предразсудки и невѣжество.

Перейдя отъ низовъ къ верхамъ общества, къ тѣмъ, кому суждено было сдѣлаться руководителями движенія, положившаго начало старообрядчеству, пожалуй, также придется отказаться отъ значительной доли обычныхъ сужденій. По крайней мѣрѣ придется внести существенный коррективъ въ утвержденіе, что защита національной старины явилась только «плодомъ умственной тѣсноты и умственной ограниченности», какъ въ свое время думалъ Забѣлинъ. Этотъ коррективъ неизбѣженъ уже потому, что въ наши дни достаточно выяснены и самый характеръ реформъ патріарха Никона и въ значительной степени обоснованность того шумнаго протеста, который вызвали въ извѣстныхъ слояхъ московскаго общества никоновскія церковныя начинанія. Нельзя уже изображать расколъ, происшедшій въ московскомъ обществѣ въ серединѣ XVII столѣтія, только въ видѣ протеста невѣжественной среды противъ среды мыслящей. Первые расколоучители далеко не были тѣми обскурантами, которыми ихъ готовы у насъ такъ часто представить. Какъ разъ въ значительной степени на ихъ сторонѣ были, пожалуй, и умъ и талантъ, имъ нельзя отказать даже въ большой начитанности для своего времени. Замѣчательная фигура протопопа Аввакума дѣйствительно рѣзко выдѣляется изъ окружающей среды современниковъ.

Люди церковнаго круга, далекіе по своему настроенію и призванію отъ мірскихъ интересовъ и свѣтской жизни, первые расколоучители, ко-

Прѣсненскіе пруды.

Москва
ея
прошломъ
и
настоящемъ

нечно, мало имѣли общаго съ тѣми передовыми новыми людьми, поклонниками западно-европейской культуры, которыхъ выдвинуло переходное время второй половины XVII столѣтія. Церковные проповѣдники и обличители, воодушевленные аскетическими идеалами благочестиваго житія, святыхъ монашескихъ подвиговъ «во вся дни, нощи и часы»,—понятно, они были очень далеки отъ новыхъ путей жизни, пробивающихся въ старой Москвѣ. Правда, въ этой патріархальной старой Москвѣ вся жизнь была тѣсно и неразрывно связана съ церковнымъ обиходомъ, вся жизнь была прикрыта религіозной пеленой; иногда трудно разграничить эти двѣ сферы—область мірской жизни отъ области религіозной, гдѣ царь, являясь главой государства, въ той же мѣрѣ былъ и церковнымъ устроителемъ. Однако западничество уже сбрасывало эту теократическую опеку, оно шло по пути секуляризаціи общественной мысли и общественнаго обихода. Но это было явленіе новое, въ основѣ своей чуждое старозавѣтнымъ идеаламъ Руси. Сопоставлять поэтому западничество и церковное реформаторство XVII вѣка врядъ ли представляется возможнымъ. Это—два враждебныхъ явленія, какими всегда и всюду были церковь и свѣтская мысль.

Аввакума и его друзей мы должны взять въ той обстановкѣ, въ которой имъ пришлось дѣйствовать, и сопоставить съ патріархомъ Никономъ и его сторонниками.

Въ Никонѣ прежде готовы были видѣть своего рода предшественника Петра. Въ дѣятельности Никона готовы были усмотрѣть поворотъ «отъ стараго Домостроя къ новинѣ Петровской». Пожалуй, здѣсь было нѣчто общее, но только во внѣшнихъ пріемахъ проведенія реформъ. Смѣлая рука Никона такъ же рѣзко коснулась «завѣтнаго начала жизни» старой Москвы, какъ впослѣдствіи грубая рука царя-мастерового рѣзала непослушныя бороды и головы. Никонъ и Западъ—это два полюса. Никонъ—воплощеніе тѣхъ самыхъ византійскихъ началъ, которыя дѣйствительно рабски сковывали московское общество и воспитывали его въ исключительной враждѣ ко всему, что шло съ болѣе культурнаго Запада. Никонъ—крупная фигура, человѣкъ несомнѣнно сильной воли, но это фанатикъ своихъ грекофильскихъ симпатій съ момента занятія патріаршаго престола. Онъ въ сущности одинъ изъ наиболѣе видныхъ вождей того теченія въ московскомъ обществѣ, которое на Востокѣ, въ Византіи, какъ бы ищетъ противовѣса вторгающемуся Западу.

Это теченіе опредѣленно кристаллизируется въ серединѣ столѣтія; оно тѣсно связано съ офиціальной церковью, въ теоріи, находящейся въ содружествѣ со свѣтской властью, въ дѣйствительности же въ полномъ подчиненіи у послѣдней.

Въ глазахъ огромнаго большинства московскаго общества церковный авторитетъ грековъ давно уже палъ. Но его вновь пытаются возродить въ офиціальныхъ кругахъ. Первымъ грекофиломъ выступаетъ еще патріархъ Филаретъ, который въ цѣляхъ согласованія русской церкви съ греческой производитъ уже нѣкоторыя церковныя исправленія, который пытается завести и греческую школу на патріаршемъ дворѣ. Въ 1644 г. появляется «Кириллова книга»,—этотъ своего рода пробный шаръ въ смыслѣ подго-

товки московскаго общественнаго мнѣнія въ пользу грековъ. Черезъ четыре года царскій духовникъ Стефанъ Вонифатьевъ издаетъ «Книгу о вѣрѣ», написанную кіевскимъ игуменомъ Нафанаиломъ—она имѣетъ опредѣленную задачу показать непогрѣшимость греческаго авторитета въ церковныхъ дѣлахъ. Чѣмъ же надо объяснить этотъ поворотъ въ правящихъ церковныхъ кругахъ? Дѣятельность патріарха Никона отчетливо объясняетъ намъ происхожденіе и развитіе этой тенденціи.

Стремленіе къ согласованію русской и восточныхъ церквей объясняется широкими перспективами, которыя рисуются правительству и офиціальной церкви. Они уже не довольствуются установленіемъ и признаніемъ независимой національной церкви, не находящейся въ духовно-іерархическомъ подчиненіи отъ Византіи. Политическая идеологія давно уже поставила Московское царство въ положеніе какъ бы законной преемницы византійской монархіи, а вмѣстѣ съ тѣмъ и возвела московскаго самодержца въ санъ «храздодержателя святыхъ Божіихъ престоловъ святой *вселенской* церкви». Реальное осуществленіе идеи этой вселенской церкви подъ главенствомъ Москвы и становится однимъ изъ утопическихъ мечтаній московскаго правительства.

Царь Алексѣй не безъ удовольствія выслушивалъ льстивыя слова прибывавшихъ въ Москву греческихъ іерарховъ, провозглашавшихъ «московскаго властелина» новымъ Моисеемъ, который долженъ объединить всѣ православные народы подъ своимъ скипетромъ, «быти на вселеннѣй царю и самодержцу христіанскому и возсіяти, яко солнцу посреди звѣздъ». Московскіе самодержцы искони мечтали быть «превыше всѣхъ царей». Эти заманчивыя перспективы раскрывали передъ ними льстивые восточные іерархи, пріѣзжавшіе въ Москву въ цѣляхъ матеріально поживиться за счетъ «Руси глупой, ничтоже свѣдущей», какъ выражался впослѣдствіи одинъ изъ книжныхъ справщиковъ, Сильвестръ Медвѣдевъ. Но какъ могла осуществиться желанная политическая мечта? Какъ осуществить ту мессіанскую роль, которая выпадала на долю царя Алексѣя и его преемниковъ? Преемникъ византійскаго императора долженъ былъ являться и охранителемъ византійскаго православія. Слѣдовательно, первый этапъ долженъ былъ заключаться въ единеніи русской и восточныхъ церквей. Національная русская церковь должна была находиться «согласна во всемъ и купночинна» съ церковью византійской, чего въ дѣйствительности во внѣшнемъ ритуалѣ давно уже не было. А эта внѣшняя обрядовая сторона неразрывными узами была связана съ догматической стороной, какъ въ сущности она связана и въ наши дни у огромнаго большинства людей. Обрядъ и догматъ—это два спаянныхъ звена каждой религіи, каждой церковной организаціи. Понятно, что при такихъ условіяхъ царь Алексѣй долженъ былъ сдѣлаться горячимъ сторонникомъ той церковной реформы, которая должна была привести къ установленію полной солидарности между церквами русской и восточной. Въ силу положенія, которое уже занималъ въ церковной организаціи «высочайшій святой самодержецъ»—если неофиціальный глава, то ея главный охранитель и блюститель—естественно, царь Алексѣй долженъ былъ явиться въ значительной степени и иниціаторомъ

той рѣшительной реформы церковнаго объединенія, которая была проведена при Никонѣ. Такъ и было въ дѣйствительности, какъ отчетливо выясняетъ послѣднее изслѣдованіе проф. Каптерева «Царь Алексѣй и патріархъ Никонъ».

Никонъ вполнѣ раздѣляетъ политическія мечтанія царя Алексѣя: еще въ своей привѣтственной рѣчи при посвященіи въ санъ патріарха онъ желаетъ московскому правительству распространить царство свое «отъ моря до моря и отъ рѣкъ до конца вселенныя». Въ его мечтахъ рисуется та же вселенская церковь подъ главенствомъ московскаго патріарха. Только на цезаро-папизмъ Византіи Никонъ хочетъ надѣть папскую тогу. Патріархъ-государь долженъ въ теоріи стать выше свѣтской власти. Теократія—таковъ идеалъ Никона, идеалъ, который онъ лелѣялъ еще въ бытность новгородскимъ митрополитомъ и который долженъ былъ на патріаршемъ престолѣ, конечно, раскрывать лишь иносказательно.

Только на судѣ, когда уже не оставалось сомнѣнія въ отрицательномъ рѣшеніи вопроса о «великомъ государствованіи» патріарха, Никонъ болѣе опредѣленно развилъ свои теоретическіе взгляды. «Древніе уставы греческія—писалъ Никонъ—повѣдаютъ сице: два меча владычествовати... владычества, духовное и мірское, тѣми двѣма мечами содержится. Который изъ нихъ вышній и достойнѣйшій—едино разумѣютъ тако, еже бы царь вышній былъ, ниже архіерей... Нѣцые тако утверждаютъ, яко архіерей вышши есть неже царь». Никонъ самъ всецѣло склоняется на сторону «разумѣнія» тѣхъ «ученыхъ», которые утверждаютъ, что «власть царская имать быти повинна власти архіерейской», и поясняетъ свою мысль метафорой: «Сего ради яснѣйше: царь имать быти менѣе архіерея и ему въ повиновеніи»... «Господь Богъ всесильный егда небо и землю сотворилъ, тогда два свѣтила солнце и мѣсяцъ на немъ (небѣ) ходяще, на земли свѣтите повелѣ: солнце намъ показа власть архіерейскую, мѣсяцъ же показа власть царскую, ибо солнце вящи свѣтитъ во дни, яко архіерей душамъ, меньшее же свѣтило—въ нощи еже есть тѣлу; яко же мѣсяцъ емлетъ себѣ свѣтъ отъ солнца... такожде и царь. Таковое есть то разнство между тѣми двумя лицами во всемъ христіанствѣ, яковая есть между солнцемъ и луною...»

Грекофильскія симпатіи такимъ образомъ тѣсно связывали въ первое время Никона и Алексѣя—и тотъ и другой любили «греческіе обряды», какъ отмѣчаетъ современникъ Павелъ Алепскій,—но различіе въ конечныхъ цѣляхъ неизбѣжно должно было привести къ разрыву, такъ какъ московскій самодержецъ отнюдь не склоненъ былъ идти на уступки теократическимъ вожделѣніямъ московскаго патріарха. Этотъ разрывъ пророчески предсказывалъ Никону еще одинъ изъ первыхъ вождей старообрядчества Іоаннъ Нероновъ: «да время будетъ и самъ съ Москвы ископчишь». Московская практика давно уже переписала Божье достояніе на царское имя,—и, слѣдовательно, гордая теорія папизма пришла слишкомъ поздно. Тѣмъ болѣе была она неумѣстна, что и въ общественномъ настроеніи не находила себѣ поддержки; скорѣе обратно—«папежская ересь» Никона вызвала большой протестъ среди тѣхъ, кто являлся вождемъ старообрядчества.

И очень часто эту группу выставляютъ какъ бы прямыми продолжателями іосифлянскихъ націоналистическихъ традицій, провозглашавшихъ союзъ церкви и государства съ пріоритетомъ послѣдняго, приглашавшихъ мечъ государственный стоять на стражѣ интересовъ церковныхъ. Но не кроется ли здѣсь одинъ изъ роковыхъ предразсудковъ, которые окружили слишкомъ уже густой пеленой обскурантизма и реакціи первые годы жизни московскаго старообрядчества?

Мы слышимъ, правда, первоначально, обращенные къ свѣтской власти призывы остановить реформы Никона. Эти обращенія были болѣе чѣмъ естественны, потому что реформы производятся по иниціативѣ свѣтской власти, потому что свѣтская и церковная власти фактически почти слиты между собой. Но одновременно съ этими призывами идутъ и протесты противъ единоличныхъ распоряженій свѣтской и церковной властей, требованія соборнаго рѣшенія по вопросу о церковныхъ реформахъ. Въ этомъ соборѣ, по воззрѣнію Іоанна Неронова, должны принять участіе и мірскіе выбранные люди—соборъ долженъ быть какъ бы гласомъ народа. Къ этому народу непосредственно обращаетъ свои первые призывы съ протестомъ противъ никоновскихъ реформъ Аввакумъ. Если первоначально тактическія соображенія сами по себѣ какъ бы инстинктивно заставляютъ обращаться къ свѣтской власти, искони занимавшей мѣсто устроительницы церковныхъ дѣлъ, если персональныя отношенія къ царю у первыхъ вождей старообрядчества побуждаютъ къ тому же, то по мѣрѣ порчи этихъ отношеній, по мѣрѣ выясненія характера реформъ, назрѣванія конфликта проповѣдь церковной оппозиціи пріобрѣтаетъ уже болѣе опредѣленный и послѣдовательный характеръ. Она выливается въ концѣ концовъ въ форму протеста противъ насильственной ломки установившихся религіозныхъ традицій и обрядовъ, противъ насилія надъ свободой совѣсти, противъ вмѣшательства даже свѣтской власти въ церковныя дѣла. Она приводитъ къ принципіальному отрицанію основныхъ положеній іосифлянской политики. Царь не долженъ «владѣть церковью», какъ характерно выражается Аввакумъ. Именно вмѣшательство свѣтской власти—«градское казненіе» создаетъ религіозныя гоненія, противъ которыхъ въ концѣ своей литературной дѣятельности такъ ярко выступилъ Аввакумъ: «огнемъ, да кнутомъ, да висилицею» нельзя утвердить вѣру. Столь же рѣзко Аввакумъ выступаетъ и противъ пастырей, которые ради благъ земныхъ «такъ и сякъ готовы на одномъ часу перевернуться»: «своими руками готовы неповинныхъ кровь проліяти и исповѣдниковъ православныя вѣры во огнь всаждать»—пишетъ онъ въ посланіи къ царю Ѳеодору. «Хороши законоучители. Да што на нихъ! Таковые нарокомъ поставлены, яко земскія ярыжки,—что имъ велятъ, то и творятъ. Только у нихъ и вытвержено: а-се, государь, во-се, государь, добро, государь...» Они только потакаютъ царю: «жги, государь, христіанъ тѣхъ, а намъ, какъ прикажешь, такъ мы въ церкви и поемъ; во всемъ тебѣ, государю, не противны, хотя и медвѣдя дай намъ въ алтарь, и мы рады тебя, государя, тѣшить, лишь намъ погреба давай, да кормы со дворца».

Своеобразная теорія своего рода отдѣленія церкви отъ государства, развитая талантливымъ протопопомъ, конечно, вытекала изъ сознанія, что

Въѣздъ ПЕТРА I въ Москву послѣ Полтавской битвы.

дѣло проиграно вслѣдствіе поддержки, которую оказываетъ свѣтская власть церковнымъ начинаніямъ и, наконецъ, изъ чувствъ разочарованія въ самомъ царѣ Алексѣѣ, къ которому Аввакумъ относился въ сущности съ такой большой душевностью до самаго послѣдняго времени: «ну, да хотя государь меня и собакамъ приказалъ выкинуть, да еще благословлю тя благословеніемъ послѣднимъ» — пишетъ онъ въ заключеніе одного изъ посланій царю, упрекая его за преслѣдованія.

Быть можетъ, Аввакуму постепенно выяснялось и то, что мы хорошо знаемъ теперь—что именно царь былъ однимъ изъ иниціаторовъ проведенія реформъ въ духѣ «никоновскихъ новинокъ». У Аввакума несомнѣнныя и рѣзкія противорѣчія, но не слѣдуетъ ли это отчасти объяснять и непосредственностью его впечатлительной натуры? Онъ дѣйствуетъ подъ вліяніемъ порыва, но онъ всегда искренен. Съ другой стороны, новыя мысли лишь нащупывались и не могли вылиться въ достаточно отчетливыхъ формахъ. Но какими мотивами ни объяснять призывъ къ вѣротерпимости, непрестанно повторяющійся въ устахъ учениковъ протопопа, нельзя будетъ не признать, что эта антиосифлянская политика становится въ концѣ концовъ доминирующимъ настроеніемъ всего сторообрядческаго міра, разорвавшаго связи съ міромъ никоніанскимъ.

Окончательный разрывъ между сторонниками никоновскихъ реформъ и ихъ противниками происходилъ постепенно, по мѣрѣ выясненія характера самихъ реформъ и ихъ осуществленія. Грекофильскія тенденціи получаютъ какъ бы правительственную санкцію еще до занятія Никономъ въ 1652 г. патріаршаго престола. Въ 1649—1650 гг. прибываютъ въ Москву тѣ малорусскіе ученые—Арсеній Сатановскій, Дамаскинъ Птицкій, Епифаній Славенецкій, которые должны были заняться исправленіемъ церковнаго чина въ духѣ согласованія его съ греческой практикой. Домъ боярина Ѳеодора Ртищева, покровительствовавшаго кіевлянамъ, превращается въ своего рода общественный салонъ, гдѣ идутъ горячіе споры по вопросу о церковной реформѣ. Цѣлыя ночи проходятъ въ этихъ бесѣдахъ, на которыхъ выступаютъ и нѣкоторые изъ будущихъ вождей старообрядчества. Московское общество проявляетъ большой интересъ къ вопросу, ставшему какъ бы очереднымъ; объ этомъ свидѣтельствуетъ успѣхъ, которымъ пользуются литературныя произведенія, затрагивающія эти вопросы: «Книга о вѣрѣ» и донесенія Арсенія Суханова о наблюденіяхъ, произведенныхъ имъ на Востокѣ—донесенія, которыя опровергали выводы грекофильской партіи и доказывали, что греки не могутъ быть «источникомъ» вѣры. Въ послѣднихъ донесеніяхъ видѣть здѣсь только націоналистическое самомнѣніе и невѣжество нельзя уже потому, что свои выводы Сухановъ аргументируетъ непосредственными наблюденіями надъ тѣми «небреженіями», которыя допускаютъ греки. Въ 1650 г. на Аѳонѣ сжигаютъ московскія богослужебныя книги, какъ еретическія. Для грекофильской партіи это былъ сильный ударъ, ставившій вопросъ о церковныхъ исправленіяхъ ребромъ. Для противниковъ грековъ это событіе отнюдь не могло служить поводомъ измѣнить установившуюся церковную практику, ибо греческіе источники давно уже «пересохли». Выводы Арсенія Суханова вполнѣ гармо-

нировали съ господствующей въ московскомъ обществѣ точкой зрѣнія. Пріѣзжіе греки лишь еще болѣе дискредитировали въ глазахъ московскаго общества авторитетъ греческой церкви. Въ самомъ дѣлѣ, эти греческіе іерархи, пріѣзжавшіе въ Москву для полученія подачекъ и даровъ отъ царскихъ щедротъ, занимающіеся въ Москвѣ продажей индульгенцій — разрѣшительныхъ граматъ и за «пѣнязи» готовые «всякія святыни обращать въ товаръ», по ядовитому замѣчанію Юрія Крижанича, неумѣренно льстившіе московскому самодержцу и всѣмъ власть имущимъ — не могли имѣть вѣса въ московскомъ общественномъ мнѣніи.

И когда начались церковныя реформы, единолично проводимыя Никономъ съ одобренія свѣтской верховной власти; когда эти реформы ломали московскую церковную старину во имя греческаго авторитета, они вызвали громкую оппозицію. «И не во имя только косной защиты» ненарушимыхъ традицій раздался этотъ протестъ: онъ былъ шире и глубже. Протестовали не невѣжественные фанатики, а скорѣе тѣ, въ комъ привычка къ церковному послушанію не убила еще самостоятельности мысли. Вожди старообрядчества далеко не были принципіальными противниками церковныхъ реформъ, не были они и противниками книжнаго исправленія, но они протестовали противъ односторонности реформъ, противъ слѣпого поклоненія греческому авторитету, противъ измѣненій церковнаго чина только потому, что не такъ было у грековъ: въ каждой странѣ свои обычаи—замѣчаетъ Аввакумъ. Въ литературныхъ произведеніяхъ первыхъ противниковъ Никона (Лазаря и особенно Ѳеодора дьякона) церковная реформа Никона подвергнута строгой и детальной критикѣ. И съ полнымъ правомъ въ наши дни можно сказать, что аргументація ихъ далеко не такъ невѣжественна, какъ она представлялась обычно въ огромномъ большинствѣ историческихъ изслѣдованій. Теперь безспорно уже доказаны односторонность, мелочность, неряшливость и часто полная необоснованность реформаторскихъ начинаній патріарха Никона и въ особенности книжнаго исправленія. Мы знаемъ, что старообрядческіе вожди были глубоко правы, утверждая, что новыя церковныя книги правлены «не съ древнихъ греческихъ рукописьменныхъ и славянскихъ», а съ «новогреческихъ печатныхъ книгъ» съ «венеціанскихъ» изданій; что они были правы, утверждая, что въ московскомъ обрядовомъ благочестіи не было искаженій по сравненію со стариной. Исправленіе книгъ по древнимъ рукописямъ при Никонѣ, какъ нынѣ доказано проф. Каптеревымъ, было фикціей. Никоновскія реформы во всѣхъ областяхъ церковной жизни это дѣйствительно рабское слѣдованіе за византійскими образцами, это перенесеніе сокременной ему византійской практики въ Москву. Въ силу такого характера реформы патріарха Никона и не были убѣдительны для значительнаго большинства представителей московскаго общества.

Никонъ круто расправился съ противниками своихъ реформъ: Неронов, Логгинъ, Даніилъ, Лазарь, Аввакумъ—всѣ отправились въ ссылку. Прежде это были друзья Никона, при помощи которыхъ онъ получилъ патріаршество, друзья, съ которомъ онъ, видимо, былъ солидаренъ въ вопросѣ о церковныхъ преобразованіяхъ. По крайней мѣрѣ его считали

противникомъ грековъ, но съ полученіемъ власти измѣнились и его воззрѣнія. «Яко лисъ» поступилъ Никонъ, по характеристикѣ Аввакума. И тѣмъ рѣзче былъ протестъ лично противъ Никона, не оправдавшаго возлагаемыхъ на него надеждъ.

Трудно, конечно, сказать, насколько искрененъ былъ Никонъ въ своемъ поведеніи. Во всякомъ случаѣ, попавъ въ Москву въ кружокъ грекофиловъ, Никонъ отчетливо могъ себѣ представить выгоду, которую представляла идея осуществленія вселенной церкви для обоснованія независимой церковной власти. О независимости церковной власти отъ свѣтской Никонъ, какъ мы знаемъ, мечталъ еще въ Новгородѣ. Это такъ ярко сказалось въ инсценировкѣ перенесенія мощей митрополита Филиппа изъ Соловецкаго монастыря въ Москву. Позже на соборѣ 1666 г. царь Алексѣй съ явной обидой вспоминалъ о томъ «безчестіи и укоризнѣ», которыя Никонъ нанесъ царской власти, когда въ молебной граматѣ, обращенной къ мощамъ, царь долженъ былъ признать «согрѣшенія» прадѣда своего, совершенныя «неразсудно завистью и несдержанной яростью». Царь долженъ былъ преклонить «санъ свой царскій за согрѣшившаго» противъ митрополита.

Самый опасный противникъ Никона, благодаря своему страстному темпераменту, горячему убѣжденію и энергіи — Аввакумъ попадаетъ въ ссылку, въ Сибирь, въ Тобольскъ. Аввакума арестуютъ во время церковной службы въ стѣнахъ нероновскаго дома—здѣсь онъ собрался «съ братіею о Господѣ бдѣти, ибо, въ иную пору—какъ замѣчаетъ протопопъ—и конюшня лучше церкви бываетъ». Его сажаютъ въ темный погребъ на цѣпь въ Андроніевомъ монастырѣ и такъ безъ пищи держатъ трое сутокъ. Затѣмъ начинаются увѣщеванія и истязанія въ теченіе цѣлаго мѣсяца. «У церкви за волосы дерутъ и подъ бока толкаютъ и за чѣпь торгаютъ и въ глаза плюютъ»—вспоминалъ впослѣдствіи Аввакумъ. А онъ въ отвѣтъ лишь бранился, да лаялся, какъ выражается самъ о себѣ протопопъ.

Въ Сибири Аввакумъ пробылъ десять лѣтъ; эта ссылка не даетъ ему возможности непосредственно участвовать въ той борьбѣ, которая открывается въ Москвѣ. И Никонъ почти безпрепятственно проводитъ свои реформы. Во главѣ оппозиціи становится І. Нероновъ—человѣкъ убѣжденный, но мягкій, въ концѣ концовъ, пошедшій на примиреніе съ Никономъ. Нероновъ неспособенъ былъ такимъ образомъ руководить боевой оппозиціей. Въ Москвѣ, между тѣмъ, идетъ великое смятеніе, вызванное реформаторской дѣятельностью Никона. Въ 1654 г. протестъ противъ Никона выразился почти въ открытомъ возмущеніи; это было тогда, когда патріархъ подвергалъ осмѣянію иконы новаго «франкскаго» письма: эти иконы съ проколотыми глазами носили по городу, а затѣмъ предавали анаѳемѣ. Какъ характеренъ для воззрѣній Никона такой поступокъ — преслѣдованіямъ подвергается все, что не подходитъ подъ византійскіе образцы... На улицахъ и торжищахъ Москвы обсуждаются никоновскія новинки. Вотъ, напр., съ открытымъ обличеніемъ выступаетъ «юродивый» Кипріанъ. Однако, проповѣдовать противъ Никона опасно. Протестантовъ сажаютъ въ тюрьмы, куютъ въ желѣзо и бьютъ плетьми. Многимъ въ эту пору суждено пострадать за возстановленіе древняго благочестія...

Среди московскихъ агитаторовъ того времени нельзя не отмѣтить вѣрную ученицу Аввакума, боярыню Ѳеодосію Морозову. Она «яко левъ», но выраженію Аввакума, «безпрестанно обличая», появлялась на бесѣдахъ никоніанъ.

Въ такомъ настроеніи жила Москва, когда палъ Никонъ, а призванный вождь оппозиціи томился въ далекой ссылкѣ въ Дауріи въ военномъ отрядѣ воеводы Пашкова. Въ Сибири «огнепальный» протопопъ создалъ обширный кругъ недовольныхъ никоновскими новшествами; чтобы обезвредить его проповѣдь, Аввакумъ по указу изъ Москвы отсылается въ самыя глухія и пустынныя мѣста. Но дѣло совершено — протестъ пустилъ корни и распространяется по всѣмъ уголкамъ Россіи. Аввакумъ оказывается дѣйствительно опаснымъ противникомъ. И, вѣроятно, подъ вліяніемъ примиренія Неронова въ Москвѣ является мысль—добиться уступокъ и со стороны Аввакума. Примириться съ нимъ особенно важно. «Расколъ» растетъ, питаясь тѣмъ широкимъ недовольствомъ, которое существуетъ въ массѣ. Въ самой Москвѣ, какъ мы знаемъ, чрезвычайно неспокойно. Бунташное настроеніе низшихъ слоевъ московскаго населенія выразилось уже въ открытомъ бунтѣ 1662 г. При такихъ условіяхъ необходимо было обезопасить такого сильнаго упорнаго противника, какимъ былъ богатырь-протопопъ.

Аввакумъ вновь въ Москвѣ по царскому вызову... Но какъ ошибочно думать, что этотъ непримиримый борецъ пойдетъ на какія-нибудь уступки и компромиссы. Онъ ѣдетъ въ Москву, и повсюду «по весямъ и по селамъ, во церквахъ и на торгахъ» кричитъ и обличаетъ «безбожескую лесть». Онъ не боится «тѣлесныя смерти», никакія мученія, никакія страданія не заставятъ его молчать о томъ правомъ дѣлѣ, за которое онъ борется. Въ началѣ 1664 г. Аввакумъ попадаетъ въ Москву. Его встрѣчаютъ здѣсь, пожалуй даже ласково, съ явной цѣлью добиться примиренія. Но что видитъ Аввакумъ въ Москвѣ? Онъ видитъ «церковь паче прежняго смущенну»... «Увы души моей бѣдной! Лучши бы мнѣ въ пустыни Даурской, со звѣрьми живучи, конецъ пріяти» — восклицаетъ Аввакумъ. Пусть лучше «ребра наша ломаютъ», «кнутьемъ мучатъ и томятъ на морозѣ гладомъ».

Аввакумъ взбудораживаетъ всю Моску: «я на Москвѣ гной расшевелилъ—замѣчаетъ онъ—и еретиковъ раздразнилъ своимъ пріѣздомъ». Онъ «бранится съ отступниками» у Ртищева, онъ «грызется» о вѣрѣ, распространяя «шатаніе великое и въ людяхъ смуту». Поэтому для прекращенія смуты слѣдуетъ новая ссылка Аввакума въ Мезень, затѣмъ судъ въ 1666 г. и уже окончательная ссылка въ Пустозерскъ, вмѣстѣ съ другими «начальными отцами»—Епифаніемъ, Лазаремъ и Ѳеодоромъ.

На соборѣ о «броню фанатизма» Аввакума разбились всѣ увѣщеванія и убѣжденія—говоритъ В. А. Мякотинъ. Спора нѣтъ, много фанатизма было въ Аввакумѣ. Этотъ фанатизмъ и создалъ изъ него борца. Но его «упрямство», однако, основывалось на критической оцѣнкѣ тѣхъ уступокъ, которыхъ отъ него требовали. Представъ передъ соборомъ на судъ вселенскихъ патріарховъ, онъ слышалъ единственную аргументацію въ доказательство правоты никоновскихъ измѣненій, далеко не «корректур-

наго характера», какъ указываетъ проф. Ключевскій; эта аргументація сводилась къ словамъ патріарховъ: «что де ты упрямъ? вся де наша Палестина и Серби и Албанси и Волохи и Римляне и Ляхи всѣ де трема персти крестятся». «Дуракъ протопопъ! и патріарховъ не почитаетъ!»— смѣялись русскіе представители собора... Аргументація, дѣйствительно убѣдительная, развѣ только для тѣхъ, которые «простою вѣрою повѣривши», какъ писалъ впослѣдствіи знаменитый поморскій дѣятель Андрей Денисовъ, и которые не способны были проанализировать свои поступки. Нѣтъ, рѣшительно приходится отдать предпочтеніе упрямцамъ, несмотря на всю ихъ враждебность къ «наукѣ». Они не понимали: «кая граматика двѣмя перстома знаменатися возбраняетъ, кій синтаксисъ пятью перстами благословлять устаналиваетъ», почему вообще «законъ русскій» долженъ быть передѣланъ въ законъ греческій. И, конечно, въ этомъ отношеніи они были правы. Они съ самаго начала очень мѣтко и вѣрно охарактеризовали никоновскія реформы. И никакія «высокія науки» въ словопреніи не могли убѣдить Аввакума— онъ и послѣ суда велъ такіе же ожесточенные споры со своими противниками: «зѣло было стязаніе много: разошлися, яко пьяны, не могъ и поѣсть послѣ крику» — разсказываетъ Аввакумъ о своемъ спорѣ съ Симеономъ Полоцкимъ.

Боярыня Морозова посѣщаетъ заключеннаго прот. Аввакума.

Старообрядчество уже офиціально предано проклятію соборомъ господствующей церкви. Вслѣдъ за осужденіемъ идутъ указы о сожиганіи въ срубахъ раскольниковъ, если они «по трикратному вопросу» не откажутся отъ своего упорства. Открывается эра гоненій, лишь укрѣпляющая старое «благочестіе» и усиливающая оппозиціонное настроеніе. «На Москвѣ жа-

рятъ и пекутъ» защитниковъ истинной вѣры, а изъ Пустозерска идутъ призывы къ вѣротерпимости. «По вѣрѣ своей и дѣла творятъ таковы же»... Чѣмъ могутъ похвалиться никоніане... «огнемъ, да топоромъ, да висѣлицею». «Поганы вы тѣмъ!—знаю я»—пишетъ Аввакумъ. «У васъ нынѣ: сѣки, да руби, жги, да пали, да вѣшай».

Московская община дѣйствительно переживаетъ тяжелые дни.

Въ 1671 г. «на Болотѣ» казненъ инокъ Аврамій—одинъ изъ главныхъ дѣятелей московскихъ старовѣровъ. Въ томъ же году арестована и вѣрная ученица Аввакума — боярыня Морозова. Она играетъ большую роль въ жизни московской общины: ея вліяніе при дворѣ не разъ отвлекаетъ грозу, которая виситъ надъ Аввакумовскими единомышленниками. Во дворцѣ не могутъ не считаться съ тѣмъ высокимъ положеніемъ, которое занимаетъ Морозова въ московскомъ аристократическомъ обществѣ. Она жена одного изъ первыхъ бояръ при царѣ—Глѣба Ивановича Морозова, родного брата царскаго временщика Бориса Ивановича, женатаго на сестрѣ царицы. Она дочь окольничаго Соковнина, родственника царицы Марьи Ильиничны; она сестра жены близкаго царю боярина кн. Урусова. Она двоюродная сестра Ѳеодора Ртищева. Однимъ словомъ, она принадлежитъ къ высшимъ кругамъ московского общества. Эта умная, съ сильной волею молодая тридцатилѣтняя женщина всецѣло предается подъ вліяніемъ Аввакума защитѣ того дѣла, за которое стоитъ ея учитель.

Послѣ смерти мужа въ 1662 г. Морозова совершенно измѣняетъ свой образъ жизни. «Знаю, другъ мой милый, Ѳеодосья Прокопьевна...—пишетъ ей Аввакумъ—въ дому твоемъ тебѣ служило человѣкъ съ триста, крестьянъ у тебя было 8000, имѣнія въ твоемъ дому было на 200 или на 250 тысячъ, друзей и сродниковъ въ Москвѣ множество; ѣздила ты къ нимъ въ каретѣ дорогой, украшенной мусіею и серебромъ, на аргамакахъ многихъ, по 6—12 запрягали, съ гремячими цѣпями; за тобой слугъ, рабовъ и рабынь, шло человѣкъ по 100 и по 200, а иногда и 300, оберегая честь твою и здоровье»... И вотъ эта знатная боярыня, близкая ко двору, всецѣло посвящаетъ себя широкой благотворительности. Она сама садится за прялку и шьетъ рубахи, которыя лично раздаетъ, одѣвшись въ рубище, на улицахъ и по темницамъ. Она ходитъ и раздаетъ деньги «овому рубль, а иному 10, а мѣди 50 рублевъ и мѣшокъ сотной». Она ходитъ и въ то же время обличаетъ «римскія ереси». За эту проповѣдь ее постигаетъ опала: государь «на свое имя» отписываетъ у нея половину вотчинъ. Подобная мѣра, конечно, не останавливаетъ энергичную женщину. Конфискованное имущество, впрочемъ, въ 1666 г. было возвращено Морозовой «для прошенія государыни царицы Марьи Ильинчны и для всемірныя радости рожденія царевича Ивана Алексѣевича». И Морозова вновь «раздавала многую милостыню, многое имѣніе расточила неимущимъ, многихъ съ правежу выкупила»...

Съ новой женитьбой царя Алексѣя падаетъ значеніе партіи Милославскихъ. Это облегчаетъ развязку съ упорной бояриней. Она отказывается явиться ко двору, она отвѣчаетъ присланнымъ отъ царя увѣщевателямъ рѣшительнымъ отказомъ принять новоизданные законы: «подобало бы

царю оставить меня въ покоѣ». «Множаѣ гнѣвомъ распалящеся» царь: «тяжело ей бороться со мною, одинъ кто изъ насъ непремѣнно одолѣетъ». «И бысть на верху—говоритъ жизнеописаніе Морозовой—не едино сидѣніе объ ней, думающе, какъ ее сокрушить».

Въ концѣ 1671 г. Морозову берутъ подъ стражу, съ ней вмѣстѣ идетъ княгиня Урусова. «Не умѣла ты жить въ покорении, а потому... изъ дому твоего ты изгоняешься. Полно тебѣ жить на высотѣ, сниди долу, встань и иди отсюда»,—говорилъ Морозовой при арестѣ чудовской архимандритъ Іоакимъ. Наложили на сестеръ «желѣза конскія», на шею «цѣпи со стулами» и съ этими «юзами» отправили Морозову въ подворье Печерскаго монастыря, а Урусову въ Алексѣевскій монастырь. Имѣнія и вотчины Морозовой были конфискованы. Но все это мало дѣйствовало на Морозову,—«женскую немощь отложивши и мужескую мудрость воспріявше». Арестъ Морозовой произвелъ сильное впечатлѣніе въ Москвѣ—и въ кругахъ вельможныхъ, и въ кругахъ народныхъ. Недаромъ патріархъ Питиримъ обратился къ царю съ совѣтомъ: «боярыню ту Морозову вдовицу—кабы ты изволилъ опять домъ ея отдать и на потребу ей дворовъ бы сотницу крестьянъ далъ, а княгиню тоже бы князю отдалъ; такъ бы дѣло то приличнѣе было»... Царь Алексѣй не согласился: «не знаешь ты лютости этой жены. Нельзя тебѣ и разсказать, сколько она мнѣ наругалась и теперь ругается. Кто мнѣ столько зла и великаго неудобства показалъ?»

Царь поспѣшилъ покончить съ этимъ дѣломъ, волновавшимъ московское общественное мнѣніе. Послѣдовалъ допросъ сестеръ, жестокая пытка на дыбѣ — но твердость ихъ не поколебалась. Съ выломленными руками «на стряскѣ» Морозова громко обличала «отступниковъ»: «это ли христіанство, чтобы такъ человѣка мучить». Видя упорство сестеръ, «сотвори царь сидѣніе думати о нихъ». Уже былъ приготовленъ и срубъ на болотѣ, «вельми добре и чинно устроенъ и соломою цѣлыми снопами уставленъ». Все было готово къ сожженію Морозовой и ея сестры, «да бояре не потянули». Морозова была отправлена въ Новодѣвичій монастырь: здѣсь велѣно было ее держать «подъ крѣпкимъ началомъ и влачить къ церковнымъ службамъ». Популярность Морозовой отъ этаго гнета лишь усилилась. Къ мѣсту заключенія стекались ея многочисленные друзья и «утѣшаху страдальческое ея сердце». Поэтому Морозову переводятъ въ Хамовники къ старостѣ на дворъ. За Морозову было заступилась царева сестра Ирина: «Зачѣмъ, братецъ, не въ лѣпоту творишь и вдову эту бѣдную помыкаешь съ мѣста на мѣсто? Не хорошо, братецъ. Достойно было попомнить службу Борисову и брата его Глѣба». Царь, «зарыча гнѣвомъ великимъ», отвѣтилъ: «добро, сестрица; добро. Коли ты дятьчишь объ ней, тотчасъ, тотчасъ готово у меня ей мѣсто». И Морозову по царскому повелѣнію отвозятъ въ 1673 г. въ Боровскій монастырь и сажаютъ въ земляную тюрьму. Сюда же переводятъ и Урусову. Но строгій стрѣлецкій караулъ оказывается недостаточно бдительнымъ—среди стрѣльцовъ много сочувствующихъ старой вѣрѣ. Для узницъ допускаются послабленія, такъ что и земляная яма кажется Морозовой «пресвѣтлой темницей».

Дошли и до Москвы слухи о послабленіяхъ узницамъ, и «воскури дьяволъ бурю велію». Послѣ разыска между стрѣльцами одна изъ узницъ, Іустина, была сожжена, а боярыни переводятся въ новую земляную тюрьму, вырытую еще болѣе глубоко. Отъ голода, отъ «задухи земныя» мученицы за старую вѣру скоро отошли въ вѣчную жизнь...

Но тамъ въ далекомъ Пустозерскѣ при устьѣ Печоры на берегу Ледовитаго океана еще томится «богатырь Протопопъ» въ такой же земляной тюрьмѣ; своимъ могучимъ словомъ, своимъ письмомъ, которое «свѣтлѣе солнца», онъ поддерживаетъ энергію, готовность томиться въ «желѣзныхъ узахъ» и бороться за «правое дѣло» у своихъ многочисленныхъ чадъ. Четырнадцать лѣтъ пребыванія Аввакума и его друзей въ Пустозерскѣ — «начальныхъ отцовъ» и «страдальцевъ» — проходятъ въ неустанной литературной работѣ, въ «книгахъ» и «отвѣтахъ», которые пишутся въ назиданіе «правовѣрномъ»... «отъ всѣхъ четырехъ странъ».

Между Москвой и Пустозерскимъ устанавливается самая тѣсная связь; между учителями и учениками идетъ оживленная переписка. Изъ Москвы идутъ вопросы, изъ Пустозерска даются отвѣты. «Изъ темницы, яко изъ гроба», приносится «послѣднее плачевное моленіе» царю. «Братіи» въ Пустозерскѣ приходится разрѣшать сложные вопросы объ устройствѣ новой религіозной общины, отдѣлившейся отъ церкви, разорвавшей связи съ господствующей церковной іерархіей. Надо старыя традиціи приспособить къ новымъ условіямъ жизни. И Аввакуму съ друзьями приходится отступить отъ традиціи, творчество влечетъ за собой разногласіе среди самихъ «начальныхъ отцовъ»: огнепальный Аввакумъ, привѣтствуя эти споры, способствующіе, по его мнѣнію, выясненію истины, самъ впадаетъ въ ересь съ точки зрѣнія правовѣрія. Такъ, на первыхъ порахъ зарождаются уже различные толки въ старообрядческой средѣ, такъ происходитъ разслоеніе. Въ Москвѣ упиваются «сладостью» писемъ, но многіе уже не соглашаются съ отдѣльными мыслями учителя и склоняются на сторону другого учителя, Ѳеодора. Значительно позже въ 1693 г. письма Аввакума въ Москвѣ даже осуждаются.

Заключенные въ земляной тюрьмѣ въ отдаленномъ краѣ Московскаго государства оказываются столь же опасными для правительства — въ мученическихъ вѣнцахъ, быть можетъ, они опаснѣе, чѣмъ на свободѣ. Чтобы пресѣчь вредную проповѣдь, расходящуюся по «всей земли», Лазарю, Епифанію и Ѳеодору отрубаютъ правыя руки и вырѣзываютъ языки. Еще съ большимъ энтузіазмомъ «живой мертвецъ», сидя нагимъ въ земляной тюрьмѣ, обличаетъ власть мучителей христіанъ и душегубовъ. И еще авторитетнѣе становятся призывы узниковъ. Въ новое царствованіе 14-го апрѣля 1682 г. пресѣкается лишь энергичная дѣятельность первыхъ вождей раскола—по указу изъ Москвы «за великія на царскій домъ хулы» пустозерскіе узники сожигаются. И Пустозерскъ теряетъ свое значеніе своеобразнаго центра умственной и религіозной жизни. Вмѣстѣ съ тѣмъ падаетъ постепенно и значеніе Москвы — старообрядческое населеніе бѣжитъ отсюда, бѣжитъ на окраины, въ глухія мѣста, селится среди полей и болотъ и создаетъ новые центры, къ которымъ тянетъ народная масса

Флигель Софійской больницы на Садовой въ Москвѣ.

Широкой волной разливается недовольство по всей Россіи послѣ 1667 г. Поволжье охвачено разиновскимъ движеніемъ. На сѣверѣ Соловецкій монастырь поднялъ знамя возстанія — сюда бѣгутъ остатки разиновской дружины. Въ 1676 г. пали Соловки. Все очевиднѣе становится, что новые порядки окончательно восторжествовали, нѣтъ уже надежды на отмѣну Никоновскихъ «новинокъ». Все рѣзче и оппозиціоннѣе по отношенію къ свѣтской власти становятся пустозерскіе призывы: «Бѣдной, бѣдной, безумный царишко! Что ты надъ собою сдѣлалъ!»—восклицаетъ Аввакумъ.

Наступаетъ антихристово царствованіе—лѣта сатанинскія. Возникаетъ, какъ мы знаемъ, и литературная полемика по вопросу: воцарился ли антихристъ, или онъ еще грядетъ. «Уже бо антихристъ въ Москвѣ родитися имуща глаголютъ, иніи же рожденна быть проповѣдуютъ»—отмѣчаетъ въ своемъ окружномъ посланіи 1672 г. патріархъ Іосифъ II. Въ литературной полемикѣ дѣло идетъ не о рожденіи реальнаго апокалипсическаго звѣря—въ антихристѣ олицетворяется опредѣленное начало: духъ времени. Никонъ и Алексѣй, по толкованію Аввакума, два рога апокалипсическаго звѣря. Два рога у звѣря—двѣ власти знаменуютъ. Начальные отцы въ Пустозерскѣ различно рѣшаютъ вопросъ объ антихристѣ въ зависимости отъ своего настроенія и отъ оцѣнки текущей дѣйствительности. Такъ же рѣшается вопросъ и на мѣстахъ. Въ Тюмени «сынъ погибели» уже явился—это царь Алексѣй. Изъ одного письма Аввакума мы знаемъ, что то же настроеніе проявляется и въ Москвѣ: «А о Ѳеодорѣ царѣ, за что не молите Бога—пишетъ Аввакумъ—и онъ человѣкъ, спаси его Господи». Инокъ Аврамій—московскій дѣятель—въ «Щитѣ вѣръ» считаетъ, что Никонъ «зѣло подобится антихристу».

Подъ вліяніемъ такихъ разговоровъ и слуховъ растетъ пессимистическое настроеніе въ народной массѣ. Въ сгустившейся атмосферѣ разсужденій объ антихристѣ, и близкомъ наступленіи конца міра развивается эпидемія самосожженія. Растутъ религіозныя преслѣдованія, растутъ фанатизмъ и экстазъ. Отъ антихриста «некуда дѣться», только въ огонь. Самосожженіе происходитъ отъ «скорьби великія», какъ выразился Аввакумъ. Для борьбы и сопротивленія не хватаетъ энергіи, и вотъ для того, чтобы уйти отъ дыханія антихриста, «самовольные мученики» идутъ на костры: «огненное сіе страданіе ради немощи нашей». Эта эпидемія гарей открывается во второй половинѣ 70 гг. Аввакумъ поддерживаетъ тѣхъ, которые рѣшаются идти въ огонь: «насильственная смерть за вѣру вожделѣнна». «Вѣчная слава» ожидаетъ тѣхъ, которые запечатлѣли свою вѣру «кровію мученическою». Лучше погибнуть въ «пещи», чѣмъ покориться требованіямъ правительства. Нельзя забывать, что эти самосожженія, уносящія десятки тысячъ жертвъ, сплошь да рядомъ происходятъ послѣ долгой упорной борьбы, послѣ того, какъ военная команда открывала убѣжище скрывшихся отъ преслѣдованій старообрядцевъ. Послѣдніе идутъ на костеръ, потому что имъ все равно грозитъ «срубъ», если они не откажутся отъ своей вѣры и не подчинятся церкви и правительству.

То же настроеніе царитъ въ сущности и въ Москвѣ. Оно проявляется въ обычномъ для XVII вѣка средствѣ спасаться отъ «неудобоносимыхъ» общественныхъ тяготъ—въ бѣгствѣ. Населеніе бѣжитъ въ Поморье, Керженецъ, Стародубье, на Вятку, въ Сибирь и на Донъ.

Одно время въ Москвѣ вновь появляется надежда на возстановленіе стараго. Въ 1682 г., въ годъ погибели пустозерскихъ мучениковъ, въ Москвѣ разыгрывается первый стрѣлецкій бунтъ. Стрѣльцы давно уже недовольны своимъ положеніемъ; не разъ они проявляютъ свои симпатіи къ старой вѣрѣ и участвуютъ въ народныхъ возмущеніяхъ. И во время волненій 1648 г., и во время денежнаго бунта 1662 г. они оказываются далеко не прочной опорой Московскаго правительства. Казацкой вольницѣ, образовавшейся около Стеньки Разина, ничего не стоитъ привлечь на свою сторону стрѣлецкіе отряды призывомъ идти противъ притѣснителей, бояръ, противъ богатыхъ людей во имя осуществленія казацкаго лозунга—соціальнаго равенства и политической свободы. Успѣхъ бунта 15-го мая 1682 г. подаетъ надежду всѣмъ, кто держится «старой православной христіанской вѣры». Среди стрѣльцовъ дѣйствуютъ монахи, участвовавшіе въ осадѣ Соловецкой обители, на стрѣлецкихъ кругахъ обсуждается челобитная о старой вѣрѣ, которая подается правительству. И, быть можетъ, самый интересный моментъ въ стрѣлецкомъ движеніи—это не требованіе публичныхъ преній о вѣрѣ для выясненія истины, требованія, чтобы всенародно учителя старой вѣры могли сказать, почему они протестуютъ противъ никоновскихъ реформъ,—самымъ интереснымъ является единодушное требованіе прекратить религіозныя гоненія. Стрѣльцы требуютъ, чтобы власти перестали «за старую вѣру людей казнить, вѣшать и въ срубахъ жечь». Перепуганное правительство должно было пойти на уступки и допустить публичныя пренія. Тѣ, которые прежде должны были скрываться, которымъ грозилъ срубъ за приверженность къ старой вѣрѣ, торжественно выступали 5-го іюля въ Грановитой палатѣ. Сочувствіе стрѣльцовъ обезпечивало Никитѣ Пустосвяту и его товарищамъ полную безопасность. И такимъ образомъ безпримѣрныя сцены видѣла Москва. Однако, торжество было недолго. Правительству удалось локализировать движеніе, арестовать наиболѣе видныхъ вождей среди рядовыхъ стрѣльцовъ. «Бунтовщики» и «возмутители всего царства» были казнены или отправлены въ ссылку. Стрѣльцы остались безъ руководителей, и движеніе было разбито.

Жестокія преслѣдованія обрушились вскорѣ на старообрядчество. Въ правленіе царевны Софьи въ 1685 г. издается спеціальный законъ о преслѣдованіи «раскольниковъ»: казнь, сожженіе, пытка, кнутъ, ссылка, конфискація имущества—однимъ словомъ, цѣлая система борьбы съ тѣми, которые придерживаются «прелести», не покоряются церкви, по связи съ ней, и государству. Команды сыщиковъ ищутъ укрывшихся, и сильнѣе разгораются гари, интенсивнѣе идетъ повальное бѣгство. На Дону пришлые люди—«воры и раскольники», «чернецы и мірскіе люди» пытаются поднять возстаніе противъ Московскаго правительства подъ знаменемъ защиты старой вѣры. Тамъ пытаются возродить разиновское дѣло, идти на Москву и учредить казацкую «вольницу». И другіе разбѣжавшіеся изъ

Москвы «мужики грубіи и воры мятежные» агитируютъ вдали отъ центра въ томъ же направленіи—напр., мы встрѣчаемся съ такими пропагаторами изъ числа участниковъ въ срѣлецкомъ бунтѣ даже въ глухомъ Керженцѣ. Въ 90 гг. по низовому Поволжью распространяются упорные слухи о готовящихся дѣйствіяхъ «раскольниковъ-казаковъ». Эти слухи позже реализируются въ астраханскомъ бунтѣ 1705 г., когда главными заводчиками являлись бывшіе стрѣльцы-«раскольщики». Изъ Астрахани искра перебрасывается въ вѣчно недовольный Донъ, гдѣ разражается Булавинскій бунтъ вновь подъ знаменемъ старой вѣры. И тотъ и другой бунты приходятся на время Петра, когда особенно вырастаютъ народныя тяготы, когда особенно сильно въ полицейскихъ тискахъ сжимается страя вѣра.

И въ Москвѣ болѣе чѣмъ неспокойно. Здѣсь въ отсутствіе Петра происходитъ второй стрѣлецкій бунтъ—послѣдняя вспышка активнаго протеста. Московская «чернь» готовится встрѣтить возмутившихся стрѣльцовъ, которые идутъ съ литовской границы на Москву. Но этимъ надеждамъ не суждено осуществиться. Регулярныя войска подъ Воскресенскимъ монастыремъ подъ предводительствомъ боярина Шеина разбили мятежныхъ стрѣльцовъ.

Затѣмъ возвращается Петръ, «жаждущій мести», по выраженію иностранца Корба. Начинается знаменитый стрѣлецкій розыскъ въ теченіе 1698—99 гг., когда Петръ собственноручно десятками рубитъ головы своихъ «вѣроломныхъ подданныхъ»...

На окровавленныхъ трупахъ стрѣльцовъ Петръ утвердилъ свой престолъ. Начинается эпоха реформъ. Можно различно оцѣнивать государственное значеніе этихъ реформъ. Но одно несомнѣнно—для «низкихъ подданныхъ» всѣ реформы были связаны съ новымъ непосильнымъ напряженіемъ народнаго труда. Эти реформы коснулись народнаго быта главнымъ образомъ своей экономической тяжестью: «красныхъ дней не видно, все рубли, да полтины». Петръ «міроѣдъ», онъ «весь міръ переѣлъ»—такъ отливается время Петра въ народномъ сознаніи. Передъ народной массой вырастаетъ фигура какъ бы новаго Никона, который во имя «нѣмецкаго» авторитета ломаетъ внѣшній укладъ жизни. Во «славу и красоту» государства московскій житель долженъ надѣть короткій нѣмецкій кафтанъ и начать бриться. Эти реформы начинаются съ момента возвращенія царя изъ-за границы—26-го августа 1698 г. Открытая борьба съ «упрямцами» лишь усиливаетъ народный ропотъ. И дѣйствительно, Петру приходится идти по раскаленному желѣзу, проводить свои преобразованія въ тотъ моментъ, когда, по образному выраженію Посошкова, милліоны тянутъ подъ гору.

Старая вѣра Петру ненавистна, ненавистна по воспоминаніямъ, ненавистна, какъ выставка оппозиціоннаго политическаго настроенія. Старая вѣра искони проявляетъ непокорность государственной власти. Старообрядчество не признаетъ государственной религіи, не признаетъ и за свѣтской властью высшаго верховенства въ дѣлахъ религіозныхъ. Для полицейскаго государства Петра церковь между тѣмъ должна служить исклю-

чительно интересамъ государственнымъ. «Божье» и «кесарево» должно соединяться въ однѣхъ рукахъ: религія—это вспомогательный институтъ «самодержавнаго» монарха: «Во всѣхъ государствахъ твердое узаконеніе и обычай своимъ природнымъ жителямъ отъ своей природной государственной вѣры отступать не допускать и отступающихъ смертью казнить» — такъ говоритъ вновь учрежденный Союзъ. «Спасеніе въ той вѣрѣ, какую исповѣдуетъ царь». Отсюда всякое религіозное разномысліе разсматривается, какъ проявленіе политической неблагонадежности. Враги церкви— и враги государства, ибо всякій, кто приравниваетъ служителя церкви и государства къ отступникамъ христіанскимъ — подрываетъ тѣмъ самымъ основы государства.

Въ старообрядческой средѣ развивается другая теорія. Заключительные аккорды проповѣди Аввакума о невмѣшательствѣ свѣтской власти въ дѣла, касающіяся религіозной совѣсти, получаютъ дальнѣйшее развитіе. «О вѣрѣ толковать» надлежитъ «не военнымъ людямъ», «увѣщевать» надлежитъ «не военному чину военною рукой». «Неволей нельзя обращать въ вѣру»... «Духовное духовнымъ разсуждается: какая же нужда царю за вѣру сажать въ крѣпость. Пускай всякая вѣра сама собой окажетъ плодъ евангельской добродѣтели»... Однимъ словомъ, «государю не слѣдуетъ касаться до вѣры».

Такимъ образомъ сталкивается два противоположныхъ міросозерцанія, и ожесточенная, упорная борьба, захватившая уже полстолѣтія, должна продолжаться.

Враговъ государства надо «мечомъ духовнымъ и гражданскимъ истреблять». Эта истребительная политика и примѣнена по отношенію къ «расколу» въ первые годы царствованія Петра. Старообрядчество «запрещено», и застѣнки страшнаго Преображенскаго приказа наполнены «бородачами», противляющимися власти.

Если во вторую половину царствованія истребительная политика по отношенію къ «расколу» какъ бы нѣсколько смягчилась,—то это происходитъ вовсе не во имя религіозной терпимости, а исключительно въ интересахъ фиска. Религія обложена податью. Записные раскольники по указу 1716 г. должны платить двойной денежный окладъ за право ношенія бороды, особой одежды и особыхъ знаковъ, за право числиться въ рядахъ «отщепенцевъ». Эта подать ложится новымъ тяжелымъ экономическимъ бременемъ на народную массу...

Можетъ ли быть при такихъ условіяхъ сомнѣніе, что въ мірѣ воцарился антихристъ? Сынъ погибели явится въ образѣ человѣка и въ качествѣ царя—это предсказывалъ еще одинъ изъ «начальныхъ отцовъ» — Лазарь. Этотъ апокалипсическій звѣрь, чудовищный драконъ Левіаѳанъ и принимаетъ уже вполнѣ реальныя очертанія въ образѣ Петра. Петръ-антихристъ— онъ именно «седьмиглавный змій». Всѣ признаки указываютъ на него, какъ на антихриста. Только антихристъ можетъ быть такимъ лютымъ звѣремъ. Жестокость Петра производитъ сильное впечатлѣніе на народную массу, и въ особенности массовыя стрѣлецкія казни. Кто «съ царемъ повидался, тотъ безъ головы и безъ спины будетъ». Всѣ «вы пропадете

также, что и стрѣльцы, всѣхъ васъ, что червей, порубятъ... на городу зубцовъ много, всѣхъ васъ перевѣшаютъ»—говоритъ одинъ изъ агитаторовъ московскихъ въ 1700 г.

Петръ надъ христіанами устроилъ «ругательства». Только антихристовымъ навожденіемъ народная Москва могла объяснить Петровскій разгулъ, столь грубо затрагивающій народныя вѣрованія. Плоская шутка надъ іерархіей въ видѣ учрежденія пьяной коллегіи, пародировавшей на улицахъ Москвы церковное богослуженіе, поселяла лишь враждебное отношеніе къ Петру. Посадскій человѣкъ Андреевъ самъ является въ 1704 г. въ Преображенскій приказъ, чтобы изобличить Петра въ разрушеніи вѣры христіанской, въ томъ, что онъ «Божью власть восхити».

Петръ—людоморъ и міроѣдъ. Послѣднее особенно ощутительно для массы, потому что оно связано съ экономическимъ разореніемъ страны.

Въ 1700 г. книгописецъ Талицкій разбрасываетъ въ Москвѣ въ народъ воровскія письма, въ которыхъ «антихристомъ ругаясь, писалъ великаго государя», «народамъ отъ него, государя, отступать велѣлъ» и совѣтовалъ не платить податей... «Въ книгахъ писано, что при антихристѣ людямъ будутъ великія тягости». Ревизія и подушная подать вызываютъ наибольшее раздраженіе: «душа вещь неосязаемая и умомъ непостижимая и цѣны не имущая»—какъ замѣчаетъ даже горячій поклонникъ Петра крестьянинъ Посошковъ. Двуглавый орелъ и дьявольскій титулъ—іераторъ, составляющій мистическое число 666—внѣшніе признаки, указывающіе на то, что Петръ антихристъ. Онъ требуетъ присяги себѣ и накладываетъ печать антихриста на лбы и руки рекрутовъ. Печать наглядно демонстрируется—это тотъ крестъ, который накалываютъ на лѣвой рукѣ рекрутовъ для отысканія бѣглыхъ...

Легенда создаетъ цѣлую генеалогію Петра, какъ антихриста. Рука объ руку съ этими легендами идутъ легенды о Петрѣ, какъ о подмѣнномъ царѣ.

Петровская тайная полиція много разъ должна была засвидѣтельствовать распространеніе этихъ толковъ. Они всѣ въ сущности сосредоточиваются на вопросѣ о незаконности власти, присвоенной Петромъ. Дѣла о «государевомъ словѣ и дѣлѣ» пріобрѣтаютъ въ жизни громадное значеніе, и «раскольничьи» дѣла тѣсно сплетаются съ политическими процессами всей этой эпохи. Слишкомъ много, говоря словами Ѳеофана Прокоповича, «неспокойныхъ головъ», которыя «никакого установленія отъ державной власти произносимою похваляти не хотятъ, но упрямымъ и злобнымъ сердцемъ охуждаютъ».

Въ старообрядческой средѣ развивается и обосновывается теорія о немоленіи за царя-антихриста. Эта теорія служитъ какъ бы противовѣсомъ идеи государя — самовластнаго монарха, которую усиленно развиваетъ офиціальная публицистика въ лицѣ Ѳеофана Прокоповича, автора трактата «Правда воли монаршей». «Самовластіе» и есть признакъ появленія «сына погибельнаго». Петръ незаконный царь,—говоритъ одно изъ старообрядческихъ произведеній. Онъ «прелестью» восхитилъ власть, поэтому и вознесся «паче всякаго глаголемаго бога», не имѣя «никого въ

равенствѣ себѣ, восхитивъ на себя не точію царскую власть, но и святительскую, Божью»... «Тотъ же лжехристосъ содѣла отъ гордости живущаго въ немъ духа учини описаніе народное, исчисляя вся мужска пола и женска, старыхъ и младенцевъ, живыхъ и мертвыхъ, дабы ни единъ могъ скрытися руки его и облагая ихъ даньми веліими... Зрите, человѣцы, и разсмотрите по святому писанію, въ кіихъ лѣтахъ жительствуемъ и кто нынѣ обладаетъ вами!..»...

Подобнаго рода литературныя произведенія публицистическаго характера, тетрадки съ «веліе злохитростными и хульными мудрованіями до высокой Его Императорскаго Величества честь касающимися и государству вредительными», становятся чрезвычайно распространеннымъ явленіемъ въ Петровское время. «Прелестныя» и «затѣйныя» письма разбрасываются на площадяхъ и улицахъ Москвы, прибиваются къ воротамъ и церквамъ, распространяются и книгопродавцами. Напримѣръ, въ 1723 г. у торгующихъ книгами на Спасскомъ мосту отбирается цѣлая кипа «сквернословныхъ и буесловныхъ тетрадокъ и листовъ, которые не точію противны святой церкви, но и гражданству». Они противны гражданству, ибо люди «старой вѣры», преимущественные распространители тогдашней нелегальной литературы, почти всегда стараются придать народный характеръ своему протесту, они распространяютъ свои тетрадки для «пользы народа», чтобы легче отъ податей было.

Распространеніе «тетрадокъ» правительство времени Петра строго преслѣдуетъ. Нарушителямъ царской чести и возмутителямъ, «непристойнымъ образомъ» разсуждающимъ о царскихъ дѣйствіяхъ—грозитъ казнь. Въ то же время правительство издаетъ указы: не вѣрить письмамъ, напечатаннымъ «словенскимъ словомъ и складомъ словенскимъ», хотя «будетъ и то въ нихъ написано, будто они на Москвѣ печатались». Официальная публицистика вступаетъ въ то же время въ полемику съ этой нелегальной печатью: въ 1703 г. Стефанъ Яворскій пишетъ цѣлую книгу «Знаменіе Пришествія», опровергающую теорію о Петрѣ-антихристѣ. Наряду съ официальной публицистикой выступаютъ правительственныя сатира и каррикатура. Ей отвѣчаетъ каррикатура общественная, составители которой подвергаются «злѣйшимъ истязаніямъ». Въ лицевыхъ старообрядческихъ сборникахъ особенное, конечно, вниманіе удѣляется изображенію антихриста, семиглаваго змія, сидящаго на царскомъ престолѣ; въ этихъ изображеніяхъ легко уловить черты, напоминающія Петра. Тутъ же слуги антихриста.

Одно изъ современныхъ старообрядческихъ изображеній очень наглядно передаетъ характеръ церковной реформы: священники и архіереи приходятъ просить Петра о возстановленіи патріаршества, а Петръ имъ въ отвѣтъ: «Я вамъ царь и патріархъ». Наибольшей извѣстностью пользуется картина, «какъ мыши кота погребаютъ, недруга своего провожаютъ». Эта «небылица въ лицахъ» дѣйствительно оригинальна и остроумна. Внѣ сомнѣнія, что это пародія на шутовскія церемоніи, которыя такъ любилъ державный протодіаконъ всешутѣйшаго и всепьянѣйшаго собора. Мыши со всѣхъ концовъ Россіи собрались отдать «послѣднюю честь съ

церемоніей»—послать «проклятіе во слѣдъ нисшедшему во адъ антихристу»—лиходѣю и недругу. Похороны кота Казанскаго, ума Астраханскаго, разума Сибирскаго—знатной персоны царскаго происхожденія, какъ указываетъ титулъ, происходитъ съ подобающей торжественностью. Покойникъ былъ знатный подпивало и веселый объѣдало. И на его тризну со всѣхъ сторонъ везутъ, несутъ вино и пиво въ ушатахъ и бочкахъ. Кругомъ собрались всѣ тѣ, кто пострадалъ при жизни покойнаго: онъ былъ нрава крутого—«когда въ живности пребывалъ, по цѣлому мышенку глоталъ»; онъ много изобидѣлъ въ жизни своей народа...

Мы видимъ, какъ всѣ пріемы агитаціи использованы для протеста противъ ненавистнаго для народной массы петровскаго гнета. Если прежде въ народной оппозиціи личность главы государства подчасъ стушевывалась за ненавистью къ боярамъ, т. е. къ людямъ сильнымъ и богатымъ; если ненависть переносилась прежде на временьщиковъ: государь .... глядитъ все изо рта бояръ Морозова и Милославскаго—говоритъ одинъ изъ московскихъ агитаторовъ въ 1648 г.—то теперь самъ Петръ становится центромъ этой вражды и ненависти.

Въ подметныхъ письмахъ часто раздается призывъ: «государю этому не быть, мы выберемъ иного царя»; «неистовому царю» жить только годъ—его «изведутъ»; «лучше бы съ императора кожу сдирать, чѣмъ св. ризы и клади съ образовъ». На Петра происходятъ покушенія, а послѣ нихъ ожидается «смятеніе». И какъ часто бываетъ, ореолъ народныхъ радѣтелей окружаетъ имена лицъ, очень далекихъ, быть можетъ, по своимъ симпатіямъ отъ народной массы. Этимъ ореоломъ окружается имя царевича Алексѣя—и особенно послѣ его смерти. Царевичъ Алексѣй дѣлается тѣмъ «инымъ царемъ», царемъ народнымъ, о которомъ говорятъ подметныя письма. По существу оппозиція, ютившаяся около опальнаго сына Петра, отнюдь не носитъ демократическаго народнаго характера. Это старая придворная оппозиція, это духовенство, не прощедшее цезаро-папистской школы Ѳеофана Прокоповича. Недовольные Петромъ, сгруппировавшіеся около Алексѣя, поддерживаютъ въ немъ помыслы о возможности переворота: «Мы всѣ ждемъ ему (т. е. Петру) смерти»—говоритъ Алексѣю его духовникъ. Но царевичъ Алексѣй—гонимый,—это и создаетъ изъ него защитника народныхъ интересовъ. Процессъ и смерть Алексѣя производитъ въ народѣ такое же сильное впечатлѣніе, какъ въ свое время казнь стрѣльцовъ. Явно, что Петръ царь не прямой, что онъ антихристъ. Только дьяволъ могъ забить кнутомъ собственными руками до смерти сына,—такъ гласитъ народная молва. Петръ «своими руками голову отсѣкъ» сыну за то, что не могъ обратить его въ «свое состояніе». Петръ убилъ сына, чтобы помѣшать ему царствовать. Еще при жизни Алексѣя ходитъ молва, что царевичъ ведетъ борьбу съ боярами, потаковниками незаконнаго царя, что царевичъ окружилъ себя казаками, т. е. представителями старой народной вольницы. Послѣ его смерти въ старообрядческихъ кругахъ усиленно распространяется молва, что царевичъ Алексѣй живъ и «не ко многому времени явится». Онъ уже подъ Кіевомъ съ казаками, скоро придетъ въ Москву чтобы освободить народъ отъ

иноземнаго ига, отъ царства антихриста, отъ семиглаваго звѣря. Онъ возстановитъ старую вѣру.

Насколько всѣ эти слухи имѣли подъ собой почву въ реальномъ настроеніи страны, показываетъ распространенное за границей убѣжденіе, что смерть Алексѣя неизбѣжно вызоветъ народныя волненія.

Среди москвичей, сочувствующихъ царевичу Алексѣю, исторія запечатлѣла оригинальную фигуру бывшаго подъячаго Артиллерійскаго приказа—Докукина; это былъ человѣкъ старой вѣры и врагъ нововводимыхъ порядковъ. Онъ вѣрилъ, что пришло «послѣднее время», читая тетрадки, ходившія по рукамъ, и самъ занимался ихъ составленіемъ. Въ 1715 году онъ дѣлаетъ выписки изъ Писанія, которыя, по его мнѣнію, «противны» Петру. Снабдивъ эти выписки соотвѣтствующими разсужденіями, онъ подбрасываетъ свое подметное письмо на паперть у церкви Симеона Богопріимца и Анны Пророчицы. Онъ дѣлаетъ это «къ народной пользѣ», чтобы было «легче отъ податей», какъ объясняетъ впослѣдствіи на допросѣ, поднятый на дыбу въ застѣнкѣ Петра Андреевича Толстого. Дѣло царевича производитъ на него сильное впечатлѣніе, тѣмъ болѣе, что онъ лично зналъ Алексѣя. Въ Москвѣ идетъ розыскъ сообщниковъ Алексѣя, и въ то же время требуется присяга новому наслѣднику—Петру, сыну Екатерины. Эта печатная присяга попадаетъ въ лачугу Докукина у Сухаревой башни, попадаетъ въ тотъ моментъ, когда онъ занятъ составленіемъ новаго подметнаго письма — цѣлой молитвы противъ Петра, которую онъ намѣревался прибить на площади у Троицкой церкви. Докукинъ отказывается идти къ присягѣ и рѣшается смѣло объявить о томъ самому Петру. Въ воскресенье 2-го марта 1718 г. старикъ подъячій является въ с. Преображенское и подаетъ Петру бумагу, ту самую печатную присягу, которую онъ получилъ и на которой крупнымъ почеркомъ написано: «за неповинное отлученіе и изгнаніе всероссійскаго престола царскаго... царевича Алексѣя Петровича, пресвятымъ евангеліемъ не клянусь и на томъ животворящаго креста Христова не цѣлую и собственной своей рукой не подписуюсь и хотя за то царскій гнѣвъ на мя произлѣется... за истину азъ рабъ Христовъ Иларіонъ Докукинъ страдати готовъ». Вмѣстѣ съ тѣмъ Докукинъ передаетъ и всѣ старыя свои «выписки», которыя должны объяснить его поведеніе...

Конечно, мужественный 57-лѣтній старикъ, столь смѣло и открыто заявившій свой протестъ, попалъ въ страшный толстовскій застѣнокъ. Послѣдовали—дыба и мучительная пытка, и, наконецъ, казнь за «воровскія письма», подстрекающія къ возмущенію.

Подъячій Докукинъ не былъ одинокъ; за нимъ стояла сочувствующая народная масса. Она сочувствовала царевичу Алексѣю, потому что онъ защитникъ сирыхъ и обездоленныхъ. Но въ этотъ ореолъ народнаго страдальца облекло Алексѣя только то, что онъ былъ какъ бы самъ въ числѣ этихъ гонимыхъ, этихъ сирыхъ и обездоленныхъ. Сочувствіе массы уже не распространяется на его сына. Сынъ страдальца за народное дѣло тотъ же антихристъ. «Духъ Петровъ» отнынѣ царствуетъ во всѣхъ до скончанія вѣка... «духъ государей россійскихъ есть духъ Петра...» И указъ о

Храмъ Знаменія Пр. Богородицы въ Дубровицахъ, въ имѣніи кн. Голицына.

престолонаслѣдіи 1722 г. вызываетъ массовые отказы отъ присяги, несмотря на угрозы смертной казнью.

Здѣсь мы можемъ остановиться при характеристикѣ общественнаго настроенія, которое диктовала принадлежность къ старой вѣрѣ. Соціально-политическіе мотивы, какъ мы видимъ, въ значительной степени доминируютъ въ этомъ настроеніи... Но Москва, какъ одинъ изъ административныхъ центровъ, представляетъ слишкомъ неблагопріятныя условія жизни для тѣхъ «упрямцевъ», которые находятся въ оппозиціи. И эти упрямцы усиленно бѣгутъ изъ Москвы, бѣгутъ туда, гдѣ большее спокойствіе, и тамъ въ отдаленіи развиваютъ теоріи о немоленіи за царя, о царствѣ антихриста...

Однако, жизнь идетъ своимъ чередомъ. Быть можетъ, надо имѣть много фанатизма, но и много мужества, чтобы отрѣшиться отъ всѣхъ жизненныхъ требованій, чтобы пребывать какъ бы въ постоянномъ бѣгствѣ, и этимъ избѣгать оковъ и путъ антихриста. «Удалятися и бѣгати подобаетъ въ антихристово время»—говоритъ теорія, но жизнь требуетъ компромиссовъ. Утопическія мечтанія объ организаціи коммунистическихъ общинъ людей старой вѣры, попытки осуществленія этихъ идеаловъ разбиваются, въ концѣ концовъ, о горькую жизненную правду. Наступаетъ время компромисса, а вмѣстѣ съ тѣмъ и неизбѣжное разслоеніе разнородныхъ соціальныхъ элементовъ. Имущественное благосостояніе обезпечиваетъ религіознымъ отщепенцамъ болѣе или менѣе нормальное существованіе въ томъ государствѣ, которое они въ принципѣ отрицаютъ. И «расколъ» какъ бы все свое вниманіе сосредоточиваетъ на накопленіи капитала. Эсхатологія не по душѣ купцу, который начинаетъ играть все большую роль въ старообрядческихъ общинахъ. Купецъ становится руководителемъ «раскола». При новыхъ болѣе благопріятныхъ внѣшнихъ условіяхъ, наступившихъ во второй половинѣ столѣтія, «расколъ» опять водворяется въ Москвѣ. Иванъ Алексѣевичъ Ковылинъ — московскій купецъ конца XVIII и начала XIX вѣковъ, находящійся въ самыхъ дружественныхъ и близкихъ отношеніяхъ съ московской администраціей и московской аристократіей— вотъ типичный руководитель старообрядческаго общества позднѣйшей формаціи. Ковылинъ — феодосѣевецъ, отрицающій государство и церковь, проповѣдующій о господствѣ антихриста. Такова теорія, рѣзко расходящаяся съ практикой тѣхъ знаменитыхъ обѣдовъ, которые устраиваетъ хлѣбосольный хозяинъ для власть имущихъ въ своихъ московскихъ палатахъ. «Расколъ» теряетъ характеръ того соціально-политическаго протеста, которымъ окрашена была первая половина его существованія.

Крестьянская масса, закабаленная въ дворянскомъ рабовладѣніи, еще разъ выкинула знамя «старой вѣры», какъ протестъ противъ экономической, соціальной и политической неволи. Еще разъ подъ этимъ знаменемъ пугачевщина потрясла государство. Но это былъ лишь эпизодъ. Соціальный протестъ пошелъ по другому руслу. Онъ не разъ еще надѣвалъ на себя религіозный покровъ, но этотъ покровъ былъ далекъ отъ косной защиты только прошлаго, отъ старыхъ традицій и старой вѣры.

Московская иконопись.

Проф. В. Н. Щепкина.

Иконопись—самостоятельный разрядъ искусства, который къ ближайшему разряду, живописи, стоитъ въ отношеніи контраста: они различаются, какъ творчество коллективное и индивидуальное, какъ эпосъ и разные виды личной поэзіи. Иконопись и живопись одинаково вытекли изъ древнехристіанскаго искусства и прошли двѣ эпохи его: эпоху символики и эпоху «исторической живописи». Но и на этомъ общемъ пути, задолго до Возрожденія, сказалось различіе двухъ европейскихъ психическихъ типовъ—западнаго и восточнаго. Западъ стремится къ выраженію конкретной индивидуальности, и потому—къ драматизму и лирикѣ, востокъ проявляетъ творчество безлично-эпическое и созерцательное. На западѣ художникъ сознаетъ себя творцомъ-иниціаторомъ, на востокѣ—орудіемъ высшей воли, какъ рапсодъ. Съ начала Возрожденія оба направленія расходятся окончательно: на западѣ основа новой культуры—культъ человѣческой личности и ея интересовъ—проникаетъ въ религіозную живопись и превращаетъ ее въ свѣтскую; востокъ не создаетъ свѣтской живописи, а въ религіозной остается вѣренъ своему старому направленію, пока вторженіе западной культуры не разрушаетъ его.

Русская иконопись возникла изъ византійской въ такую эпоху, когда символы, аллегоріи, олицетворенія—нѣкогда главное русло христіанскаго искусства—сохранялись лишь въ качествѣ переживаній; исчезло также портретное направленіе. Въ главномъ руслѣ иконописи наблюдались тогда четыре живыя теченія: изображались типы, событія, церковныя пѣсни и догматы. Типы приняли очень общій характеръ,

возбуждающій созерцательность; событія получили чисто эпическую обработку: иконопись событій, подобно эпосу, развиваетъ дѣйствіе медленно, изображая его цѣпью смежныхъ моментовъ, имѣетъ свои эпическія повторенія въ одинаковыхъ композиціяхъ для одинаковыхъ событій, свои постоянные эпитеты—въ изображеніи постоянныхъ аттрибутовъ лицъ, свои сравненія—въ изображеніи параллелей и антитезъ. Подобно эпосу, иконопись изображаетъ Божество и природу, людей и ихъ созданія въ самомъ общемъ и нормированномъ видѣ; эти нормы отвлечены для иконописи еще античной расой, той самой, которая нѣкогда создала геніальный эпосъ, и затѣмъ эти нормы, какъ въ эпосѣ, поддерживались своего рода отборомъ, который производили не личности, а націи византійской культуры. Изобразительныя средства иконописи, какъ и эпоса, въ основѣ—символическія величины, но цѣлесообразныя и здоровыя. Эти средства стиля, въ иконописи и эпосѣ одинаково, позволяли скромному мастеру излагать идеи съ тою силой и искренностью, которая въ индивидуальной сферѣ живописи и личной поэзіи оставалась и остается удѣломъ только большихъ дарованій. Догматы, нѣкогда выливавшіеся въ полные художественные образы (Іона, Орфей и Добрый Пастырь, какъ символы Христа), изображаются теперь поучительно, въ условныхъ образахъ, требующихъ комментарія. Это новое догматическое направленіе было отраженіемъ сознанія, оно порождалось личностью, сектой, умственной жизнью большого города, гдѣ догматическая мысль вытѣсняла созерцаніе. Наконецъ, изображеніе пѣснопѣній есть въ значительной мѣрѣ произведеніе монашества. Особенность византійца состояла въ томъ, что свою церковную лирику онъ выливалъ въ образахъ: византійскія пѣснопѣнія были полны безподобныхъ сравненій и похвалъ, перечисляющихъ событія; въ нихъ и живописались пѣснопѣнія: для зрителя эти изображенія были отчасти событіями, отчасти сравненіями, т. е. эпическими элементами. Такія пѣснопѣнія въ силу своего объема давали многоличную и слишкомъ сложную икону; но они удобно изображались на стѣнахъ храма и въ миніатюрахъ книги. Среди библейскихъ книгъ Псалтырь была постояннымъ объектомъ такихъ иллюстрацій. Византія выработала два направленія иллюстрацій псалтыри: эпическое (жизнь Давида) и символико-догматическое (толкованіе псалмовъ на Христа, на догматы, на судьбы человѣчества). Не-эпическія теченія иконописи оставались достояніемъ извѣстныхъ лицъ или извѣстной среды; массы жили эпическимъ направленіемъ. Россія получила изъ Византіи оба направленія и развивала ихъ далѣе. Не-эпическое направленіе развивалось вмѣстѣ съ усложненіемъ культуры, главнымъ образомъ въ большихъ городахъ и всего болѣе—въ Новгородѣ.

Исторія Московскаго искусства тѣсно связана съ исторіей политическаго роста Москвы. Первыя извѣстія о Московской иконописи относятся къ нач. XIV вѣка. Иконописью занимался митрополитъ св. Петръ, волынецъ родомъ, прибывшій въ Москву въ 1308 году; преданіе приписываетъ ему двѣ иконы, до сихъ поръ находящіяся въ Успенскомъ Соборѣ. Но иконописные труды митрополита Петра, конечно, не составили школы. Большее вліяніе имѣлъ приходъ грека митрополита Ѳеогноста; Ѳеогностъ

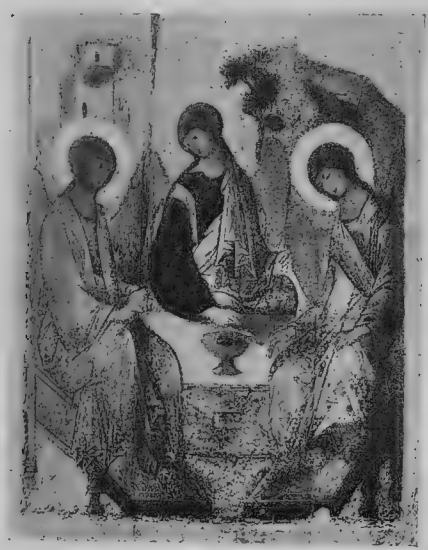
привелъ съ собою мастеровъ разнаго рода, въ томъ числѣ иконниковъ. Въ сороковыхъ годахъ XIV вѣка въ Москвѣ уже упоминаются двѣ дружины мастеровъ—русская и греческая. Греческія вліянія не прекращались и далѣе, при чемъ надо думать, что въ Москву проникали разныя византійскія манеры, которыя въ XIV вѣкѣ, какъ и ранѣе, различались рисункомъ, колоритомъ и техникой раскраски. Однако древнѣйшая Московская иконопись, миніатюра и книжный орнаментъ—чуть не всѣ итоги столѣтняго художественнаго роста города—погибли при сожженіи Москвы Тахтамышемъ въ 1392 году. Лѣтопись отмѣчаетъ особую черту этого бѣдствія: населеніе Московской области бѣжало въ Москву; Кремлевскіе храмы до стропа, т. е. доверху, были наполнены книгами, иконами и др. цѣнной церковною утварью,—и то все погорѣло... Въ странѣ «плохой сохранности», какова Россія, созданія прошлаго особенно скудно доходятъ до далекихъ потомковъ. Но для Московскаго искусства XIV вѣка еще въ самомъ концѣ того же столѣтія наступило совершенно исключительное уничтоженіе. Тѣмъ цѣннѣе для насъ большая миніатюра пергаменнаго Евангелія 1339 года, писаннаго въ Москвѣ и уцѣлѣвшаго только потому, что оно тогда же ушло на сѣверъ, въ Антоніевъ Сійскій монастырь. Миніатюра эта замѣняетъ намъ болѣе крупные памятники иконописи: она изображаетъ Христа, который изъ дверей храма благословляетъ апостоловъ, идущихъ къ нему сплоченной группой. Въ сравненіи съ сѣверной фреской и миніатюрой той эпохи замѣтны особенности: рисунокъ фигуръ не столь прямъ и рѣзокъ, но зато и менѣе выразителенъ; въ драпировкѣ есть первыя черты посредственнаго реализма. Лики сохранили пластичную лѣпку той эпохи, но утратили въ типѣ и, особенно, въ выраженіи свой византійскій характеръ: глядя на изображенія апостоловъ, почти хочется сказать, что эти внимательные, простые и заботные люди съ сильно развитыми скулами напоминаютъ толпу подмосковныхъ крестьянъ-земледѣльцевъ недавняго прошлаго. Это ранній симптомъ того обрусѣнія типовъ, которое станетъ общимъ въ XVII вѣкѣ. Быть можетъ, такое реально-прозаическое, жанровое пониманіе ликовъ было основной склонностью Московской области въ отличіе отъ энергично—отвлеченнаго новгородскаго направленія. Московскія рукописи XIV вѣка составляютъ рѣдкость, и изъ нихъ только Сійское Евангеліе даетъ понятіе о тогдашней иконописи. Съ конца XIV вѣка Турецкое иго вызвало наплывъ юго-славянскихъ выходцевъ въ Россію. Въ политическихъ и религіозныхъ идеяхъ, въ литературѣ и стилѣ языка, въ книжномъ орнаментѣ и орѳографіи сказалось ихъ вліяніе. Ихъ цѣлью было—создать въ Россіи централизованное государство съ абсолютной властью и съ глубокимъ уваженіемъ къ правовѣрію и культурѣ угнетенныхъ славянъ юга. Москва стала центромъ приложенія ихъ усилій. То же вліяніе испытала тогда и русская иконопись. Южные славяне стояли подъ болѣе непосредственнымъ и непрерывнымъ вліяніемъ Византіи и не имѣли возможности выработать большую оригинальность искусства. Въ иконописи русской, національномъ искусствѣ столь повсемѣстномъ и укорененномъ, юго-славянское вліяніе не вызвало переворота. Оно лишь усилило новой, особой манерой и безъ того распространенную манеру свѣтлыхъ ли-

ковъ. Вообще для древней эпохи не слѣдуетъ представлять себѣ «темные лики иконъ, строго смотрящіе на людей». Классической эпохой темныхъ ликовъ, и тоже не повсемѣстной, былъ XVI вѣкъ; возобновленіе этой манеры въ началѣ XVII вѣка было уже архаизаціей. Какъ выяснилъ проф. Лихачевъ, южные славяне принесли къ намъ письмо съ довольно сильной лѣпкой ликовъ и свѣтлорозовымъ колоритомъ ихъ. Но наряду съ югославянской иконописью продолжала вліять болѣе сильная, ибо болѣе художественная, греческая школа въ разныхъ своихъ манерахъ.

На этомъ фонѣ старыхъ, давно усвоенныхъ византійскихъ писемъ и новыхъ балканскихъ вліяній выступаютъ въ началѣ XV вѣка два знаменитыхъ имени: Ѳеофанъ грекъ, прозванный философомъ, и Андрей Рублевъ. Они работали одновременно и иногда совмѣстно. Въ 1378 году Ѳеофанъ работалъ въ Новгородѣ; послѣ Московскаго разгрома 1392 года мы находимъ его въ Москвѣ за обновленіемъ храмовъ: въ 1396 онъ расписываетъ въ Кремлѣ церковь Рождества Богородицы съ предѣломъ Лазаря, въ 1399—Архангельскій Соборъ, въ 1405, вмѣстѣ съ Рублевымъ,—Благовѣщенскій Соборъ. Позднѣе стѣны всѣхъ этихъ храмовъ выведены были вновь, и старая роспись ихъ для насъ утрачена. Мы не знаемъ манеры Ѳеофана, но мы должны принять, что Рублевъ, въ числѣ другихъ вліяній своей эпохи, могъ заимствовать и у Ѳеофана различныя положительныя черты. Ѳеофанъ вообще произвелъ впечатлѣніе въ Москвѣ. Въ одной лицевой (т. е. иллюстрованной) русской лѣтописи Ѳеофанъ изображенъ пишущимъ фреску предъ удивленной толпою москвичей. Мы знаемъ далѣе (изъ особой статьи, сохранившейся въ рукописяхъ), что Ѳеофанъ производилъ удивленіе свободой своего искусства: онъ писалъ изъ головы, не заглядывая въ образцы, и одновременно могъ разговаривать съ людьми; московскіе иконописцы наперерывъ старались снять для себя копіи съ прорисей (контурныхъ образцовъ), набросанныхъ Ѳеофаномъ. Изъ той же статьи мы узнаемъ, что Ѳеофанъ увлекательно описывалъ архитектурныя чудеса Царьграда и часть ихъ согласился изобразить своему собесѣднику на память; мы видимъ, какъ входили новые переводы (композиціи) въ Московскую иконопись той эпохи,—и между ними образчики богатаго палатнаго письма (декоративной архитектуры), доведеннаго до роскоши въ XVI вѣкѣ.

Андрей Рублевъ былъ инокомъ Спасо-Андроніева монастыря въ Москвѣ, въ которомъ и погребенъ; онъ умеръ не позднѣе 1430 г. «въ старости велицѣ»; такимъ образомъ юность и зрѣлые годы Рублева принадлежатъ XIV вѣку, но о его дѣятельности въ это время мы ничего не знаемъ. Одно время онъ былъ въ Сергіевой Лаврѣ, въ послушаніи у пр. Никона Радонежскаго, и по его приказанію написалъ образъ Св. Троицы «въ похвалу пр. Сергію». Въ 1405 г. Рублевъ вмѣстѣ съ Ѳеофаномъ расписывалъ Благовѣщенскій Соборъ. Въ 1408 г. онъ же со своимъ сопостникомъ, другомъ и учителемъ въ иконописи Даніиломъ расписывалъ Успенскій Соборъ во Владимірѣ. Потомъ, по настоятельной просьбѣ преп. Никона, предчувствовавшаго близкую кончину обоихъ мастеровъ, они же расписывали Троицкій Соборъ въ Сергіевой Лаврѣ. Послѣднимъ дѣломъ

Даніила и Андрея была роспись церкви Всемилостиваго Спаса въ Андроніевомъ монастырѣ. Старая письменность полна свидѣтельствъ о томъ, какое обаяніе производили на современниковъ эти старцы — своею жизнью и своимъ искусствомъ. Особенно характерны строки въ житіи Сергія: «Андрей былъ иконописецъ преизрядный всѣхъ превосходящъ въ мудрости зельнѣ и сѣдины имѣя честныя». Лицевыя рукописи XVI и XVII вѣковъ изображаютъ Андрея и Даніила за работой и въ ихъ кончинѣ. Спустя сто лѣтъ по смерти Рублева иконы его считаются драгоцѣностями. Стоглавый Соборъ, осудивъ многія иконныя новшества, поставилъ Рублева наряду съ древними византійскими мастерами, какъ образецъ православной иконописи. Изъ этой памяти, хранимой въ старой письменности, вырастала «Рублевская легенда». Одинъ подлинникъ говоритъ о Рублевѣ: «преподобный отецъ Андрей Радонежскій, иконописецъ, прозваніемъ Рублевъ, многія святыя иконы написалъ — все чудотворныя»; другой источникъ сообщаетъ, что Даніилу предъ смертію явился (ранѣе умершій) другъ его Андрей, радостью призывая его къ себѣ. Старообрядцы-любители XIX вѣка старались внутреннимъ чутьемъ опредѣлить присутствіе Рублевскихъ иконъ въ своихъ молельняхъ и собраніяхъ. Это настроеніе передавалось первымъ изслѣдователямъ. Повѣрка ихъ предположеній была затруднительна, ибо подлинные памятники Рублева письма не находились. Въ наши дни изслѣдователи останавливаются на двухъ памятникахъ: на храмовой иконѣ Троицы въ Сергіевой Лаврѣ и на фрескахъ Владимірскаго Успенскаго Собора. Икону Троицы готовъ признать Рублевской единственный авторитетъ въ нашей иконописи, проф. Лихачевъ; къ ней могутъ относиться свидѣтельства Стоглаваго Собора и житія пр. Никона; съ нея, какъ съ особо-чтимой, писались копіи въ XVI вѣкѣ; въ XVII вѣкѣ ее украшали царскіе вклады. Недавно она отчищена очень знающимъ иконописцемъ В. П. Гурьяновымъ, при чемъ обнаружилось ея подлинное письмо. Икона имѣетъ въ ликахъ свѣтло-оливковый санкиръ (подмалевка, видная въ тѣневыхъ мѣстахъ) и плавное плотное вохренье нѣсколько въ разбѣлъ (т. е. свѣтовыя поверхности ликовъ ровно покрыты довольно свѣтлой охрой), съ твердыми бѣлыми отмѣтками (бликами). По этимъ примѣтамъ икона относится къ русскимъ свѣтлымъ письмамъ древней эпохи и такимъ образомъ дѣйствительно можетъ восходить къ XIV—XV вѣкамъ. Складки одеждъ писаны на иконѣ въ прямыхъ, спокойныхъ чертахъ безъ дешеваго



Икона Троицы, припис. Рублеву.

натурализма; проблы ихъ (свѣтлыя части) сдѣланы въ нѣсколько красокъ,—какъ въ старой Византійской школѣ и въ Новогородской. Въ художественномъ отношеніи икона представляетъ тонкое пониманіе традиціонаго: большую деликатность и осторожный художественный реализмъ въ обработкѣ деталей, а главное — особый психическій типъ изображеній: это — ближе не передаваемая поэтичность чувства въ изображеніи безплотныхъ, крылатыхъ существъ и тонкая индивидуализація каждаго изъ нихъ въ удивительномъ соотвѣтствіи съ идеей о трехъ лицахъ пр. Троицы... Фрески Владимірскаго Успенскаго Собора содержатъ Страшный Судъ, Введеніе, Срѣтеніе, Крещеніе, Сошествіе св. Духа и изображенія различныхъ Святыхъ. Допуская, что фрески относятся къ началу XV вѣка, мы не знаемъ, что именно принадлежитъ въ этой росписи Рублеву, но мы должны помнить, что Даніилъ, писавшій здѣсь вмѣстѣ съ нимъ, былъ его учителемъ и ближайшимъ единомышленникомъ въ жизни, религіи и искусствѣ. Сравненіе этихъ фресокъ съ иконой Троицы показываетъ сходства въ колоритѣ ликовъ, краскахъ и рисункѣ. Оба памятника передаютъ старый рисунокъ, прямой и выразительный, въ деликатномъ варіантѣ, съ возстановленнымъ пониманіемъ реальнаго, но безъ утраты стиля и безъ усиленія манерности. Художественное значеніе этихъ фресокъ всего лучше поясняетъ картина Страшнаго Суда. Это обширная и свободная композиція; всѣ ея эпизоды дышатъ поэзіей теплаго и вдумчиваго чувства. Это — отраженіе личности съ конкретно-наивной и дѣтски-чистой религіей и въ то же время отраженіе богатой опытомъ жизни, но только такой жизни, которая накопляла одни эстетическія и моральныя впечатлѣнія и проходила мимо остального. И чрезъ нѣсколько вѣковъ чувствуется, что то были русскія впечатлѣнія; они лишь вложены, нѣсколько лирически, въ деликатно понятыя формы византійскаго религіознаго эпоса. Теперь мы знаемъ, чѣмъ волновали русскія сердца Андрей Рублевъ и Даніилъ Черный: они творчески объединили съ національной религіей тѣ впечатлѣнія красоты и добра, которыя на фонѣ элементарной и съ поверхности столь грубой русской жизни таятъ для насъ русская природа, воспоминанія дѣтства и впечатлѣніе хорошихъ русскихъ лицъ—молодыхъ и старыхъ. Мы однако должны считаться съ психическимъ факторомъ: одна возможность, что предъ нами произведеніе Рублева, настраиваетъ мечтательно, ибо это имя изъ поколѣнія въ поколѣніе передается въ совершенно особомъ тонѣ, который дѣлаетъ его настоящимъ заклинаніемъ. Но допустимъ, что до насъ не дошло ничего Рублевскаго. Изъ тѣхъ значительныхъ и теплыхъ словъ, какими говоритъ о Рублевѣ старая письменность, а равно изъ самаго факта, что на анонимной поверхности иконописи сохранилось, и такъ настойчиво, имя Рублева, мы должны будемъ заключать о талантѣ обаятельномъ и въ то же время глубоконаціональномъ. Поэму этой жизни увѣковѣчили слова, которыя находимъ въ завѣщаніи Іосифа Волоцкаго: «Рублевъ и Даніилъ въ праздничные дни и въ самую Пасху (т. е. когда нельзя было работать самому) разсматривали святыя иконы и переносились мыслію отъ видимаго къ невидимому».

Дальнѣйшія свѣдѣнія о Московской иконописи XV в. скудны: эпоха эта заслонена для насъ художественнымъ развитіемъ XVI вѣка и не

оставила ни одного крупнаго памятника. Мы не можемъ учесть работу тѣхъ мастеровъ, которые явились въ Москву въ свитѣ Софіи Палеологъ, ни вліяніе тѣхъ итальянцевъ, которые прибывали позднѣе.

О томъ, что происходитъ съ иконописью въ XV и началѣ XVI вѣковъ, мы можемъ отчасти судить по дошедшимъ до насъ миніатюрамъ этой эпохи и по итогамъ, сказавшимся въ срединѣ XVI вѣка. Въ XV вѣкѣ въ рукописяхъ строго религіознаго характера находимъ и строго иконную миніатюру: таковы обыкновенно изображенія Евангелистовъ. Въ рукописяхъ болѣе свѣтскаго содержанія или съ сильнымъ бытовымъ элементомъ находимъ несбывалую ранѣе ремесленную бойкость рисунка.

Образъ свѣтлоликихъ писемъ XV в.

Беремъ для образца три рукописи. Въ новгородской (нынѣ—синодальной) Палеѣ 1477 года старый новгородскій рисунокъ переработанъ реалистически, а въ жестахъ, позахъ, композиціяхъ, пропорціяхъ плановъ—много жанроваго реализма, того, который накоплялся Возрожденіемъ и разносился гравюрой по Европѣ, становясь постепенно общепринятымъ условнымъ языкомъ искусства. Въ кёнигсбергскомъ спискѣ русской лѣтописи, к. XV—нач. XVI вѣка, мы находимъ вначалѣ копировку болѣе древней русской миніатюры, потомъ видимъ работу русскаго, отчасти перенявшаго западные пріемы, и, наконецъ, нѣмца, грубо (какъ бы для копировки) измѣняющаго русскій рисунокъ въ бойкій, частоправдивый, но всегда избитый рисунокъ нѣмецкій. Въ житіи Бориса и Глѣба к. XV вѣка, принадлежащемъ проф. Лихачеву, этотъ изслѣдователь находитъ итальянскія черты, но уже сильно переработанныя: остался нѣкоторый реализмъ въ жестахъ и позахъ, да нѣкоторыя реальныя черты быта, привлекавшія иностранцевъ—русскіе костюмы и храмы; вообще же хорошій иконный, новгородскій рисунокъ возстановился, и проф. Лихачевъ правъ, говоря, что эта рукопись уже ведетъ насъ къ XVI вѣку. Всѣмъ рукописямъ XV вѣка съ западнымъ вліяніемъ свойственно реальное обозначеніе фигуръ въ драпировкѣ, при манерности самой драпировки.

Московская иконопись XVI вѣка стоитъ подъ сильнѣйшимъ вліяніемъ Новгородской школы. Новгородъ до возвышенія Москвы былъ самымъ крупнымъ центромъ городской жизни. XIII и XIV вѣка—эпоха оригинальной новгородской архитектуры и столько же оригинальнаго орнамента рукописей, XV вѣкъ ознаменованъ въ Новгородѣ броженіемъ религіозной мысли и развитіемъ письменности, XVI в.—развитіемъ иконописи и

В. И. Суриковъ.

Утро Стрѣлецкой казни.

Карт. находится въ Третьяковской галереѣ, въ Москвѣ.

миніатюры. Въ XIV—XVI вѣкахъ въ Новгородѣ вырабатывается на старой византійской основѣ типичный стиль религіозной живописи съ рѣзкимъ и выразительнымъ рисункомъ и серіозными энергичными ликами; колоритъ новгородскихъ ликовъ еще и въ XVI вѣкѣ былъ различенъ: желтый, красно-коричневый и темно-оливковый; желтые лики преобладали въ новгородской провинціи и съ XVII вѣка стали общерусской модой. Особенностью Новгородской иконописи XVI вѣка было, кромѣ того, усложненіе унаслѣдованнаго Византійскаго матеріала, между прочимъ — обиліе сложныхъ иконныхъ композицій догматико-аллегорическаго содержанія, еще не извѣстныхъ въ Москвѣ, часто поражающихъ своею странностью; онѣ заключаютъ въ себѣ и нѣкоторую примѣсь средневѣковаго западнаго искусства. Новгородская школа была цѣликомъ перенесена въ Москву митрополитомъ Макаріемъ, при переходѣ его на Московскую каѳедру въ 1540 г. Этотъ ревностный поклонникъ и кодификаторъ велико-русской національной культуры еще въ Новгородѣ былъ окруженъ дружиной писцовъ, миніатюристовъ и иконниковъ. Въ иллюстраціяхъ на бумагѣ они развили самую тонкую технику акварели, сохранивъ всю строгость Новгородскаго иконнаго стиля. Макарьевская, или Митрополичья школа существовала и въ Москвѣ до великаго пожара 1547 года, когда для обновленія Московской святыни Грозный собралъ всѣ лучшія иконописныя силы страны и положилъ начало царской школѣ; въ нее вошли и митрополичьи мастера. Великія Четьи-минеи Макарія, носящія его имя и дату 1552 г., содержатъ прекрасныя, большія миніатюры, между прочимъ иллюстрированное сказаніе Козьмы Индикоплова; эти миніатюры послужили мѣриломъ при отысканіи иконъ той же школы. Иконы Макарьевской школы, теперь очень рѣдкія, поражаютъ полнотою православной традиціи, монументальностью стиля и техники. Изъ рукописей Макарьевской миніатюры чрезвычайно важно житіе Нифонта XVI вѣка, принадлежащее Историческому музею; оно расписано наилучшими иконниками Макарія и миніатюрами своими замѣняетъ намъ сотни утраченныхъ фресокъ и иконъ. Въ рисункѣ и композиціи эти миніатюры представляютъ какъ бы руководство Новгородской иконной стилистики. Легчайшая акварельная раскраска передаетъ раскраску иконную не технически буквально, а въ общемъ впечатлѣніи. Въ жестѣ, движеніи, композиціи — слѣды западныхъ вліяній, входившихъ съ XV вѣка, но подчиненные всей строгости Новгородскаго стиля. Въ палатномъ письмѣ при старыхъ византійскихъ типахъ есть иногда сложнѣйшія орнаментальныя комбинаціи, возникшія уже въ Новгородской школѣ, а равно первыя уклоненія отъ этой школы: изображенія Московскихъ соборовъ XV — XVI вѣковъ, ихъ Владимірско-Суздальскихъ прототиповъ и Московскихъ церквей съ кокошниками кровли въ нѣсколько рядовъ. Это — Московскія и Владимірскія впечатлѣнія новгородскихъ мастеровъ Макарія. У себя дома ни въ иконахъ, ни въ рукописяхъ эти мастера не отклонялись такъ отъ византійскаго палатнаго письма. Въ рисункахъ Нифонта есть любопытныя указанія на то, что Макарьевская дружина кромѣ житій иллюстровала многое другое, между прочимъ и Апокалипсисъ, который въ XVII вѣкѣ сталъ любимой

народной книгой, а у старообрядцевъ остается ею до нашихъ дней. Та же рукопись Нифонта въ нѣкоторыхъ рисункахъ говоритъ о томъ безсознательномъ реализмѣ, который вносили иные иконописцы въ лики. У большихъ талантовъ это—художественная идеализація современныхъ имъ ликовъ, у рядовыхъ иконописцевъ XVII в.—цѣлая цѣпь жанровыхъ ликовъ, начиная отъ спокойно-благородныхъ и кончая вульгарными. Въ XVI вѣкѣ этотъ процессъ лишь намѣчается и еще не приноситъ своихъ худшихъ плодовъ. Въ житіи Нифонта мы находимъ чисто русскія монашескія лица, на шитыхъ иконахъ XVI вѣка—лики ангеловъ, въ которыхъ не трудно узнать молодыя русскія лица той эпохи. Вспомнимъ здѣсь же поразительные лики Румянцевскаго церковнаго устава, лицевой рукописи самаго начала XVII вѣка. Эти лики изображаютъ Святыхъ; но они поразительны по общему выраженію тревоги и недовольства, которое лежитъ на нихъ: нѣтъ сомнѣнія, что эти буревѣстники надвигающейся смуты проникли въ книгу изъ жизни.

Значительное вліяніе на судьбу Московской иконописи оказала школа царскихъ иконописцевъ. Таковые существовали съ давнихъ поръ, но о школѣ говорятъ обыкновенно съ пожара 1547 года; много лучшихъ иконописныхъ силъ страны осталось тогда въ Москвѣ и по окончаніи спѣшныхъ работъ образовало царскую мастерскую палату. Грозный и его тогдашнее окруженіе, главнымъ образомъ Сильвестръ и Макарій, пользовались этой школой для своихъ цѣлей. Съ средины XVII в. мы имѣемъ много свѣдѣній объ этой школѣ въ дѣлахъ Оружейнаго приказа, изданныхъ И. Е. Забѣлинымъ и отчасти другими лицами. Изъ дѣлъ этихъ видно, что въ Оружейной Палатѣ, въ числѣ прочихъ мастеровъ, были иконописцы «жалованные» и «кормовые», т. е. годовые и временные, приглашаемые годовымъ въ помощь. Тѣ и другіе избирались изъ лучшихъ иконниковъ московскихъ и иногородныхъ; иногородніе призывались въ Москву и для «государевыхъ скорыхъ дѣлъ», напр., для новой росписи Кремлевскихъ соборовъ. Иконниковъ поставляли главнымъ образомъ сѣверные города и монастыри: Новгородъ, Ярославль, Устюгъ, Кострома, Ростовъ, Вологда, также Нижній, Сергіева Лавра и др. обители. Патріархи имѣли своихъ иконниковъ, которыхъ въ случаѣ надобности вызывали въ Оружейный приказъ и отправляли на работы наравнѣ съ городовыми иконописцами. Вступившему въ жалованные иконописцы дѣлалось испытаніе, при чемъ работа его разсматривалась довѣренными иконописцами. Занятія государевыхъ иконниковъ были разнообразны: они расписывали дворцовыя церкви и палаты, писали иконы для государя и его семейства, производили работы для разныхъ церквей и монастырей. Они же рисовали образцы (въ очеркахъ и въ краскахъ) для иконъ и др. предметовъ, какіе шились шелками и золотомъ у царицы и царевенъ. Тѣмъ же иконникамъ поручались иногда разныя чертежныя, рисовальныя и декоративныя работы: чертежи городовъ, рисунки для гравюръ, работы на денежномъ дворѣ и въ серебряной Палатѣ, роспись придворной мебели, обивка жилыхъ палатъ дворца западными гравюрами, проекты различныхъ предметовъ (трубъ, печей, пряничныхъ досокъ и пр.). Вотъ почему для насъ важны также

шитые и гравированные предметы того времени. Частые сборы иконниковъ для государевыхъ дѣлъ и постоянныя ихъ сношенія съ Москвою постепенно уничтожали отличія между письмами (художественными школами, пошибами). Однако здѣсь слѣдуетъ дѣлать различіе между XVI и XVII вѣками. Въ XVI вѣкѣ Макарьевская школа исчезла въ царской, но при ассимиляціи манеръ въ высокой иконописи все же торжествовалъ Новгородскій стиль, а западныя вліянія были не сильны и усвоялись легко и не безъ пользы. Въ XVII вѣкѣ исчезаютъ лучшія черты Новгородскаго стиля, а западныя вліянія идутъ, быстро усиливаясь.

Изъ росписи Благовѣщенскаго собора.
(Эпоха Грознаго).

Отъ XVI вѣка дошло не много документовъ, говорящихъ о царской школѣ, но дошли самыя работы царскихъ мастеровъ: роспись Благовѣщенскаго Собора (1560-хъ гг.) и Смоленскаго Собора Новодѣвичьяго монастыря (1598 г.), немногія иконы и замѣчательныя лицевыя рукописи. Изъ документовъ самый важный есть подробное описаніе стѣнописи двухъ дворцовыхъ палатъ: Золотой (роспись эпохи Грознаго) и Грановитой (роспись эпохи Ѳеодора Іоанновича); описаніе произведено съ натуры въ 1672 году царскимъ иконописцемъ Симономъ Ушаковымъ по приказанію царя Алексѣя Михайловича. Весь дошедшій матеріалъ по XVI вѣку дѣлится такимъ образомъ на двѣ эпохи—эпоху Грознаго и эпоху Ѳеодора Ивановича и Бориса. Въ искусствѣ

Грознаго слились два теченія: національно-православное, внесенное Макаріемъ, и царское, вносимое самимъ Грознымъ. Оба теченія сходятся въ прославленіи новосозданной царской власти, но Сильвестръ и Макарій понимаютъ ее, какъ цѣнный національно-религіозный институтъ, самъ Грозный—какъ свое личное право. Подъ рукою Сильвестра и Макарія искусство прославляло промыселъ Божій, приведшій къ воскрешенію правовѣрнаго царства съ благочестивымъ царемъ во главѣ. Грозный создавалъ символы и художественные документы своей царской власти, или же пользовался искусствомъ для того, чтобы продлить милости Промысла. Оба теченія нуждаются въ изображеніи величія и находятъ его, согласно библейскимъ и византійскимъ образцамъ, въ блескѣ и роскоши. Поэтому оба теченія пользуются услугами болѣе сильнаго Новгородскаго искусства, а равно искусства западнаго съ его болѣе сложными средствами и содержаніемъ. Макарій и Сильвестръ стремятся къ изображенію идей въ лицахъ и событіяхъ, Грозный—къ орнаментальному апоѳеозу царской власти. Вся эта художественная дѣятельность почти оканчивается вмѣстѣ съ первымъ періодомъ царствованія Грознаго. Во второмъ періодѣ его царствованія самые крупные художественные дары Грознаго (по Московскому государству и внѣ его) были связаны со смертью царевича Ивана Ивановича и состояли не въ архитектурѣ и не въ живописи, а въ утвари; перенесеніе художественныхъ богатствъ Новгорода въ Москву послѣ разгрома Новгорода въ 1571 году носило характеръ военной добычи, которая легла мертвымъ капиталомъ въ ризницахъ московскихъ соборовъ. Дописывались только лицевыя рукописи, задуманныя въ первомъ періодѣ. Разсмотримъ главные памятники царской школы. Благовѣщенскій Соборъ представляетъ внутри (теперь—сильно пострадавшую) иконную роспись со многими религіозными чертами Новгородскаго стиля, а на паперти—сложныя иконныя композиціи и изображенія аллегорическаго характера: снаружи, надъ входною дверью паперти, изображенъ въ прекрасной и сложной композиціи Соборъ Богоматери—съ аллегорическими фигурами вѣтровъ, земли, пустыни и др. Эта картина не воспроизведена въ «книгѣ вѣнчанія на царство Михаила Ѳеодоровича», царской рукописи нач. XVII вѣка, гдѣ есть изображенія Благовѣщенскаго Собора; однако по стилю эта картина вполнѣ совпадаетъ съ работами мастеровъ Грознаго. На крытой лѣстницѣ паперти, на лѣвой стѣнѣ, изображена картина чуднаго паденія Іерихона—вѣроятно, иллюзія на паденіе татарскихъ царствъ. Всѣ особенности этой картины указываютъ на мастерскую палату Грознаго. На самой паперти находимъ между прочимъ изображенія святителей и князей московскихъ, древнихъ философовъ и сивиллъ съ ихъ пророческими изреченіями и фреску «О тебѣ радуется»; вся эта роспись относится, вѣроятно, къ 60-мъ, а не къ концу 40-хъ гг. XVI вѣка. Въ ея рисункѣ замѣтны уклоненія отъ новгородской строгости въ направленіи нѣкотораго реализма драпировки и движеній фигуръ. Золотая палата дворца, нынѣ не существующая, была по сводамъ и стѣнамъ расписана при Грозномъ иконными сюжетами, притчами и аллегоріями и историческими картинами. Изъ этой массы сюжетовъ укажемъ только немногіе: въ сѣняхъ на сводахъ изображались идеалы царской власти,

Ивановъ.

Выѣздъ царя.

Москва
и ея
прошломъ
и настоящемъ

между прочимъ царевичъ съ книгою въ рукахъ («сынъ премудръ веселитъ отца и матерь») и младой царь, изливающій на народъ поученіе (въ видѣ рѣки, текущей отъ руки царя). На стѣнахъ — исторія Іисуса Навина напоминала о завоеваніяхъ Грознаго. Сама Золотая палата содержала между прочимъ притчу о царевичѣ Іоасафѣ и пустынникѣ Варлаамѣ, какъ символъ обращенія царя на правый путь, а также сложнѣйшую картину «Душа праведная и грѣшная» съ многочисленными аллегорическими фигурами добродѣтелей и пороковъ, земли, моря, вѣтровъ, а вокругъ — ангелы стихій, олицетворенія небесныхъ тѣлъ, временъ года и многое другое. Отмѣтимъ, что въ той-же палатѣ изображены были апостолъ Петръ съ ключами, семь апокалиптическихъ ангеловъ и семиглавый бѣсъ — первое вторженіе Апокалипсиса въ нашу древнюю иконопись. Какъ видимъ, эта роспись напоминала то, что сохранилось на паперти Благовѣщенскаго Собора, но была болѣе богатой и свѣтской, почему и встарь называлась не иконописью, а «бытейскимъ письмомъ».

Но тѣ же свѣтскіе элементы проникали и въ настоящую иконопись; между тѣмъ современники, какъ сейчасъ увидимъ, во всякой живописи искали только своей традиціонной зрительной религіи. До новгородскихъ вліяній и школы Грознаго Московская иконопись носила лишь свой основной созерцательно-эпическій характеръ, теперь въ нее входили сложная догматическая мысль въ композиціяхъ, еще невѣдомыхъ Москвѣ, и западная аллегорія, служащая въ концѣ концовъ возвеличенію политической власти. То и другое врывалось диссонансомъ въ религіозный эпосъ Москвы и вызывало смуту въ сердцахъ, или, какъ мы сказали бы теперь — колебало національную психологію. Та же оппозиція наблюдалась въ XVI вѣкѣ и на сѣверѣ, по отношенію къ Новгородской догматической иконописи; въ Москвѣ же самымъ громкимъ выразителемъ протеста явился дьякъ посольскаго приказа (т.е. далеко не отсталый человѣкъ въ своей средѣ) Иванъ Висковатовъ. Устно и письменно заявлялъ онъ Макарію свои сомнѣнія противъ новшествъ, возникшихъ послѣ пожара 1547 года: иконъ, написанныхъ новгородцами и псковичами, и фресокъ Благовѣщенскаго Собора и Золотой палаты. Висковатовъ начиналъ находить сочувствіе въ москвичахъ, почему творцы новой живописи рѣшили защищать ее гласнымъ путемъ: на Соборѣ, созванномъ для этого въ 1554 году, Сильвестръ явился адвокатомъ ея; уступивъ Висковатому въ мелочахъ, Соборъ оправдалъ остальное очень общими богословскими соображеніями. Висковатовъ смирился передъ церковнымъ авторитетомъ, но, конечно, не сталъ поклонникомъ «царскаго направленія» въ иконописи. Изъ возраженій Висковатаго ясно, что, помимо религіозныхъ сомнѣній, новая живопись колебала его эпическую эстетику: такъ, онъ находилъ, что не слѣдуетъ искать новыхъ образовъ для изображенія невидимаго Божества; что не должно быть разногласій въ изображеніи однихъ и тѣхъ же сюжетовъ; что не должно быть смутно-странныхъ комбинацій образовъ; что должны быть надписи, устраняющія неясность; что не должно быть диссонансовъ въ родѣ рискованныхъ аллегорическихъ фигуръ, которыя онъ описывалъ такими словами: «Въ палатѣ Государя нашего написанъ образъ Спасовъ,

да тутъ же, близко отъ него, женка, спустя рукава, кабы пляшетъ, а подписано подъ нею Блуженіе, а иное Ревность и иныя глумленія» (слова относятся къ упомянутой выше большой аллегорической картинѣ Золотой палаты). Ясно, что психологія Висковатова требовала спокойно-созерцательныхъ впечатлѣній, вызываемыхъ неизмѣнными, привычными образами, т. е. требовала эпоса, а не богословской иконописи и не аллегорическихъ эффектовъ оффиціальной живописи. Эти особенности «царской школы» для народа стояли въ рѣзкомъ противорѣчіи съ одновременными усиліями Макарія и Грознаго кодифицировать православную традицію и съ тѣми мѣрами къ огражденію иконописи отъ новшествъ и порчи, какія не задолго предъ тѣмъ были постановлены на Стоглавомъ Соборѣ 1551 года. Дѣло въ томъ, что для Макарія и Грознаго уже намѣчалось различіе иконописи и живописи, и они заставляли послѣднюю служить свѣтскимъ цѣлямъ; массы же хотѣли только стараго религіозно-эпическаго искусства, хотя и воспринимали въ него нѣкоторые новые элементы, которые въ свою очередь на фонѣ чистой иконописи казались тому же Макарію противорѣчащими ученію церкви. Школа Грознаго не создала новой эпохи національнаго искусства, ибо творила для себя, а не для народа. Но спеціализація Грознаго на апоѳеозѣ царской власти, его настойчивость въ созданіи сказочно-роскошной символической обстановки для этой власти заставили его собрать въ Москву всѣ лучшія силы фресковой и иконной живописи, миніатюры и орнамента. Грозный не создалъ художественной эпохи, но онъ блестяще увѣковѣчилъ таковую. Всѣ созданія Грознаго — роскошные уники, содержащіе самыя сложныя техническія и художественныя задачи; это какъ бы испытанія русскихъ мастеровъ, показатели ихъ предѣльнаго умѣнья. Виртуозная роспись Кремлевскихъ храмовъ и палатъ исчезла или исчезаетъ на нашихъ глазахъ. Но живописная школа Грознаго сохранится въ замѣчательныхъ лицевыхъ рукописяхъ. Теперь установлено, что мастерская палата Грознаго создала исполинскій лицевой лѣтописный сводъ въ двѣнадцати огромныхъ томахъ. Разрозненные томы этого свода сохранились въ различныхъ библіотекахъ; послѣдній томъ, содержащій часть царствованій Грознаго и его отца, извѣстенъ подъ именемъ Царственнаго Лѣтописца. Первый томъ, содержащій Библію до царей и двѣ исторіи о Троянской войнѣ, принадлежитъ Историческому Музею. Этотъ первый томъ по искусству превосходитъ всѣ остальные; онъ содержитъ болѣе 1000 большихъ, раскрытыхъ листовъ и на нихъ болѣе 1600 большихъ миніатюръ, которыя, особенно въ библейской части, соединяютъ тончайшее иконное мастерство съ разнообразіемъ и роскошью колорита и декоративной палатной обстановки. Рисунокъ сохранилъ въ библейской части много Новгородскаго. Но въ рисовкѣ фигуръ и драпировокъ находимъ ясные слѣды нѣмецкаго, уже ремесленнаго, реализма; тоже въ нѣкоторыхъ типахъ палатнаго письма, напр., въ ступенчатомъ фронтонѣ зданій. Рукопись представляетъ для царской школы то же, что житіе Нифонта для Митрополичьей: это ея подлинникъ. Рисунки Музейской рукописи совпадаютъ съ немногими сохранившимися иконами и фресками царской школы XVI вѣка и вознагра-

ждаютъ за утрату остального. Другое произведеніе той же школы, Житіе Николая Чудотворца (въ Румянцевскомъ Музеѣ), содержитъ въ начальныхъ 72-хъ листахъ прямую работу нѣмецкаго художника, который (вѣроятно, еще въ Новгородѣ) изучилъ новгородскій рисунокъ, но передаетъ его съ живописной бойкостью; въ палатномъ письмѣ онъ же много заимствуетъ у товарищей, рисующихъ послѣ 72-го листа, а отъ себя даетъ изображеніе Успенскаго Собора (иное и болѣе реальное, чѣмъ въ «Нифонтѣ»); тотъ же нѣмецъ проявляетъ интересъ къ русскому быту (напр., въ изображеніи церковныхъ обрядовъ), а 1-ю миніатюру знаменитъ (рисуетъ) по гравюрѣ Нюренбергской хроники к. XV вѣка. Вотъ лучшій образецъ свободы, которая дана реалистической струѣ и иноземному элементу въ царской школѣ. По позднимъ копіямъ мы заключаемъ, что мастерская палата иллюстровала много иныхъ житій, хронографы, Апокалипсисъ и пр.

Изъ росписи Новодѣвичьяго м. Пр. Анна.

Совсѣмъ иныя идеи влагалъ въ искусство Борисъ Годуновъ: его художественныя созданія носили тотъ же культурный характеръ, какъ въ мірѣ античномъ и западномъ: Борисъ съ разсчетомъ создаетъ лишь крупные архитектурные памятники, общеполезные и спокойно-значительные; его цѣль—благодарность современниковъ и память потомства. Вотъ почему въ иконописи и миніатюрѣ его эпоха отражаетъ наслѣдственное, народное теченіе искусства, хотя, какъ правитель, Борисъ постоянно обращается къ Западу. Изъ памятниковъ царствованія Ѳеодора и Бориса особенно характерны—Годуновскія лицевыя псалтыри, стѣнопись въ Новодѣвичьемъ монастырѣ и роспись Грановитой палаты. Годуновскія псалтыри-роскошныя лицевыя рукописи, которыя созданы по заказу однимъ изъ Годуновыхъ и посланы набожнымъ вкладомъ въ различные монастыри. Всѣ эти псалтыри помѣчены 1591 годомъ, но, быть можетъ, не всѣ писаны одновре-

менно. По стилю миніатюръ древнѣйшая изъ нихъ—псалтырь Ипатскаго Костромского монастыря, всего болѣе похожа на работы мастерской палаты Грознаго. Остальныя псалтыри—совершенно иного стиля, который можно назвать стилемъ XVII вѣка: онъ отличается рутинной бойкостью очень однообразнаго рисунка, мелкими фигурами, бѣдностью палатъ, небрежностью ландшафта—вообще утратою Новгородскаго стиля, какъ въ иконописи XVII вѣка. Важно однако самое направленіе предпріятія: лучшій лицевой памятникъ религіозной поэзіи становится достояніемъ всѣхъ главныхъ московскихъ и нѣкоторыхъ провинціальныхъ обителей. Во всѣхъ отношеніяхъ важна Годуновская роспись въ Смоленскомъ Соборѣ Новодѣвичьяго монастыря—одно изъ блестящихъ общественныхъ сооруженій Бориса, художественный памятникъ Годуновской семьѣ и объектъ для ближняго богомолья москвичей. «Смоленскій» соборъ Новодѣвичьяго монастыря—высокій пятикупольный храмъ, подобный Успенскому Собору; внутри по сводамъ и стѣнамъ, по столбамъ и куполамъ онъ сплошь расписанъ фресками въ 1598 году. Роспись важна уже по тому, что отлично сохранилась и даетъ такое впечатлѣніе о старинѣ, какого не даютъ Кремлевскіе соборы. Внизу по тремъ стѣнамъ широкой лентой идетъ лѣтопись и говоритъ, что церковь совершена «по великой вѣрѣ, по сердечному желанію и по душевному усердію» царицы инокини Александры (въ мірѣ—Ирины) и ея брата царя Бориса съ дѣтьми. По стилю эта роспись, работа наилучшихъ царскихъ иконописцевъ, соединяетъ лучшія черты Московской школы съ новгородскими; она особенно близко напоминаетъ нѣкоторыхъ мастеровъ библейской части музейской рукописи (см. выше). Новгородскому стилю принадлежатъ спокойное сѣро-голубое поле всей этой росписи, контрастная оттѣнка, символичность рисун-

Изъ росписи Новодѣвичьяго м. Богоматерь.

А. Бенуа. — „ Помѣщикъ “.

Москва
въ ея
прошломъ
и настоящемъ

ка, серіозное спокойствіе многихъ ликовъ. Но этотъ суровый стиль данъ здѣсь въ смягченномъ варіантѣ — палаты богаты и орнаментальны, какъ въ миніатюрѣ, ландшафтъ писанъ съ любовью, а въ лики внесена нѣкоторая душевная мягкость. Къ московскимъ чертамъ относится колоритъ: господствующей краской росписи является охра во всѣхъ переходахъ—начиная отъ самыхъ темныхъ тѣней и кончая нѣжнымъ тономъ, дающимъ иллюзію свѣтлаго золота (въ вѣнцахъ); здѣсь виртуозно обнаружены средства этой главной московской краски. Мѣстами (въ меньшихъ куполахъ) видна рука болѣе слабыхъ мастеровъ и подчасъ встрѣчаются даже вульгарные лики. Вообще же лики эстетичны; всѣ они смягчили византійскій типъ, слегка округливъ черты; многіе имѣютъ уже жанровое, но пріятное выраженіе. Количество всѣхъ картинъ и отдѣльныхъ фигуръ громадно. Столбы заняты изображеніями святыхъ: по стѣнамъ, въ четыре пояса размѣщена наиболѣе поэтичная часть всей росписи — лицевой акаѳистъ Богоматери. Въ цѣломъ — это огромная поэма, крупный образецъ національно-религіозной эстетики того времени и значительный памятникъ Годуновской славы. Но мы знаемъ Бориса и какъ создателя политико-тенденціозной живописи; только эта живопись Грановитой палаты не ищетъ эффектовъ внѣшняго величія: въ ней Борисъ ведетъ счеты съ своимъ временемъ и обращается прежде всего къ московскому боярству. Здѣсь такое же обиліе сюжетовъ — иконныхъ и бытейскихъ, какъ и въ Золотой палатѣ. Историческій циклъ содержалъ русскую исторію въ лицахъ, начиная отъ Августа кесаря и кончая Ѳеодоромъ Іоанновичемъ; Ѳеодоръ изображенъ на тронѣ, справа отъ него—правитель Годуновъ, слѣва — остальное боярство. Въ аллегорическомъ циклѣ отмѣтимъ нѣсколько притчъ: какъ разъ противъ царскаго мѣста была картина: въ палатахъ на престолѣ царь сидитъ печаленъ, рукою подпершись, предъ нимъ стоятъ вельможи—крамолятся. Рядомъ—царь, сидя на престолѣ, вручаетъ судьѣ праведному мечъ отмщенія; далѣе — царь возстановляетъ правду въ царствѣ, не щадя собственныхъ сродниковъ. А на столпѣ палаты, къ заднему ея углу, гдѣ собирались всякіе чины, приглашаемые во дворецъ, изображена была притча о Зиновѣ царѣ: вдова во храмѣ предъ иконой Богоматери молитъ о мести царю. Ликъ иконы отвѣчаетъ: «рука его возбраняетъ мнѣ, ибо онъ милостивъ, и никто не можетъ сотворить зла надъ милостивымъ». Здѣсь же царь Давидъ, въ глубокомъ раскаяніи, обличаемый пророкомъ Наѳаномъ. Забѣлинъ въ этихъ послѣднихъ картинахъ видитъ своего рода отвѣтъ на народные толки о злодѣйствахъ Бориса и на ихъ повтореніе въ завистливой дворцовой средѣ.

Послѣ Смутнаго времени начинаются крупныя перемѣны въ русской иконописи. Послѣднія традиціи XVI вѣка исчезаютъ въ первое десятилѣтіе царствованія Михаила Ѳеодоровича: онѣ умираютъ вмѣстѣ съ послѣдними царскими мастерами, пережившими Смуту. Московская иконопись проникается пришлыми провинціальными элементами. Исчезаютъ новгородскій стильный рисунокъ и роскошная миніатюрная манера царской школы, рисунокъ вообще теряетъ свой символическій характеръ: въ фигурахъ, палатахъ и ландшафтѣ онъ одновременно становится и реальнѣе и

хуже, т. е. передаетъ теперь въ условномъ несовершенствѣ не наиболѣе общія черты предметовъ, какъ прежде, а черты частныя и случайныя. Во второй половинѣ вѣка этотъ нестильный и плохо понимаемый рисунокъ принимаетъ орнаментальное направленіе: драпировки фигуръ, палаты и горы становятся сложны и вычурны; фигуры, особенно мелкія, становятся неестественно длинны. Желтые лики, господствовавшіе въ сѣверныхъ и другихъ провинціальныхъ письмахъ, начинаютъ господствовать и въ Москвѣ; манера темныхъ ликовъ исчезаетъ, чтобы воскреснуть во второй половинѣ XVII в. исключительно въ видѣ старовѣрской реакціи. Съ XVII в. лики теряютъ свой византійскій типъ: исчезаетъ красивый овальный окладъ, особый орлиный носъ, особый продолговатый разрѣзъ глазъ: лики и глаза становятся округлы, носы умѣренны и невыразительны — устанавливается настоящій русскій типъ «безъ особыхъ примѣтъ». Существенно мѣняется и самый смыслъ ликовъ: они утрачиваютъ свое отвлеченное выраженіе, приближавшее ихъ къ символу; устанавливается обыденное, бытовое выраженіе: у лучшихъ мастеровъ еще находимъ спокойное и доброе, а иногда серіозное выраженіе, но безъ всякой идеализаціи, съ чертами элементарной культуры и личности; у ремесленниковъ лики получаютъ вульгарное выраженіе. Все это — результатъ паденія старыхъ культурныхъ центровъ съ ихъ традиціями и повышенными требованіями и распространеніе общерусской народной иконописи. Слѣдуетъ замѣтить, что въ русской, какъ и въ византійской иконописи теплое чувство и художественная идеализація всего полнѣе выразились въ ликахъ Богоматери; они и въ XVII вѣкѣ возвышаются надъ прочими ликами своимъ выраженіемъ. Самыя лучшія иконы Московскихъ писемъ съ к. XVI вѣка и въ теченіе всего XVII в. условно называются Строгановскими. Не такъ давно признавали существованіе особой Строгановской школы; потомъ было доказано, что Строгановы были лишь очень крупными заказчиками царскихъ и вообще лучшихъ московскихъ мастеровъ и богато украшали иконами Московскаго письма церкви на сѣверѣ, въ мѣстахъ своего пребыванія. «Строгановскія» иконы отличаются особой тщательностью и богатствомъ — старательнымъ, подробнымъ рисункомъ, отличными красками, тонкой прописки изображеній золотомъ. Все направленіе можно опредѣлить для первой половины XVII вѣка, какъ каллиграфическое, для второй—какъ орнаментальное. Тончайшей каллиграфіей поражаютъ многоличныя строгановскія иконы съ большимъ количествомъ мельчайшихъ фигуръ, рисованныхъ свѣтлыми и разнообразными красками на золотомъ фонѣ. Но, кромѣ того, до насъ дошло огромное количество плохихъ иконъ XVII вѣка, что объясняется ростомъ населенія и развитіемъ ремесла. Еще на Стоглавомъ Соборѣ раздаются первыя жалобы на неискусныхъ иконописцевъ. Конецъ XVII в. оставилъ намъ слѣдующую бытовую картину: «Вездѣ по деревнямъ и по селамъ прасолы и щепетинники иконы крошнями таскаютъ, а писаны онѣ таково ругательно, что иныя походятъ не на человѣческіе образы, а на дикихъ людей. Прасолъ у прасола ихъ перекупаютъ, что щепье, по сту и по тысячѣ. Шуяне, Холуяне и Палешане на торжкахъ продаютъ ихъ и развозятъ по заглушнымъ деревнямъ и врознь

на яйцо и луковицу, какъ дѣтскія дудки, продаютъ, а большою статьею на опойки и на всякую рухлядь мѣняютъ. И, обманывая простой народъ, щепетинники говорятъ, будто отъ дописанія спасенія не бываетъ; и то слышавши, сельскіе жители добрыхъ письменъ не сбираютъ, а ищутъ дешевыхъ». Предоставленное само себѣ, старое иконное искусство впадало въ двѣ разновидности варварскаго стиля: въ безжизненную каллиграфію и въ одичаніе. Очень трудно вживаться въ эстетическую психологію этого стиля, но наблюденія въ народной и традиціонной средѣ, а равно надъ художниками съ настоящимъ религіознымъ одушевленіемъ заставляютъ принять, что и въ этомъ вырожденіи искусства есть много скрытыхъ художественныхъ переживаній, которыя таятъ въ себѣ любопытные эстетическіе и религіозные импульсы.

Древнія иконы рѣдко были закрыты металлическими ризами, которыя лишаютъ ихъ художественнаго значенія и усиливаютъ характеръ священной утвари. Закрытіе иконъ шло, постепенно усиливаясь, въ теченіе всего XVII вѣка, при чемъ драгоцѣнныя украшенія прежде всего появлялись на иконахъ особо чтимыхъ и иконахъ-вкладахъ. Сначала покрывались металломъ поля (рамка), потомъ—свѣтъ (т. е. фонъ изображеній); во второй половинѣ XVII вѣка сильно входятъ въ обычай вѣнцы вокругъ главы и безобразящія изображеніе цаты (т. е. серповидныя привѣски у шеи изображеній). Конецъ XVII вѣка сталъ закрывать и фигуры, кромѣ тѣла, ликовъ, рукъ; но ообщилась эта мода лишь въ XVIII вѣкѣ.

Расколъ въ XVII вѣкѣ не создалъ новой эпохи иконописи: по отношенію къ искусству это религіозное движеніе выступило съ догматической формулой сохраненія стараго и подражанія старому; это подражаніе въ основѣ было сознательнымъ и утилитарнымъ, формальнымъ и некритическимъ и, очевидно, не могло создать художественнаго теченія. Но провозгласивъ принципъ «до-Никоновской культуры», расколъ тогда же поднялъ интересъ къ старымъ школамъ иконописанія: Новгородской, Царской и Московской; существенная заслуга раскола—въ сохраненіи самыхъ памятниковъ старины, а равно въ сохраненіи традицій иконной техники и народной религіозной эстетики. По отношенію къ западнымъ вліяніямъ въ иконописи расколъ отчасти имѣлъ сдерживающее вліяніе, которое постепенно росло: уже въ концѣ XVII вѣка, въ качествѣ реакціи противъ свѣтлыхъ ликовъ реальнаго колорита, изъ старовѣрческихъ круговъ возобновляется мода темныхъ ликовъ—оливковыхъ и коричневыхъ. Въ миніатюрѣ расколъ, во-первыхъ, выдѣляетъ «поморскую» школу съ чертами Строгановской каллиграфіи, во-вторыхъ, распространяетъ въ массѣ списковъ лицевой Апокалипсисъ, также различныя житія и сказанія, преимущественно мечтательнаго характера, и вообще иллюструетъ цѣлый рядъ дотолѣ не иллюстрованныхъ памятниковъ, что въ свою очередь обогащаетъ иконопись. Всѣ эти вліянія постепенно отражаются и на московскихъ иконникахъ.

Къ срединѣ XVII вѣка въ русскомъ искусствѣ сильно сказываются западныя вліянія, которыя съ тѣхъ поръ не прекращаются и растутъ безостановочно. Въ иконописи устанавливается новое направленіе, которое народъ

самъ отличаетъ отъ своего стараго искусства особымъ терминомъ фрязь, (т. е. искусство «франкскаго», или западнаго характера). Еще при Михаилѣ Ѳеодоровичѣ появляются живописцы иностранцы, которымъ поручается обучать русскихъ учениковъ; изъ послѣднихъ многіе одновременно занимаются живописью и иконописью. Кромѣ того, наблюдается наплывъ западно-русскихъ знаменщиковъ (рисовальщиковъ), а въ концѣ вѣка Кіевская ученость приноситъ свои художественные вкусы. Другимъ источникомъ фрязи въ иконѣ и стѣнописи, и при томъ повсемѣстнымъ для Московскаго государства, были западные гравюрные листы и лицевыя западныя библіи, особенно библія Пискатора, состоящая изъ гравюръ съ краткимъ стихотворнымъ латинскимъ текстомъ, который переводился южно-русскими и западно-русскими виршами. Въ 1653 году патріархъ Никонъ съ свойственной ему неумѣренностью выступаетъ противъ иконъ фряжскаго (вѣроятно, рѣзко-западнаго) письма: онъ отбираетъ даже изъ домовъ знатныхъ лицъ такія иконы и велитъ носить ихъ по Москвѣ съ выколотыми глазама, объявляя по царскому указу строгую кару за писаніе подобныхъ иконъ. Въ слѣдующемъ 1654 году, въ недѣлю Православія, онъ же, въ присутствіи царя, предаетъ анаѳемѣ всѣхъ, кто будетъ писать или держать у себя фряжскія иконы, и тутъ же всенародно подвергаетъ подобныя иконы уничтоженію, провозглашая имена вельможъ, у которыхъ иконы были отобраны. Преемникъ Никона патріархъ Іоакимъ продолжаетъ борьбу, словомъ и дѣломъ, противъ крайностей западной, особенно нѣмецкой школы въ русской иконописи. Въ 1668 году Алексѣй Михайловичъ издаетъ особый приказъ объ упорядоченіи иконописи и о надзорѣ за нею: государь узналъ, «что многіе иконописцы пишутъ не по древнимъ образцамъ, а иконописцы холуяне безграмотные пишутъ иконы безъ всякаго разсужденія и страха». Приказано было писать по древнимъ переводамъ, подвергать написанныя иконы «свидѣтельству» выборныхъ иконописцевъ; продавцамъ же разрѣшалось покупать въ свои лавки у иконниковъ только свидѣтельствованныя иконы. Всѣ эти мѣры преслѣдовали религіозныя, а не художественныя цѣли и, не говоря о фактической невозможности подвергнуть дѣятельному контролю огромную территорію, могли путемъ страха устранить изъ обращенія только крайности: иконы и иконныя гравюры грубаго западнаго производства и близкія къ нимъ по направленію русскія подражанія съ грубыми чертами нѣмецкаго жанра. Безостановочнаго художественнаго вліянія западной школы въ области композицій, движеній, позъ, выраженія ликовъ не могли и не имѣли въ виду остановить эти запреты. Эти заимствованія шли ускореннымъ темпомъ и быстро прививались въ виду уже указаннаго вырожденія стараго иконописнаго искусства. Вредъ этихъ заимствованій состоялъ въ слѣдующемъ: очень часто западное искусство вторгалось къ намъ въ видѣ ремесленныхъ образцовъ, а художественные образцы являлись въ манерѣ слишкомъ роскошнаго барокко: ремесленныя и манерныя черты заимствовались всего легче. Но кромѣ очень сильнаго натиска и кромѣ элементовъ испорченнаго вкуса все это западное искусство вносило и элементъ субъективизма — личнаго чувства и драматизма, свойственнаго западной живописи, чуждаго безличному

и созерцательному искусству древней иконописи: эпическій элементъ иконописи исчезалъ, какъ исчезаетъ былинный эпосъ подъ напоромъ новой, сложной культуры. Историческая неизбѣжность этого процесса ясна изъ того, что вымираніе иконописи началось ранѣе эпохи усиленныхъ западныхъ вліяній, которыя иконопись не могла теперь ассимилировать по отсутствію внутреннихъ силъ. Однако, наблюдая иконопись XVIII и XIX вѣковъ, мы должны признать, что она и въ фрязи сохранила часть своего стараго созерцательнаго настроенія. Главная польза западныхъ вліяній состояла въ томъ, что они замѣняли въ ликахъ сложившееся направленіе обыденнаго и вульгарнаго жанра жанромъ болѣе художественнымъ. Буслаевъ правъ, настаивая на томъ, что вмѣстѣ съ фрязью въ позднюю русскую иконопись входитъ утраченный ею принципъ красоты, какъ входитъ онъ позднѣе съ архитектурными, литературными и всѣми иными вліяніями Запада. Кромѣ того, вмѣстѣ съ западными образцами входитъ принципъ индивидуальнаго творчества, художественной личности. Все это необходимо вторгалось въ иконопись, которая была единственнымъ видомъ національной живописи. При общей склонности къ жанровому направленію, московскіе иконописцы создаютъ теперь длинную серію жанровыхъ ликовъ, болѣе благородныхъ, но не менѣе національныхъ. Фрязь ставила болѣе высокія требованія мастеру, нежели старая стильная иконопись, не требовавшая индивидуальности и предлагавшая ему готовый и значительный стиль. Отъ новой эпохи иконописи всего болѣе страдаютъ посредственные мастера: искусство еще рѣзче отдѣляется отъ ремесла. Талантливые мастера получаютъ средство изображать національную жизнь во всѣхъ ея проявленіяхъ. Какимъ путемъ и темпомъ шло вторженіе фрязи, показываютъ намъ иконописные подлинники (книги иконныхъ образцовъ и предписаній). Древнѣйшіе русскіе подлинники, дошедшіе до насъ, восходятъ къ нач. XVI вѣка: это краткія записи (въ порядкѣ церковнаго года) о внѣшности, аттрибутахъ и одеждахъ отдѣльныхъ святыхъ; онѣ видимо списаны со святцевъ или мѣсячныхъ иконъ и относятся еще къ новгородскому періоду искусства. Древнѣйшіе изъ дошедшихъ лицевыхъ подлинниковъ (съ нач. XVII вѣка) состоятъ изъ самыхъ изображеній съ надписанными краткими указаніями; эти подлинники въ рисункѣ содержатъ московскій стиль XVI в. Изъ не-лицевыхъ подлинниковъ XVII в. новый шагъ представляютъ тѣ, которые послѣ главнаго перечня святыхъ, по большей части старыхъ греческихъ, содержатъ добавочный списокъ святыхъ по большей части русскихъ: новгородскихъ и московскихъ. Въ половинѣ XVII в. изъ среды прогрессивныхъ иконописцевъ вышла новая алфавитная редакція подлинника, исправная, но мало оригинальная. Къ концу XVII вѣка сложилась такъ называемая сводная редакція подлинника, въ сущности—энциклопедія по тогдашнему искусству, собравшая воедино всю массу накопленныхъ сюжетовъ, не исключая аллегорическихъ и декоративныхъ, рядъ историческихъ и легендарныхъ свѣдѣній, выбранныхъ изъ всей старой письменности, справочные алфавитные списки терминовъ и предметовъ. Кромѣ собственныхъ подлинниковъ, до насъ дошли коллекціи прорисей (контурныхъ рисунковъ), по которымъ знаменили

старые иконники. Древнѣйшее изъ такихъ собраній заключаетъ прориси (болѣе 500) всей второй половины XVII вѣка, по которымъ работали иконописцы Сійскаго монастыря (т. н. «Сійскій лицевой подлинникъ»). Это историческій показатель иконописи для эпохи ея быстрой трансформаціи. Въ Сійскомъ подлинникѣ есть: немногія прориси царскаго письма XVI вѣка; общепринятые переводы всего XVII вѣка; снимки съ отборныхъ произведеній XVII в: иконъ Прокопія Чирина, Семена Ушакова; рѣдкая коллекція сѣверныхъ святыхъ, оригинальныя композиціи поучительнаго характера, образцы для упражненія въ иконописи и свѣтской живописи и нѣсколько иностранныхъ гравюръ. Кромѣ именъ мастеровъ, на листахъ находятся многія другія интересныя отмѣтки: на одномъ Деисусѣ (т. е. иконѣ Христа, Богоматери и Іоанна Предтечи) отмѣчено, что онъ «самыхъ добрыхъ греческихъ переводовъ» и «свидѣтельствованный». Одинъ листъ носитъ помѣтку: «образецъ для ученія, знаменить удобенъ»,—это фигуры Апостоловъ и Пророковъ и пр. въ разнообразныхъ типахъ, съ чертами то старой новгородской, то слегка манерной московской, то совершенно вычурной фряжской драпировки, лики же все жанровые и все самыя бравурныя позы. Въ томъ же Сійскомъ подлинникѣ находимъ фигуру трубача, «знамя (т. е. рисунокъ) Василія Осипова Усольца». Эта фигура отлично выдаетъ жанровый вкусъ времени: бравурно изогнувшись, нарядный, въ мелкихъ манерныхъ линіяхъ, трубачъ съ вульгарнымъ лицомъ княжескаго или боярскаго псаря, не безъ довольства собою трубитъ въ большую трубу; любопытно, что самъ авторъ наброска считаетъ нужнымъ оправдать его морализующимъ объясненіемъ. Другое изображеніе—преп. Антоній Сійскій, т. е. патронъ самой обители,—типичный образецъ фряжскихъ портретныхъ ликовъ, которыми такъ богатъ слѣдующій, XVIII в.

На общемъ фонѣ фрязи выступаетъ гармоническій талантъ Симона Ушакова. Повѣстью объ немъ заключимъ мы лѣтопись Московской иконописи. Симонъ Ушаковъ родился въ 1626 году и умеръ въ 1686-мъ. Въ концѣ пятидесятыхъ годовъ мы находимъ его въ числѣ государевыхъ иконописцевъ, въ шестидесятыхъ онъ часто упоминается въ дѣлахъ оружейнаго приказа, какъ иконописецъ и знаменщикъ; съ его образцовъ рѣзали гравюры и шили въ теремахъ дворца. Онъ имѣлъ свою мастерскую и обучилъ нѣсколько иконописцевъ, которые въ восьмидесятыхъ и девяностыхъ годахъ писали иконы въ его манерѣ. Ему же былъ порученъ надзоръ за московскими вольными иконописцами. Кромѣ государевыхъ работъ онъ, въ качествѣ знаменитости, исполнялъ большіе частные заказы, которые сохранились въ различныхъ московскихъ церквахъ, въ Новодѣвичьемъ монастырѣ, Сергіевой Лаврѣ, Флорищевой пустыни. На очень многихъ иконахъ онъ писалъ свое имя, годъ и давалъ различныя другія свѣдѣнія. Симонъ Ушаковъ могъ получить отъ Московской иконописи XVII вѣка въ значительной мѣрѣ испорченный и частью уже непонимаемый рисунокъ съ наклонностью къ орнаментальному и лики съ бытовымъ, неидеальнымъ выраженіемъ. Въ рисункѣ горъ и палатъ Симонъ Ушаковъ вмѣстѣ со своимъ поколѣніемъ довелъ до конца орнаментальное направленіе. Въ палатномъ письмѣ Ушаковъ комбинировалъ унаслѣдованные типы

русской миніатюры съ западными заимствованіями въ тонкую декорацію. Горы у Ушакова условныя, мелко-перистыя, какъ бы копированныя съ южнаго склона сугробовъ, протаянныхъ февральскимъ солнцемъ—это одинъ изъ варіантовъ, введенныхъ его поколѣніемъ. Драпировки фигуръ не сложны, онѣ подражаютъ реальнымъ складкамъ толстыхъ тканей, но не вполнѣ красиво; главныя фигуры чувствуются подъ драпировкой, но не вполнѣ пропорціонально; въ этомъ отношеніи Ушаковъ внесъ лишь посредственный реализмъ и типиченъ только умѣренностью своихъ заимствованій; исключеніе составляютъ аксесуарныя фигуры, взятыя Ушаковымъ въ бравурныхъ позахъ, пропорціяхъ и драпировкахъ прямо съ западныхъ образцовъ. Въ группахъ фигуръ у Ушакова нарушено старое архитектурное единство и не достигнуто единство драматическое: фигуры получаютъ жестъ, но онѣ одиноки по отношенію къ сосѣднимъ. Всѣ эти особенности сводятся къ усиленію декоративнаго элемента и къ замѣнѣ испорченнаго русскаго рисунка умѣреннымъ и посредственнымъ подражаніемъ рисунку западному. Какъ опытный рисовальщикъ, Ушаковъ любитъ сложныя задачи композиціи, о чемъ свидѣтельствуютъ двѣ его иконы въ ц. Грузинской Б. М. въ Москвѣ: Благовѣщеніе 1659 года съ Акаѳистомъ въ двѣнадцати сложныхъ картинахъ и Владимірская Богоматерь 1668 года съ древомъ Московскихъ угодниковъ и государей, выросшимъ изъ Успенскаго собора, съ Никольской и Спасской башнями, съ Кремлевскою стѣной и Алексѣемъ Михайловичемъ и его семьей за нею. Обѣ композиціи находчивы, тонки, но не монументальны и не имѣютъ догматико-мистическаго смысла старыхъ «сложныхъ» композицій, а только смыслъ декоративный. У другихъ мастеровъ, напр., въ Сійскомъ подлинникѣ, а также у мастеровъ безыменныхъ мы имѣемъ иногда больше реализма, драматизмъ, интересную манеру, виртуозность рисунка. Однако извѣстность Симона Ушакова не можетъ быть объясняема только тою памятью, которую самъ онъ сохранилъ о себѣ въ записяхъ на своихъ иконахъ: онъ былъ любимъ и популяренъ въ свое время, какъ человѣкъ и художникъ, какъ уравновѣшенный и мягкій посредникъ между старымъ и новымъ, какъ творецъ пріемлемаго художественнаго компромисса; и надо сказать, что въ его личности этотъ компромиссъ возникъ искренно и просто. Мы знаемъ художественные взгляды и квусы Ушакова изъ полемическаго трактата въ защиту его «школы», написаннаго его ученикомъ Іосифомъ Владиміровымъ. По языку, по западной діалектикѣ, по разсчетливому уваженію къ Стоглаву, Никону и другимъ оффиціальнымъ авторитетамъ, мы узнаемъ въ авторѣ западно-русскаго выходца въ московской средѣ. Простые и ясные взгляды на задачи «новой иконописи» принадлежатъ, безъ сомнѣнія, не ему, а Ушакову. Трактатъ, въ литературной формѣ «посланія» къ Ушакову, говоритъ о томъ, что ремесло, разсчитанное на сбытъ среди деревенскихъ массъ, довело нашу иконопись до полнаго огрубѣнія; что иноземцы осуждаютъ насъ, насмѣхаясь надъ нашимъ дурнымъ письмомъ и «непониманіемъ истины», между тѣмъ какъ сами иностранцы тщательно изображаютъ святыхъ, апостоловъ, пророковъ; что нельзя осуждать русскихъ за заимствованіе иконъ отъ иноземцевъ, ибо нельзя же утверждать, что однимъ

русскимъ предоставлено писать иконы; что многіе святые и при жизни сіяли красотою, а въ небѣ всѣ они просвѣтлены, и потому неразумно изображать всѣ лики на одну манеру—«смугло и темновидно». Всѣ эти соображенія элементарны, но, какъ указалъ Буслаевъ, сводятся къ простѣйшимъ требованіямъ красоты, утраченной русскою иконописью въ Москвѣ съ XVII вѣка, въ провинціи—еще ранѣе. Въ сущности съ тѣхъ поръ, какъ школа Ушакова провозгласила этотъ тезисъ и на практикѣ дала образцы компромисса между старыми формами и новымъ, очень элементарнымъ художественнымъ содержаніемъ, вся наша иконопись, насколько она остается таковою, живетъ Ушаковскимъ направленіемъ—умѣренной фрязи. Посланіе не даромъ говоритъ о «темновидныхъ ликахъ», объ иконахъ, болѣе похожихъ на дикихъ людей, чѣмъ на человѣческіе образы. Школа Ушакова дѣйствительно возстановила человѣческій образъ и прежде всего въ ликахъ; въ этомъ вся ея заслуга, а не въ тѣхъ чертахъ декоративности и посредственнаго реализма, которые она вносила въ до-личное.

Спаситель, кисти Симона Ушакова.

Спаситель, кисти Симона Ушакова.

Лики Ушаковскихъ иконъ разнообразны въ томъ отношеніи, что они представляютъ намъ не одинъ, а разные типы Спасителя, Богоматери, Святыхъ; типы эти легко возводятся къ русскимъ и греческимъ иконамъ XVII вѣка, отъ которыхъ исходилъ Ушаковъ. Но, кромѣ того, очевидно, что на самого Ушакова вліяла греческая фрязь, которая вѣкомъ ранѣе съ наслѣдственной талантливостью успѣла усвоить западную помощь для поддержанія національнаго искусства. Особенно цѣнны оказались эти греческія вліянія въ ликахъ. Выраженіе ликовъ Ушаковскихъ иконъ оригинально и свидѣтельствуетъ о значительномъ художественномъ

Народныя гулянья въ Москвѣ въ XVIII вѣкѣ.

Съ современной гравюры. Изъ собранія Императорскаго Эрмитажа.

Москва въ ея прошломъ и настоящемъ

синтезѣ: кого бы ни рисовалъ Ушаковъ, онъ рисуетъ одну и ту же натуру, но при этомъ не впадаетъ въ манеру, ибо избранная натура характеризуется общими чертами: это органическая, здоровая доброта, отлично уравновѣшенная яснымъ разумомъ,—въ этой широкой рамѣ возможно значительное разнообразіе. Лучшіе Новгородскіе лики дышали волей и энергіей интеллекта. Есть художники западные, рисующіе натуры столь деликатныя, что онѣ, кажется, должны погибнуть при первомъ столкновеніи съ дѣйствительностью. Ушаковъ не рисуетъ намъ волевыхъ натуръ, но мы не боимся, что его натуры погибнутъ въ жизненной коллизіи: онѣ нѣсколько возвышены надъ жизнью. Ушаковъ далъ симпатичные и доступные образцы новой художественной идеализаціи, между тѣмъ какъ остальные мастера фрязи давали лишь художественный жанръ.

Богоматерь, кисти Симона Ушакова.

ОГЛАВЛЕНІЕ
ПЯТАГО ВЫПУСКА.

Стр.

В. И. Пичета. БытЪ МосковскихЪ царей и царицЪ 5

В. И. Пичета. Боярскій бытЪ въ XVII вѢкѣ 48

В. Я. УлановЪ. Московское духовенство въ XVI—XVII вв. . 68

С. П. МельгуновЪ. Москва и старая вѣра 82

Проф. В. Н. ЩепкинЪ. Московская иконописЬ 106

Негативы исполнены фотографіей Т-ва „Образованіе“.

Воспроизведеніе воспрещается и будетъ преслѣдоваться.

Всѣ рисунки и обложка печатаны въ Графическомъ Институтѣ Т-ва „Образованіе“.